

Божественные гимны преподобный Симеон Новый Богослов

Гимн 1. О том, что божественный огонь Духа, коснувшись душ, очистившихся слезами и покаянием, охватывает их и еще более очищает; освещая же помраченные грехом части их и врачую раны, он приводит их к совершенному исцелению, так что они блистают **115 божественною красотой **116**.**

Поистине Божество есть огонь, как сказал Владыка, так как Он пришел, чтобы низвести его... (Лук. 12:49). Но на какую землю, скажи мне? – На людей, конечно, земное мудрствующих. О том, что Он хотел и хочет возжечься во всех, послушай, чадо ¹¹⁷, и познай глубину божественных таинств. Итак, какого рода этот Божественный огонь? Не считаешь ли ты его видимым, тварным или уловимым? – Он отнюдь не таков. Если бы ты был посвящен в его тайну, то достоверно бы знал, что он неудержим, несотворен, невидим, безначален и нематериален, совершенно неизменен, равно как неописуем, неугасим, бессмертен, совершенно неуловим, будучи вне всех тварей: вещественных и невещественных, видимых и невидимых, безтелесных и телесных, земных и небесных, – вне всех их пребывает он по природе, по сущности и, разумеется, по власти. Итак, скажи мне, в какое вещество ввергается он? – В души, преизобильно имеющие главнее всего (ἄνω) милость (ἔλαον) и прежде этого и вместе с этим веру и дела, ее подтверждающие. Когда приобретены бывают эти добродетели, тогда как в светильник, полный елея и пакли, Владыка ввергает огонь, которого мир не видел и не может видеть. Миром же я называю находящихся в мире и мирское мудрствующих. Подобно тому, как светильник возжигается тогда (я говорю в чувственных образах), когда прикоснется к огню; так, духовно разумеи, и божественный огонь, прикасаясь к душам, воспламеняет их. Прежде чем прикоснется, как он может возжечь? а прежде чем не будет ввержен, как прикоснется? Поистине никак не может. Когда же светильник горит и ясно всех освещает, не погаснет ли он, если не станет елея?

Но ¹¹⁸ обрати внимание на нечто другое – важнейшее, что более всего меня устрашает. В то время, когда светильник мой ярко горит при изобилии елея и пакли, мышь или какое-либо другое животное, придя,

опрокидывает светильник или, вылизав мало-по-малу, уничтожает елей и съедает паклю, – и лампада угасает. Еще удивительнее то, что когда пакля, называемая фитилем, вся погружается в елей, тогда огонь тотчас угасает, – и светильник мой, перестав светить, делается совершенно темным. Под светильником разумей душу мою, под елеем – добродетели, фитиль же – это ум мой. Появляясь в нем, божественный огонь освещает душу вместе и весь дом тела моего и находящихся в доме, то есть мысли и намерения. Так бывает, когда огонь этот светит. Если же появится зависть, или злопамятство, или славолубие, или какая-либо другая похоть некоего удовольствия или страсти и опрокинет светильник, то есть (доброе) расположение души моей, или вылизет елей, говорю, добродетелей, ум же мой, который, как я сказал, поистине есть фитиль, имеющий в себе ярко светящийся божественный свет, либо весь поглотит дурными мыслями, либо весь погрузит в елее, то есть когда ум, помышляя о своих добродетельных деяниях, впадет в самомнение и ослепнет, – если от одной из этих причин или от чего-либо другого светильнику моему случится угаснуть, то, скажи мне, где тогда будет огонь, или что сделается с ним? останется ли он в светильнике или исчезнет из него? О неразумие, о безумие! Как можно допустить, чтобы светильник возжегся без огня, или огонь остался в нем без вещества? Ведь огонь всегда ищет и стремится охватить вещество. Но наше дело, конечно, – изготовлять это вещество и вполне охотно представлять самих себя в качестве светильников с елеем – украшенных всякими добродетелями, фитиль же ума держать прямо, чтобы он, коснувшись огня и мало-по-малу возжегшись, оставался в таком состоянии у тех, которые стяжали последний. Иначе ведь этот огонь (пусть никто не обольщается) – невидим, недержим и совершенно неуловим, потому что он, как сказал я, пребывает вне всех тварей; неуловимо же уловимым делается он чрез неизреченное соединение и описуемым точно также в неопишуемом образе.

Не исследуй же этого вовсе ни на словах ни в мыслях, но проси ниспослать тебе тот огонь, который научает и ясно показывает стяжавшим его все это и еще более таинственные вещи неизреченным образом. Внимай же, чадо, этим сокровеннейшим таинствам, если желаешь. Когда божественный огонь воссияет, как сказал я, и прогонит рой страстей, и дом души твоей очистит, тогда он смешивается с нею без смешения и соединяется несказанно, существенно, с сущностью ее, весь со всею совершенно, и мало-по-малу озаряет ее, делает огнем, просвещает, и при том как? – так как и сказать я не могу. Тогда двое, душа с Творцом делаются едино, и в душе пребывает Творец, один с одною весь Тот, Кто

дланью Своею содержит всю тварь. Не сомневайся, Он весь с Отцом и Духом вмещается в одной душе и душу внутри Себя (ἐν τοῖς ἐκείῳ) объемлет. Разумей, смотри, внимай этому... Я ведь сказал тебе, что душу содержит внутри Свет нестерпимый и неприступный для ангелов, опять же и Сам в душе обитает, отнюдь не сожигая ее. Познал ли глубину таинств? – человек, малый среди видимых вещей, тень и прах, имеет внутри себя Бога всего, на одном персте Которого повешена тварь, и от Которого всякий имеет бытие, жизнь и движение. От Него – всякий ум, душа и разум разумных существ, неразумных же – дыхание. Оттуда же происходит бытие всех животных, как одаренных умом, так и одаренных чувствами. Имеющий Его, кто бы он ни был, и носящий внутри себя, и созерцающий красоту Его как стерпит он пламя желания (πόθου)? как снесет огонь любви? как не источит горячих слез от сердца? как поведает чудеса эти? как исчислит то, что совершается в нем? как и умолчит совершенно, будучи принуждаем говорить? ибо он видит себя во аде, благодаря сиянию, говорю, света. Никто ведь из сидящих там не может познать себя прежде озарения Божественным светом; но все они находятся в неведении о том мраке, тлении и смерти, коими одержимы. Однако душа та, говорю я, видит просвет (ἔνθα λάμπει) и понимает, что вся она находилась в страшнейшей тьме, под крепчайшею стражей глубочайшого неведения. Тогда видит она, что все то место, где она заключена, есть болото, наполненное нечистыми ядовитыми гадами. Себя же саму она видит связанной и скованной узами по рукам вместе и по ногам, иссохшей и загрязненной, вместе с тем израненною укушениями змей и что плоть она носит вспухшую и со множеством червей. Видя это, как не содрогнется она? как не восплачет? как не вскричит, горячо каясь и прося исторгнуть ее от тех страшных уз? Всякий, кто бы действительно увидел это, и восстенал бы, и взрыдал, и пожелал бы последовать источнику света – Христу.

Итак, когда я делаю то, что сказал, и припадаю к источнику света (хорошо внимай словам моим), Он касается руками моих уз и ран, и где прикоснется рукою или приблизится перстом, там тотчас разрешаются узы, черви вымирают, исчезают раны, и вместе с ними спадает грязь и мелкие пятна плоти моей. Все это стягивается и заживает так хорошо, что на месте раны совершенно не видно бывает рубца, но скорее Он содельывает то место блистающим, подобно божественной руке Своей, – и дивным чудом бывает тогда плоть моя! Не только, говорю, существо души, но также и члены тела моего, приобщившись божественной славы, блистают божественным светом. Видя, как это совершилось над частью

тела моего, как не пожелаю я и не стану молить о том, чтобы и все мое тело избавилось от зол и точно также получило то здравие и ту славу, о каких я сказал? И когда я делаю это, лучше же, и еще горячее молюсь, и когда соразмерно чудесам изумляюсь, благий Владыка, передвигая Свою руку, касается прочих частей тела моего; и я вижу, как они таким же образом, как раньше сказано, очищаются и облакаются в божественную славу. Итак, лишь только я очистился и освободился от уз, Он подает мне божественную руку, поднимает из болота, весь, обнимая меня, падает на шею и (увы мне! как я стерплю это) беспрестанно целует меня. Когда же я весь изнемог и лишился сил (горе мне, как напишу я это), Он берет меня на плечи, – о любовь, о благость!.. изводит из ада, от земли и из мрака, и вводит меня в иной либо мир, либо воздух, чего вообще я не могу выразить. Я знаю только, что свет меня и носит, и содержит, и возводит к великому Свету, коего великое божественное чудо совершенно не в силах, думаю, изречь или высказать друг другу даже ангелы. Когда я был там, Он снова показал мне то, скажу тебе, что находится во свете, лучше же, что от света, дал мне уразуметь то дивное воссоздание, которым Сам воссоздал меня, избавил меня от тления и всего меня освободил от смерти с ощущением этого, даровал мне бессмертную жизнь, отделил меня от тленного мира и присущих миру вещей, облек меня в невещественную и световидную одежду, надел также обувь, перстень и венец – все нетленное, вечное, необычайное для здешних вещей, сделал меня неощутимым, неосязаемым и – о чудо! – невидимым подобно тем невидимым (вещам), с которыми соединил меня.

Итак, сделав меня таковым и таким образом, Создатель ввел меня в чувственное и телесное жилище, заключив меня в нем и запечатав. Низведя же в чувственный и видимый мир, Он опять определил жить и сопребывать мне, освободившемуся от тьмы, с пребывающими во тьме, то есть запереться с теми, которые находятся в болоте, лучше же, учить их, приводя в познание того, какими ранами они обложены и какими узами держимы. Заповедав мне это, Он удалился. Итак, – будучи оставлен один, в прежней, говорю, тьме, я недоволен был теми неизреченными благами, которые Он даровал мне, всего меня обновив, всего обессмертив ¹¹⁹ и Христом соделав, но лишившись Его, забыл о всех тех благах, о которых сказал и (коих) считал себя лишенным. Поэтому, как прикованный к одру прежних болезней, я терзался, и сидя внутри своего жилища, как бы заключенный в гробе или в бочке, плакал и сильно рыдал, совершенно ничего вне себя не видя. Ибо я искал Того, Кого возжелал, Кого возлюбил, красотой Которого был уязвлен; возжегшись, я горел и весь пламенел.

Итак, когда я таким образом проводил жизнь, так плакал, истаявая от слез, и как бы бичуемый, вопил от сильной боли, Он, услыша мой вопль, приклонился с недомысленной высоты, и увидев меня, сжалился, и снова сподобил меня увидеть Его – невидимого для всех, насколько доступно то человеку. Увидев Его, я весьма удивился, будучи заперт в жилище, и заключен в бочке, и находясь среди тьмы, то есть чувственного неба и земли, потому что сам я – тьма. Так как всех людей, мысли которых прилепляются к чувственным предметам, эти последние покрывают густою тьмой.

Однако, находясь среди этих предметов, я, как сказал, умно увидел Того, Кто и прежде был и ныне пребывает вне всех вещей; и удивился, изумился, утрашился и возрадовался, размышляя о чуде, как я, находясь среди всех вещей, вижу пребывающего вне всего, – один вижу Того, Кто меня видит, не зная, где Он, сколь велик и какого рода, или каков Тот, Кого я вижу, или как я вижу, или что вижу. Однако, видя это видение, я плакал, что совершенно не мог ни знать, ни помыслить или сколько-нибудь уразуметь тот способ, как я Его вижу и как Он меня видит. Итак, я снова увидел Его внутри своего жилища – бочки, что Он весь внезапно пришел, невыразимо соединился, неизреченно сочетался и без смешения смешался со мною, как огонь в железе и как свет в стекле. Он и меня сделал как бы огнем, показал как бы светом, и я стал тем самым, что видел пред этим и созерцал вдали, не зная, как выразить тебе тот невероятный способ. Ибо я и тогда не мог познать и теперь совершенно не знаю, как Он вошел и как соединился со мною. Будучи же соединен с Ним, как я изъясню тебе, кто – Тот, Который соединился со мною, и с кем я взаимно соединился. Боюсь и трепещу, как бы, в случае расскажу я, а ты не поверишь, не впал ты, брат мой, по неведению в богохульство и не погубил свою душу. Однако если я и Тот, с Кем соединился я, стали едино, то как назову я себя? – Богом, Который двояк по природе и един по ипостаси, так как Он двояким меня соделал. Сделав же двояким, Он двоякое поэтому и имя, как видишь, мне дал. Смотри различие: я – человек по природе и Бог по благодати. Видишь, о какой я говорю благодати? – о том единении, которое бывает с Ним чувственным образом и умным, существенным и духовным. Об умном единении я говорил уже тебе разнообразно и разносторонне; чувственным же – я называю то, которое бывает в таинствах. Очистившись покаянием и потоками слез и приобщаясь обоженного тела, как самого Бога, я и сам делаюсь Богом чрез неизреченное соединение. Итак, вот таинство: душа и тело (повторяю от великой и чрезмерной радости) в двух сущностях бывают едино, то есть

едино и два они бывают, приобщаясь Христа и пия Его кровь; соединяясь с Богом моим обоими сущностями и природами также, они делаются Богом по причастью. Поэтому одноименно и называются именем Того, Кого существенно приобщились. Ведь уголь называют огнем, и черное железо, когда оно раскалено в огне, кажется как бы огнем. Итак, чем предмет кажется, тем и называется: кажется огнем, огнем и называется. Если ты не опознаешь себя таковым, то не отказывайся, по крайней мере, доверять тем, которые говорят тебе об этих вещах. Но от всего сердца своего взъщи, и получишь жемчужину, или каплю, или как бы горчичное зерно, как искру – божественное семя.

Но как ты будешь искать то, о чем я говорю тебе? – Внимай и тщательно исполняй, и ты вскоре найдешь. Возьми ясный образ камня и железа, потому что в них заключена, конечно, природа огня, хотя она совершенно не видна. Однако, сталкиваясь друг с другом, они испускают одну за другой огненные искры, но, показываясь в своем прежнем виде, все же не зажигают, доколе не коснутся вещества. Когда же с последним соединится самая малая вышедшая из них искра, то она мало-по-малу зажигает вещество, испускает вверх пламя и освещает дом, прогоняя тьму и давая возможность видеть всех находящихся в доме. Видел ли диво? Итак, скажи мне, как камень и железо, прежде чем много раз не столкнутся, могут испустить искры ¹²⁰? Без искры же как вещество может само собою зажечься? а прежде чем не возжеться, как оно станет светить или как тьму прогонит, давая тебе возможность видеть? – Никоим образом, скажешь ты мне, конечно, невозможно этому быть. Так старайся же таким образом делать и ты, и получишь. Что, говорю, получишь? – искру божественной природы, которую Творец уподобил многоценной жемчужине и горчичному зерну. Но что же должно тебе, говорю, делать? – Терпеливо внимай, чадо. Пусть будет у тебя душа и тело вместо камня и железа, ум же, как самодержавный властитель страстей, пусть упражняется в добродетельных деяниях и богоугодных мыслях; содержа умными руками тело, как камень, душу же, как железо, пусть он влечет их и силою принуждает к этим деяниям, потому что царство небесное силою берется (Мф. 11, 12). Но о каких деяниях я говорю тебе? – о бдении и посте, горячем покаянии, печали и потоках слез, неусыпной памяти смертной, беспрестанной молитве и терпении всевозможных находящихся искушений. Прежде же всего этого – о молчании, глубоком смирении, совершенном послушании и отсечении своей воли. Упражняясь в таких и таковых деяниях и будучи всегда занята ими, душа делает прежде всего ум твой способным к восприятию озарений. Но последние скоро угасают,

потому что ум не утончился еще настолько, чтобы тотчас возжигаться. Когда же божественный луч коснется и сердца, тогда и его осветит, и ум очистит и на высоту поднимет и, возведя на небо, соединит с божественным светом.

Прежде чем ты не сделаешь того, о чем говорю я, как, скажи мне, можешь ты очиститься? а прежде нежели очистишься, как ум твой может воспринять божественные озарения? Каким образом, скажи мне, и откуда иначе божественный огонь может упасть в твое сердце и возгореться в нем, и его возжечь и воспламенить и соединить и сочетать с Богом, сделав творение нераздельным с Творцом? – никоим образом, скажешь ты мне, этого не может быть ни с кем ни из рожденных, ни из имеющих родиться. Что следует затем, не спрашивай... Ибо если соединишься со Светом, то Он Сам всему научит тебя, и все откроет и покажет, сколько полезно тебе научиться, потому что иначе невозможно тебе посредством слов научиться тому, что находится там. Господу нашему слава во веки веков. Аминь.

Гимн 2. О том, что страх рождает любовь, любовь же, Божественным и Святым Духом, искореняет из души страх и остается в ней одна 121.

Как воспую я, как прослаблю, как достойно восхваляю Бога моего, преобедившего множество грехов моих? как вообще я воззрю на высоту 122? как возведу очи, как открою уста, Отче? как двигну губами своими, как протяну руки свои к высоте небесной? какие слова я найду, какие изречения употреблю? как дерзну говорить я? как стану просить отпущения безмерных падений и многих прегрешений моих? – Поистине я совершил дела, превышающие всякое прощение. Ты знаешь, Спаситель, о чем говорю я. Противоестественными делами я превзошел всякое естество и явился худшим бессловесных: всех животных морских и всех скотов земных. Преступив Твои заповеди, я поистине сделался хуже гадов и зверей 123. Итак, осквернив свое тело и душу, как явлюсь я к Тебе? как воззрю на Тебя? как вообще посмею, несчастный, стать пред лицом Твоим? как не убегу от славы Твоей и блистающего света Св. Твоего Духа? как не пойду один я во тьму, соделав дела тьмы и будучи отлучен от сонма святых? как я, несущий отсюда уже от дел своих осуждение, стерплю тогда глас Твой, отсылающий меня во тьму? Весь дрожа и трепеща, одержимый страхом и ужасом, я взываю к Тебе: знаю, Спаситель, что никто другой не согрешил пред Тобою, как я, ни деяний таких не сотворил, какие именно я, несчастный, соделал, будучи виновником гибели для других. Но с другой стороны я знаю и то и уверен, Боже мой, что ни великость преступлений, ни множество грехов, ни постыдность деяний никогда не превзойдут многого, лучше же премногого человеколюбия Твоего и того превышающего ум и слово милосердия Твоего, которое ты обильно изливаешь на горячо кающихся грешников, очищая и просвещая их, без зависти соделывая причастниками света 124 и общниками Божества Своего и (что чудно для ангелов и для человеческих мыслей) часто беседуя с ними, как с истинными друзьями Твоими 125.

О благодать беспредельная, о любовь неизреченная! Поэтому я и припадаю к Тебе, горячо взывая: как принял Ты блудного сына и блудницу, пришедших к Тебе, так прими, Милостиве, и меня, от души кающегося... Вменив, Христе мой, капли слез моих как бы в источники всегда текущие, омой ими душу мою, омой и скверны тела моего, которые

– от страстей. Очисти и сердце мое от всякого лукавства, потому что оно есть корень и источник греха. Лукавство есть семя лукавого сеятеля; а где оно есть, там и произрастает, и поднимается вверх, и производит весьма много ветвей лукавства и злобы. Его-то корни из глубины исторгнув, Христос мой, и очистив ниву души и сердца моего, всади в них страх Твой, Милостиве. Дай ему укорениться и хорошо взойти, дабы он высоко возрос на страже заповедей Твоих, ежечасно возвращаемый умножением слез и слезных потоков, будучи орошаем которыми, он все более растет и поднимается вверх. Соразмерно страху и вместе с ним возрастает и смирение, от смирения же исчезают все страсти, а с ними прогоняется и полчище демонов. Все же прочия добродетели вокруг этой царицы добродетелей являются как бы стражами, подругами и служанками, сопровождающими госпожу. Когда они бывают собраны вместе и соединены друг с дружкой, тогда среди них, как древо при исходищах вод (Псал. 1, 3), произрастает страх, насажденный Тобою, и мало-по-малу показывает необычайный для меня цвет. Необычайный, сказал я, потому что всякая порода рождает по роду своему, и семя всех деревьев в каждом из них бывает по роду его. Страх же Твой показывает и цвет необычайной породы и плод также необычный и неподходящий к нему. Так как страх естественно полон уныния и стяжавших его беспрестанно печалит, делая их как бы рабами, заслужившими многих ударов, которые с часу на час ожидают посещения смерти, видя косу ее и не зная только последнего момента. Не имея ни надежды ни полной уверенности в совершенном помиловании, они дрожат и трепещут конца, томясь неопределенностью и постоянно ожидая окончательного судебного приговора ¹²⁶. Итак, тот цвет, который приносит страх, неизъясним по виду и еще более неизъясним по образу, потому что, расцветая, он бывает видим, но тотчас же исчезает, что не естественно и не последовательно, но вопреки естеству природы превосходит всякую природу. Между тем цвет кажется столь прекрасным, что превосходит всякое слово и увлекает весь ум мой к созерцанию себя, не позволяя ему помнить ничего внушаемого страхом, но производит у меня тогда забвение всех этих вещей, и вскоре... улетает. Дерево же страха снова бывает без цвета; когда же я, отдавшись печали, вздыхаю и горячо взываю к Тебе, снова вижу цвет на ветвях дерева. Устремив взор, о Христе мой, на один цвет, я не вижу тогда дерева, но все более и более расцветающий цвет, который, привлекая всего меня к себе любовью, переходит в плод любви и исчезает. Плод же этот не терпит, чтобы его носило дерево страха, но когда вполне созреет, тогда кажется одним без дерева, потому что в любви совершенно нет страха, однако без

страха этот плод не может родиться в душе.

Поистине это есть чудо, превосходящее слово и всякую мысль, что дерево, возделываемое с помощью труда, дает цвет и приносит плод, плод же его, искореняя все дерево, остается один сам по себе. Каким образом плод бывает без дерева, – я совершенно не могу изъяснить. Между тем любовь остается и пребывает без страха, который породил ее; поэтому она подлинно есть всякая радость, и того, кто приобрел ее, исполняет радости и веселия, изводя его чувством вне мира, чего совершенно не в состоянии произвести страх, потому что, пребывая среди видимых и чувственных вещей, как он может удалить от них того, кто имеет его, и чувством сочетать всего его с невидимым ¹²⁷? Цвет же и плод, рождаемый страхом, пребывая вне мира, способен и ум восхищать и душу с ним поднимать и уносить вне мира. Но как любовь уносит их вне мира, – мне бы хотелось, говоришь, точно знать? Ясно выразить это, как я говорил уже, невозможно; однако внимай, и я скажу тебе.

Любовь эта есть Божественный Дух. Об этом говорили те (ученики) ¹²⁸, когда для них стал невидим Владыка. Она есть тот всесовершенный и просвещающий Свет, который был в них ¹²⁹. Однако же этот Свет не от мира, ни вообще что-либо из мира и не тварь, так как Он несозданный и пребывает вне всех тварей, как нетварный среди тварных вещей. Разумей, что я говорю тебе, чадо. Ибо Он отделен от них. Несозданный же никоим образом не может сделаться тварью. Но если бы пожелал, то и это Ему возможно сделать, потому что Слово содействием Духа и благоволением Отца действительно сделалось неизменно совершенным человеком. Будучи по природе Богом несозданным, Оно неизреченным образом сделалось сотворенным, и обожив воспринятое, в двух действиях и двух также волях показало мне двоякое чудо: видимого и невидимого, держимого и недержимого, явившегося как тварь среди всех тварей, а не случайно и призрачно ставшего тварью, как думали некоторые. Оно совершенно не было призрачным, но, находясь среди чувственных тварей, Слово было видимо соединенным с воспринятым, как тварь. Восприняв же тварь и скрывая или возводя ее на высоту в славу Свою – это жилище Его, славу, превосходящую наше разумение, Оно тогда внезапно сокрылось ¹³⁰. Ибо Творец всего, будучи невместим для всех тварей, как Бог все наполняющий, как иначе мог бы сокрыться? Или ты станешь переставлять Владыку с одного места на другое и будешь утверждать, что Он таким образом скрылся от взоров св. Апостолов ¹³¹? Прочь, чтобы по неведению не впасть тебе в богохульство.

Если же угодно, то слушай о действиях любви, и ты узнаешь, каким

образом она является выше всего. Чего именно всего? Но разве ты не слышал слов Апостола (1 Кор. 13, 1–3), что иметь любовь выше, нежели говорить языками ангельскими и всеми человеческими, иметь всю веру, так что и горы переставлять, обладать всяким ведением и знать глубину таинств, расточить все богатство и самому сделаться нищим и даже тело предать за Христа на сожжение? Любовь настолько выше всего этого, что без нее ни одна из этих добродетелей, ни все они вместе совершенно не принесут никакой пользы стяжавшему их. Поэтому кто лишен и любви и всех названных добродетелей, то где он, скажи мне, окажется? что будет делать? как дерзнет вопрошающим его назвать себя верным? Итак, внимай словам моим о любви. Сижу ли я в кельи ночью или днем, любовь невидимо и неведомо соприсутствует мне. Будучи вне всех тварей, но в то же время и со всеми, она есть огонь и свет (αἴγλη), она бывает облаком света и делается солнцем. Итак, как огонь, она согревает душу мою и воспламеняет сердце, возбуждая в них желание и любовь к Творцу. Когда же я воспламеняюсь душою и делаюсь подобным огню, она, как светоносное сияние, вся летает вокруг меня, испуская в душу мою блестящие лучи, и просвещая ум мой и делая его зрячим, показывает его способным к высоте созерцания. Это именно и есть то, что я назвал раньше цветом страха. Видя этот Свет и исполнившись несказанной радости, я недолго однако радовался тому, что видел, так как, принеши мне божественную радость, Он удалился, совосхитив с Собою ум мой, и чувство, и всякое мирское желание. Последовав за Ним, ум мой хотел уловить явившийся мне Свет, но не нашел его тварным и не мог оказаться совершенно вне тварей, чтобы уловить этот несозданный и неуловимый Свет. Однако ум мой все обошел, пытаюсь увидеть Его: обыскал воздух, обернулся по небу, исходил, кажется, в поисках бездны и концы мира; но ничего во всем этом не нашел, так как все это – тварное. Поэтому я плакал, печалился и сгорал внутренно, и будучи в исступлении как бы бесчувственным, проводил так жизнь. После же Он пришел, когда захотел, и спустившись в виде светлого облака на мою голову, весь, казалось, осел и заставлял меня, бывшего в исступлении, кричать. Однако, опять улетев, Он оставил меня одного; когда же я тщательно начал искать Его, то снова всего Его внезапно нашел в себе и узнал, увидев внутри своего сердца, поистине как светило или как диск солнца. Явившись таким образом и будучи ясно узан мною, Он обратил в бегство толпу демонов, прогнал робость, внушил мне мужество и, обнажив ум мой от мирского чувства, облек меня в одежду умного чувства. Отлучив же меня от видимого и сочетав с невидимым, Он дал мне видеть Несотворенного и радоваться

тому, что я отделился от вещей тварных, видимых и скорогибнущих и соединился с Несотворенным, Нетленным, Безначальным и для всех Невидимым. Ибо это есть любовь.

Потечем же, верные, ревностно на труд, поспешим, нерадивые, пробудимся, ленивые, чтобы, обладая любовью, нам еще в большей степени сделаться ее причастниками, и перейдя таким образом отсюда и будучи с нею и вне видимых вещей, с нею же предстать Творцу и Владыке. Дабы в противном случае, оказавшись без нее, то есть без любви, среди видимых вещей и среди тварей, не были мы оставлены, как твари, в огне и тартаре и страшных мучениях. Если бы можно было спастись без нее, о Христе мой, то каким образом? – Нет, нет, это никоим образом невозможно. Если мы отделимся от света, то как избежим тьмы? если лишимся радости, то как освободимся от печали? оказавшись вне брачного чертога, как мы будем внутри его сорадоваться с находящимися там? будучи извержены из царствия, от Твоего, говорю, Спасителю, взора, какое иное возможем мы найти спасение, какое утешение, или в каком ином месте? Поистине и совершенно невозможно найти такого места, хотя бы некоторым неразумно и представлялось оно. Ибо неразумен тот, кто говорит о нем.

Но, быть может, кто-либо, возражая, скажет неразумно: как вне царства небесного, вне чертога и сонма праведников не будет иного места спасения или упокоения? – Неразумный, говорит любовь, не слыхал ли ты, что праотец твой Адам, преступив одну заповедь в раю, обнажился от божественной славы и вместе с Евой был немедленно изгнан из рая, получив вместо наслаждения ¹³² жизнь, исполненную потов, и праведный приговор от Бога жить и умирать. Так, полагай, будет и во время суда с тем, кто действительно окажется обнаженным от божественной славы, как и Адам ¹³³. Первой же из всех добродетелей, царицей и госпожой поистине является любовь. Она всем им глава, одежда и слава. Без главы же тело мертво и бездушно. Равно и тело без одежды не будет ли нагим? Так и добродетели без любви тщетны и бесполезны; так обнажен от божественной славы и тот, кто не имеет любви, и хотя бы он имел все добродетели, предстанет обнаженным и, не снося наготы своей, пожелает лучше скрыться, так как вместе со стыдом он будет иметь и осуждение и услышит от Судии всех: не вем тя. Пришедши на землю, Творец воспринял душу и плоть, нам же дал Божественного Духа, Который есть любовь. Итак, если хочешь и желаешь получить Божественного Духа, совершенно веруй в Бога, отрекись также от себя самого, без колебания возьми крест на плечи и умри, чадо, произволением, чтобы сделаться тебе

причастником жизни бессмертной. Да не обольстят тебя обманщики своими лживыми речами о том, что (не отныне еще, а только) по смерти умирающие получают жизнь, дабы, поверив, ты не вознерадел и не лишился причастия жизни.

Внимай словам Божиим, внимай Апостолам и учителям Церкви. О чем Христос ежечасно взывает? – Реки божественного источника воды вечно живой истекут из чрева верующих в Меня (Иоан. 7, 38). Говоря это, что Он называет водою, как не благодать Духа? Он же убождает чистых сердцем (Мф. 5, 8), говоря, что они здесь узрят Бога. И все Апостолы и учителя взывают, что отсюда еще должно воспринять как Духа Святого, так и самого Христа, если только мы желаем спастись. Послушай глас Владыки, послушай слов Слова, как изъясняет Он царство небесное, которое отсюда еще должны воспринять люди, говоря, что оно подобно многоценной жемчужине (Мф. 13, 45). Слыша о жемчужине, что ты подразумеваешь? скажешь ли, что это камень или вообще нечто держимое и сколько-нибудь видимое? Прочь от богохульства, ибо это – мысленная жемчужина. А тот купец, который нашел ее, скажи теперь, как он нашел ее? Если она недержима и невидима, то где он нашел ее, как увидел, – научи меня? как, все продав, купил то, чего не мог ни видеть, ни в руках держать, ни вложить в недра? Одною верою, конечно, и надеждою он так был настроен, как если бы имел ее, – ответишь ты. Но не сказал Владыка, как ты полагаешь, что он в надежде нашел ее, в надежде воспринял и продал имущество. Зачем тебе заблуждаться, зачем опираться на пустые надежды ¹³⁴? Ты избличаешь себя самого, что не желаешь искать, не желаешь найти, не желаешь продать своего имущества и взять царство небесное, которое находится внутри тебя, если ты пожелаешь, как сказал Владыка.

Но, быть может, ты – нищий и не имеешь ни золота, ни имений, ни богатства; и услыша, что та бесценная жемчужина покупается продажею всего имущества, скажешь, каким образом я – неимущий буду иметь возможность приобрести эту божественную и прекрасную жемчужину? Поэтому прошу тебя благоразумно послушать. Если бы ты обладал всем миром и тем, что в мире, и расточив, все это раздал сиротам и вдовицам и нуждающимся нищим и сам бы сделался нищим, и помыслил бы, что ты уплатил совершенно равную цену, говоря: дайте мне жемчужину, потому что я все свое отдал; то тотчас бы услышал в ответ от Владыки: что это все ты называешь своим? Нагим ты вышел из чрева матери твоей и нагим, конечно, опять пойдешь в могилу; что же, неразумный, ты называешь своим? Ты совершенно бесчувствен, не

воспринял ты царствия и не получишь жемчужины. Если бы ты совершенно расточил все имущество твое, если бы весьма обнищал и приступил, говоря: воззри, Спасителю, на сердце и душу сокрушенную, ужасно мучимую и сильно палимую; воззри, Владыко, на меня обнаженного, недоумевающего, чуждого всякой добродетели и не имущего, что дать в выкуп за Тебя, Слове, и помилуй меня, едине незлобиве Боже мой! Ибо что достойное найду я в мире, о Боже мой, что мог бы я дать в цену за Тебя, сотворившего все? Ибо что дала Тебе блудница, что предложил разбойник? или какое богатство блудный сын принес Тебе, Христе мой? – если скажешь это, то услышишь: да, они принесли Мне дары, подлинно принесли Мне богатство: отдав, что имели, они получили жемчужину, превосходнейшую целого мира. Если угодно, это и ты принеси Мне, и, конечно, получишь... Приступи с этим ко Мне, и Я тотчас покажу тебе ту жемчужину, которую получили они. Если ты отдашь и самую душу, не думай и не считай, что ты уплатил нечто совершенно достойное. Ибо Я имею, конечно, власть, имею и жемчужины, которые если бы весь мир воспринял и с этим миром мириады иных миров, то из Моих сокровищ не убудет ни одной даже жемчужины; и если ты приступишь ко Мне, как приступила блудница, то Я и тебе дам дар, как ей даровал. Так тебе Бог скажет и научит, как приступил к Нему разбойник и блудница, прославляемые в мире, и как был принят блудный сын, лишь только обратился. Разбойник же верою спасся, хотя он и много зла сделал. И праведно, потому что в то время, когда все Меня отрицались, все соблазнялись, когда Я висел на древе, он один исповедал Меня Богом и Царем и от всего сердца воззвал ко Мне, как к бессмертному. Потому он прежде всех и получил царствие. А любовь блудницы? какая речь представить ее? Нося ее в сердце, она приступила ко Мне, как к Богу и Владыке всего видимого и невидимого, и принесла ее так щедро, как никто до тех пор. Видя последнюю, Я принял ее и не взял от нее ту любовь; но, дав ей жемчужину, оставил ей также и любовь, лучше же – еще более возжег, превратив ее в великий пламень, и опустил ее, как честнейшую деву. Ибо вдруг весь закон, как стену, прешедши или, как лестницу, все добродетели превосшедши, она достигла конца закона, который есть любовь, и ушла от Меня, невредимо храня ее до смерти. Подобным же образом и блудный сын, обратившись от всего сердца, нелицемерно раскаялся, и хотя был прежде сыном Моим, пришел ко Мне не как сын, но просил Меня сделаться как бы одним от наемников Моих. И не устами только говорил он, но и душою, и делами показывал то, что говорил на словах. Смирение его подвигло Меня к состраданию: тотчас же обогатив

его, Я немедленно прославил его, так как видел его от всей души пришедшим ко Мне, что он в сердце вспять совершенно не отворачивался, как это делают многие. Итак, кто бы ни приступил ко Мне таким образом, нелицемерно повергшись предо Мною (да слышит всякое создание), Я тотчас же приму его. Но если бы кто захотел хитростью получить Мою благодать и пришел бы лицемерно, имея внутри злобу или полагаясь на свои дела, будучи одержим надменностью или завистью; тот совершенно не будет иметь части со Мною. Это тебе и всем Бог через нас ежечасно возвещает.

Если угодно, я и другими (доводами) ясно докажу тебе, что здесь еще должно тебе воспринять все царство небесное, если ты желаешь войти в него по смерти. Послушай Бога, опять говорящего тебе в притчах. Чему уподоблю царство небесное? Внимай, оно подобно зерну горчичному, которое человек некий, взяв, посеял на поле своем; и оно возшло и поистине сделалось великим деревом (Мф. 13, 31). Итак, скажи, слушатель, что такое зерно это? что ты думаешь о нем? скажи откровенно; в противном случае я скажу и возвещу истину. Зерном, конечно, Он назвал тебе царство небесное. Зерно же это есть благодать Божественного Духа. А поле – сердце каждого из людей, куда воспринявший Духа ввергает его внутрь, скрывая во внутреннейших частях, чтобы никто не видел его, и хранит его со всякою тщательностью, дабы оно выросло и, сделавшись деревом, поднялось к небу. Итак, если ты говоришь, что не здесь, но после смерти получают царство небесное все, горячо желающие его, то ты извращаешь слова Спасителя и Бога нашего. Ибо если ты не воспримешь зерна горчичного, о котором сказал Он, если не посеешь его на поле своем, то останешься вовсе без семени. Если же ты и воспринял семя, но заглушишь его терниями, или отдашь зерно на расхищение птицам, или оставишь свое поле по нерадению без орошения, и семя твое не взойдет, не вырастет и не принесет плода; то, скажи мне, какая тебе будет польза от этого семени? Когда же в иное время, если не теперь, ты получишь это семя? – После смерти, говоришь. Но ты уклоняешься от естественного порядка: на каком поле, спрошу я тебя, ты скроешь тогда зерно это? какими трудами будешь возделывать его, чтобы оно выросло? Поистине, брат, ты полон заблуждения и совершенно обольщен. Ибо это время есть время трудов, а будущее – время венцов. Здесь ты должен получить себе залог, сказал Владыка; здесь должен воспринять печать. Если ты благоразумен, то отсюда возжги светильник души твоей, прежде чем не наступит тьма, и не затворены будут врата делания. Здесь Я бываю для тебя жемчужиной и покупаюсь. Здесь Я являюсь для тебя пшеницей и как

бы зерном горчичным. Здесь бываю для тебя закваской и заквашиваю смешение твое. Здесь Я являюсь для тебя водою и огнем улаждающим. Здесь бываю для тебя и одеждою, и пищей, и всяким напитком, если ты желаешь. Так говорит Владыка. Итак, если от здешних вещей ты познаешь Меня таковым и таким образом, то и там также будешь иметь Меня, и Я неизреченным образом сделаюсь для тебя всем. Если же отойдешь отсюда, не ведая действий Моей благодати, то и там найдешь во Мне только безжалостного судию. О Христе мой и Боже мой, не осуди меня тогда и не подвергни наказанию много согрешившего пред Тобою, но прими меня, как одного из последних наемников Твоих, и сподоби отныне послужить Тебе, Спасителю мой, и получить Божественного Твоего Духа – залог царствия, и там насладиться славою чертога Твоего, созерцая Тебя, Боже мой, во веки вечные. Аминь.

Гимн 3. О том, что Дух Святой пребывает в тех, которые сохранили чистым святое крещение, от осквернивших же его Он отступает 135.

Ты знаешь во мне, о Христе, делателя всякого беззакония и поистине сосуд всевозможных пороков, что знаю и я, и исполнен позора и стыда; мною овладела гнетущая печаль и сердце мое одержимо несносною тугою. Но таинственно воссиявший мне свет лица Твоего прогнал помыслы, изгладил тугу и низвел радость в смиренную душу мою. Итак, я и хотел бы, Христе, печалиться, но печаль не пристает ко мне. Печалюсь же я скорее о том, чтобы за эту радость не погибнуть и не лишиться мне несчастному будущей радости. Но не лиши меня ее, Владыко, никогда, ни ныне, ни в будущем веке, Царю мой! Ибо созерцание лица Твоего есть радость: не Ты ли, Боже мой, являешься всяким и единственным благом? Но, доставляя видящим Тебя всякое благо, Ты исполняешь им по причастью и общению тех, на которых взираешь, не тех, которые говорят об этом, увы! как только о будущем, но тех, которые и ныне, находясь в теле, являются достойными Тебя, то есть очистившихся чрез покаяние. Ты и Сам видишь их и им даешь ясно видеть Тебя, отнюдь не в привидении или воображении ума, и не одной только памятью, как думают некоторые, но самую истинную божественного и страшного дела, во исполнение поистине божественного домостроительства. Ибо Ты творишь тогда единение расстоящего, будучи Богом спасения для всех грешников.

Ибо принявшие крещение Твое от младенчества и недостойно его прожившие всю жизнь будут иметь большее осуждение, нежели некрещенные, как поругавшие, по словам Твоим (Евр. 10, 29), святую одежду Твою. И Ты, Спасителю, хорошо зная это, даровал нам для вторичного очищения покаяние, запечатлев его благодатью Духа, которую впервые мы получаем в крещении. Так как Ты не сказал, что благодать подается только чрез воду, но скорее чрез Духа и призывание Троицы. Итак, когда мы крещаемся, будучи нечувствующими детьми, как несовершеннолетние, мы и благодать принимаем несовершеннолетним образом, получая только разрешение от первого преступления. Ради этого одного, думаю, Ты и повелел, Владыко, совершать эту божественную купель, чрез которую крещаемые входят внутрь виноградника, получая искупление от тьмы, ада и смерти, и совершенно освобождаясь от тления. Виноградник

же, думается мне, есть рай, из которого ниспали мы, опять воззванные в него. И каким был тогда Адам до грехопадения, такими делаются и все сознательно крестившиеся, кроме тех, которые по нечувствию не приняли умного чувства, производимого действием нисходящего Духа. Подобным же образом все мы, как Адам, получаем и заповеди для делания и хранения их. Эти заповеди, понимаемые духовно, составляют духовный и божественный закон, который посредством тела чрез делание исполняется телесно. Так как человек двояк, то он нуждается и в двояком законе. Если бы он не вознерадел, то и от добра не отпал бы. Ибо душа одна не может делать добра; но и тело, если оно совершает дела без божественного ведения, не лучше рабочего вола или вьючного животного.

Итак, воззванные чрез крещение Твое в виноградник Твой, то есть в рай, и вступив в него, соделавшиеся совершенно безгрешными и святыми, подобно тому, каким был первозданный Адам, затем вознерадевшие о таком спасении и несказанном промыслении Твоем, соделавшие дела худшие, нежели Адам, презрев человеколюбие Твое и не рассуждая о купели крещения чрез Божественного Духа – этом деле страшного домостроительства Твоего, как могут они вместе с грехами своими удержать за собою и пребывание внутри рая, что по мнению многих возможно? Как будут допущены в него те святые, которые вновь осквернились ¹³⁶, осквернив, Христе мой, хитон Твой пороками? Да и возможно ли допустить, чтобы Ты, чистый и святой, хоть сколько-нибудь мог обитать внутри их грязных сердец? Прочь, сказал Бог, да не будет он ¹³⁷ чадом Моим.

Ибо тебе известно ¹³⁸, что и ты крестился, но потом осквернился, как грешил ты, будучи отроком, как неразумно заблуждался. Ты знаешь, сколько ты плакал, сколько сокрушался, как ты отрекся затем от всего мира, будучи едва отмолен молитвами отца твоего Симеона ¹³⁹. Сначала умным только образом чрез умное чувство Я удостоил тебя голоса, а потом и луча, и после этого человеколюбно явился тебе, как свет. Затем, приняв вид малого огневидного облака, сидящего вверху на голове твоей, Я доставил тебе одно только созерцание образа и слезы от изумления с великим умилением. Я попалил страсть плоти и мрак головы твоей, так что от них произошел, как ты знаешь, запах сожженного в огне мяса ее. Ты совершенно забыл о тех бедствиях после этого и о той тесноте, какую пришлось тебе претерпеть тогда. Но Я, как Бог всеведущий, знаю, ту веру и то смирение, какие ты имел к отцу твоему, и то совершенное отречение воли твоей, которое вменяется у Меня и есть мученичество. Ибо не имеющий собственной воли совершенно умирает и обретается в Моей

воле, потому что он живет во Мне. Итак, вследствие того, что ты был почти таковым, и он ¹⁴⁰ ежедневно понуждал Меня, благого по природе, своими слезами, Я начал, как ты знаешь, чаще являться тебе, мало-по-малу очищая душу твою покаянием и сожигая находящееся в тебе вещество страстей – эти не плотские или вещественные, но невестественные терния, как бы мрачные тучи, как бы густую мглу и тьму. После того как ты просветился, разумеется, постом и трудами бдения, молитвы и всякого злострадания и омылся беспрестанными горячими слезами в молитве, в пище и еще более в питии, Я едва соделал тебя удобовместимым сосудом; и не только удобовместимым, но и очищенным в огне, чтобы пребывать тебе в нем (внимай) неопалимым. Сделав тебя, таким образом, таковым, как ты видел тогда, летавший вокруг тебя и окружавший тебя Свет, будучи сам по природе неприступен, весь вошел в тебя и чудным образом изменил тебя прекрасным изменением.

Итак, если ты не всеми твоими делами будешь служить Ему, (т. е.) Мне, но под некоторым предлогом или без предлога допустишь в сердце, хотя малый неприязненный помысл против кого-либо и выскажешь его словом или только худо подумаешь о нем, и если при этом горячо, со слезами не раскаяешься, удалив от себя покаянием неприязненный помысл, а равно и всякое дурное расположение сердца, то этот Свет не будет пребывать в тебе, потому что Он есть Божественный Дух, сопребывающий со Мною и Отцом, как Мне единосущный; но тайно и внезапно улетит от тебя, как зашедшее солнце, и скрывшись как бы во мгновение ока, перестанет быть видимым. Как в самом деле может Он пребывать в душе совершенно не очищенной и не пришедшей в чувство покаяния? Или как могла бы снести природу огня нестерпимого та душа, которая исполнена терния страстей и греха? как бы она вместила сущность совершенно неместимую? как, будучи тьмой, она соединилась бы со Светом неприступным и не исчезла бы от Его присутствия? – Нет, чадо, это никоим образом и совершенно невозможно, потому что Я удален от всех тварей. Когда же Я – Творец всего сделался тварью, то Я только по плоти стал подобен людям, восприняв также, подобно им, и душу и ум. Сделавшись же Сам человеком, Я не сделал тогда чрез это всех людей Богами; но только чрез веру и соблюдение Моих заповедей, чрез крещение и божественное причастие страшных тайн Моих Я всем даю жизнь. Говоря жизнь, Я разумею Божественного Духа Моего. Однако пусть знают и то имеющие в сердцах своих Духа Моего сияющего, что они имеют, по словам ап. Павла, Того, Кто взывает к Отцу Моему и ко Мне, говоря чрез них, о Авва, Отче мой! (Рим. 8, 14–15). Ибо так как они сделались чадами

Божиими, то, познавая Меня, с дерзновением взирают на Меня и называют Меня Отцом. Божественный же Дух к каждому из них, имеющих Его ныне, совершенно истинно говорит в них: о чада, не бойтесь! вот Я, как видите, внутри вас нахожусь и сопребываю. Раз навсегда Я освобождаю вас от тления и смерти и показываю чадами и друзьями Божиими. Вот кем Я вас соделал! радуйтесь о Господе!

Итак, пусть это будет у людей истинным признаком тех, которые соделались сынами Божиими и наследниками и имеют воспринятого ими Божественного Духа Моего. Отсюда они и христианами называются не по имени, но действительно, делом и истинною. Это достоверное и вожделенное дело бывает с теми, которых Ты, Христе мой, ясно предведal и чрез Божественного Духа дал им быть сообразными Твоему образу. Для таких, как для званых Тобою в неизреченную радость, это всегда и везде бывает возможно во веки. Для всех же прочих это кажется невозможным, для тех, которые, клеветая, совершенно не верят этому, и обольщаясь в собственных мыслях, думают успокоиться, безумные, на пустых надеждах. Говоря свысока и тонко, выражаясь изысканными словами и толкуя все это в отношении к тому, что им любезно, они совершенно небрегут о Твоих страшных заповедях. Не желая искать Тебя, они мнят, что имеют Тебя; если же признаются, что не имеют Тебя, то проповедуют, что Ты совершенно неуловим для всех, и как будто никто из людей не может видеть Тебя, и что нет никого, кто превосходил бы их знанием. Поэтому они учат, что Ты либо для всех людей доступен и уловим, либо совершенно неуловим и недоступен. Но, как омраченные, они и в том и в другом случае ошибаются, не разумея вещей Божеских и человеческих.

Даруй им свет ведения, пошли в помощь божественный страх, дай восстать из глубины зломудрия и прийти в сознание и чувство того, что они находятся в яме, сидят во тьме, не видя того Божественного света, о котором они берутся говорить и свидетельствовать, не веря тому, что и ныне есть видящие Тебя. Если Ты не озаришь их светом Твоим, и если они сознательно не увидят его, то как они вполне поверят, тому, что Ты являешься достойным, беседеешь с ними и сожителствуешь ныне и во веки, как с друзьями и верными рабами Твоими, по слову Твоему. Но Ты Бог верных, а не неверных. Поэтому Ты совершенно не взираешь на них, ибо как Ты, Спасителю, покажешь им свет лица Твоего, когда они, отрицаясь Тебя, утверждают, что вечный Свет Твой не светит в душах святых? – Никак, если они не приобретут, по слову Твоему, великой веры и не станут усердно хранить Твоего божественного закона, отдавшись

ради Тебя даже до смерти на истинное делание Твоих премудрых заповедей. Итак, это – спасение всех спасающихся, и нет иного пути спасения, как сказал Ты, о Боже мой! Поддай милость, поддай милость, Спасе, тем, которые нуждаются в Тебе ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Гимн 4. Кому Бог является, и кто чрез делание заповедей приходит в доброе состояние 141.

Как, будучи сокрытым, Ты видишь и назираешь все? Как, нами не видимый, Ты видишь нас всех? Но познаешь Ты, Боже мой, не всех, кого видишь, но, любя, познаешь только тех, которые Тебя любят, и исключительно им (одним) Самого Себя являешь. Будучи Солнцем сокрытым для всякой смертной природы, Ты восходишь в Твоих (рабах), видим бывая ими, и они восстают в Тебе, бывшие прежде омраченными: блудниками, прелюбодеями, распутниками (ἄσωτοι), грешниками, мытарями. Чрез покаяние они делаются сынами Твоего Божественного света. Ведь свет, конечно, рождает свет: поэтому и они делаются светом, чадами Божиими, как написано (Пс. 81, 6), и Богами по благодати – те, которые отрекутся суетного и обманчивого мира, без ненависти (ἀμίσως) возненавидят родителей и братьев, считая себя странниками и пришельцами в жизни; те, которые лишат себя богатств и имуществ, совершенно отвергнув пристрастие к ним; те, которые ради славы небесной от души возгнушаются пустой славой и похвалами людскими; те, которые отсекали свою волю и соделались для пастырей как бы незлобивыми овцами; те, которые стали мертвы телом ко всякому худому деянию, до пота трудясь над (возделыванием) добродетелей (ἰδρώσαντες εἰς ἄρετῶν τοῦς λόνους) и руководясь в жизни одною только волею кормчего, чрез послушание омертвевая и опять же оживая; те, которые, благодаря страху Божию и памяти смертной, по все дни и ночи проливают слезы и умно припадают к стопам Владыки, испрашивая милости и оставления грехов. Эти чрез всякое делание добра (τῶν καλῶν) приходят в доброе состояние (οὗτοι ἐν ἔξει γίνονται τοῦ καλοῦ) и, как повседневно плачущие и усердно (ἐπιλόνωσ) толкущие, привлекают (к себе) милость. Частыми молитвами, неизглаголанными воздыханиями и потоками слез они очищают душу и, видя ее очищение, воспринимают огонь любви и огонь желанья – увидеть ее совершенно очищенной. Но так как им невозможно найти конца света, то очищение у них бывает бесконечным.

Ибо сколько бы ни очистился и ни просветился я жалкий, сколько бы ни увидел очищающего меня Духа (Святого), мне всегда будет казаться (только) начало очищения и видения, потому что в беспредельной глубине и в безмерной высоте кто может найти средину или конец? Я знаю, что

[света] много, но сколько – не знаю. Сильно желая все большего, я постоянно вздыхаю о том, что мне дано немногое (хотя оно и кажется мне многим) в сравнении с тем, что, как я догадываюсь, далеко отстоит от меня, чего, видя, я вожделеваю и думаю, что ничего не имею, так как, совершенно не ощущая данного мне богатства, хотя и вижу Солнце, однако не считаю его таковым. Каким же это образом? – слушай и веруй. То, что я вижу, есть Солнце, Которое невыразимо приятно для чувства; Оно влечет душу к неизреченной и божественной любви. Душа же, видя Его, воспламеняется и горит любовью, желая всецело иметь внутри себя то, что является ей, но не может, и поэтому печалится и (уже) не считает за благо видеть или ощущать Его. Когда же Видимый мною и никем неместимый, как поистине непреступный, изволил помиловать сокрушенную и смиренную душу мою, тогда каким Он видится мне, сияя пред лицом, таковым весь во мне зрится блистающим, весь исполняя меня смиренного всякой радости, всякого желания и божественной сладости. Это – внезапное превращение и чудная перемена, [и вообще] невыразимо (словами) то, что во мне совершается. Ведь если бы кто увидел, что это видимое всеми солнце сошло внутрь его сердца и все вселилось в него, и также светило бы; то не помертвел ли бы он от чуда и не сделался ли бы безгласным, и не изумились ли бы все это видевшие? Если же кто увидит Творца солнца, наподобие светила светящим внутри себя, действующим и говорящим, то как не изумится и не содрогнется он от такого видения? как не возлюбит (своего) Жизнеподателя? Люди любят подобных себе людей, когда они кажутся им несколько лучшими других; Творца же всех, единого бессмертного и всемогущего, кто, увидев Его, не возлюбит? Если многие, поверив от слуха, возлюбили Его, а святые (даже) и умерли за Него, и (тем не менее) они живы; то приобщившиеся видения Его и света, Им познанные и Его познавшие, как они не возлюбят Его? скажи, как ради Него не будут непрестанно плакать? как не станут презирать мира и того, что в мире? Как не отрекутся всякой чести и славы те, которые, став выше всякой славы и чести земной и возлюбив Владыку, нашли Того, Кто пребывает вне земли и всего видимого, лучше же Того, Кто сотворил все видимое, равно как и невидимое, и получили бессмертную славу, имея в Нем без недостатка всякое благо? Также и всякое отпущение [грехов] и всякое желание вечных благ и вещей божественных, как богатство некое, они почерпнули из того же вечно живого источника, обильно насытитесь которого дай и нам, Владыко, и всем ищущим и горячо любящим Тебя, дабы и мы также со святыми Твоими наслаждались вечными благами во веки веков. Аминь.

Гимн 5. Четверостишия преп. Симеона, показывающие его любовь (ἔρωτα) к Богу 142.

Как Ты бываешь и огнем пылающим и водою орошающею?
Как Ты и сожигаешь и услаждаешь, и тление потребляешь?
Как людей Богами содеваешь и тьму в свет обращаешь?
Как из ада возводишь и смертных в нетление облакаешь?
Как тьму к свету привлекаешь и ночь (дланию) удерживаешь 143?
Как Ты сердце озаряешь и меня всего изменяешь?
Как с людьми соединяешься и сынами Божиими их содеваешь?
Как любовью к Себе возжигает и без стрелы уязвляет?
Как [грехам] долготерпишь и не тотчас воздаешь?
Как Ты – Сущий вне всех (вещей) видишь деяния всех?
Как вдали от нас пребываешь и дело каждого созерцаешь?
Дай рабам Твоим терпение, да не покроет их скорбь.

Гимн 6. Увещание к покаянию, и каким образом воля плоти, сочетавшись с волею Духа, соделывает человека богоподобным

144

Плачу и сокрушаюсь я, когда меня озаряет Свет, и я вижу нищету свою и познаю, где нахожусь, и в каком брэнном мире я – смертный обитаю. Веселюсь же и радуюсь, когда помышляю о данном мне от Бога назначении и славе, усматривая себя всего украшенным невещественным одеянием, как бы Ангела Господня. Итак, радость эта возжигает во мне любовь к Тому, Кто подает ее и изменяет меня – к Богу. Любовь же источает слезные потоки и еще более просвещает меня. Послушайте вы, согрешившие, как и я, против Бога, потщитесь и ревностно подвизайтесь в делах [благих], чтобы получить вам и удержать вещество невещественного огня (говоря – вещество, я показал Божественную сущность) и возжечь умный светильник души, дабы соделаться солнцами, светящими в мире и отнюдь невидимыми для живущих в мире, дабы стать как бы Богами, содержащими внутри себя всю славу Божию, в двух сущностях, то есть в двух природах, двух энергиях и двух волях, как взывает Павел (Рим. 8, 14 след.). Ибо одна воля – скоропреходящей плоти, другая – Духа, и иная – души моей. Однако же я не трояк, но двояк, как человек: душа моя неизъяснимо связана с плотью. И все же каждая (из частей) требует свойственного себе, как-то [тело] – есть, пить, спать, что я называю земными желаниями плоти ¹⁴⁵. Когда же тело отделится от души, то ничего этого не ищет, но бывает мертвым и бесчувственным, наподобие глины. Всякое же желание (воля) души человеческой, мне думается, едино. Поэтому кто сочетал свою волю с Божественным Духом, тот соделался богоподобным; восприняв в сердце Христа, он [поистине] стал христианином от Христа, имя в себе вообразившимся единого Христа, совершенно неуловимого и поистине неприступного для всех тварей. Но, о природа непорочная! сущность сокрытая, человеколюбие для многих неведомое, милосердие для неразумно живущих невидимое, существо неизменное, нераздельное, трисвятое, свет простой и безвидный, совершенно несложный, бестелесный, нераздельный и никакою природою неуловимый, каким образом Ты, о Царю, был видим, как и я, познаваем сидящими во тьме, носим на руках Твоей Святой Матери, связываем, как убийца, телесно страдал, как злодей, желая, конечно, меня спасти и в рай

славы опять возвести? Таково Твое домостроительство, Слове, таково пришествие, таково благоутробие Твое и человеколюбие, бывшее ради нас всех человеков: верных и неверных, язычников, грешников и святых. Ибо явление Твое соделалось общим для всех спасением и искуплением.

Происходящее же сокровенно во мне блудном и частным образом совершающееся в известной неизвестности, то есть ведомо для меня, неведомо же для других, какой язык изречет? какой ум изъяснит? какое слово выразит, чтобы и рука моя могла начертать то? Ибо поистине, Владыко, страшно и ужасно, и превосходит слово то, что мне видится Свет, Которого мир не имеет, и меня любит Тот, Кто не пребывает в этом мире, и я люблю Того, Которого отнюдь нет среди видимого. Сидя на ложе, я нахожусь вне мира, и пребывая в своей кельи, вижу Того, Кто вечно пребывает вне мира, и Кто соделался [человеком в мире] (τὸν ἕξωθεν τοῦ κόσμου ὄντα τε καὶ γενόμενον βλέπω) с Которым я и беседую, дерзко же будет сказать – Которого и люблю (φιλῶ) ¹⁴⁶, и Он меня любит (φιλεῖ). Одно созерцание Его служит для меня пищей и прекрасным питанием; соединяясь же с Ним, я восхожу превыше небес, и знаю, что это истинно и достоверно бывает. Где же тогда находится это тело, – не знаю. Знаю, что пребывающий недвижимым нисходит (ко мне). Знаю, что [по природе] невидимый видится мне. Знаю, что далеко отстоящий от всей твари воспринимает меня внутрь Себя и скрывает в объятиях, и я нахожусь тогда вне всего мира. С другой стороны, и я смертный и ничтожный среди мира внутри себя созерцаю всего Творца мира, и знаю, что не умру, пребывая внутри (самой) Жизни и имея всецелую, внутри меня возрастающую Жизнь. Она и в сердце моем находится и на небе пребывает; здесь и там Она видится мне в равной мере блистающею. Но могу ли я хорошо уразуметь, каким образом это бывает? и в состоянии ли я высказать тебе [хотя] то, что разумею и вижу? Ибо поистине совершенно невыразимо то, чего око не видело, ухо не слышало, и что на сердце плотское никогда не всходило (Ис. 64, 4; 1Кор. 2, 9). Благодарю Тебя, Владыко, что Ты помиловал меня и дал мне видеть это и таким образом записать, и потомкам моим поведать о Твоем человеколюбии, дабы и ныне (этим) тайнам научались (μινηθῶσι) народы, племена и языки, что всех горячо кающихся Ты милуешь, как (помиловал) Апостолов Твоих и всех святых, благодетельствуешь им, почитаешь их и прославляешь, Боже мой, как взыскующих Тебя с великою любовью и страхом, и к Тебе единому взирающих – Творцу мира, Которому подобает слава и честь, держава и величие, как Царю и Богу и Владыке всего (мира), ныне и всегда непрестанно во веки веков. Аминь.

Гимн 7. Согласно с природою одно только Божество должно быть предметом любви и вожделения; кто приобщился Его, тот сделался причастным всех благ 147.

О что это за вещь, сокрытая для всякой тварной природы? что это за свет мысленный, ни для кого невидимый? что это за великое богатство, которого никто в мире вполне не мог найти или овладеть им всецело? Ибо оно неуловимо для всех и неместимо для мира; оно вожделеннее всей вселенной и настолько желаннее вещей видимых, насколько Бог, создавший их, превосходнее их. Поэтому я уязвлен любовью к Нему, и доколе не вижу Его, истаяваю внутри, и горя умом и сердцем, со вздохами хожу туда и сюда, и палимый ищу здесь и там, нигде не находя Возлюбленного души моей, и часто озираюсь в надежде, не увижу ли моего Желанного. А Он, как невидимый, совершенно не показывается мне. Когда же я, отчаявшись, начинаю плакать, тогда Он является мне, и на меня взирает Тот, Кто все назирает. Изумляясь необыкновенной красоте (Его), я дивлюсь тому, как Творец, отверзши небеса, приклоняется и показывает мне неизреченную и необычайную славу. Когда же я размышляю о том, может ли кто стать еще ближе к Нему, и каким образом можно было бы подняться на неизмеримую высоту, – Он Сам внутри меня является, блистая в убогом сердце моем, отовсюду озаряя меня бессмертным светом и все члены мои освещая лучами. Весь обнимая меня, Он всего меня покрывает лобзанием (ὄλον καταφιλεῖ με) и всего Себя мне недостойному дарует. И я насыщаюсь Его любовью и красотой, и исполняюсь божественного наслаждения и сладости. Я делаюсь причастником света и славы: лицо мое, как и Возлюбленного моего, сияет, и все члены мои делаются светоносными. Тогда я соделываюсь красивее красивых, богаче богатых, бываю сильнейшим всех сильных, более великим царей и гораздо честнейшим чего бы то ни было видимого, не только – земли и того, что на земле, но и неба и всего, что на небе, имея (в себе) Создателя всего, Которому подобает слава и честь ныне и во веки. Аминь.

Гимн 8. О смирении и совершенстве 148.

Дай мне, Христе, целовать Твои ноги,
Дай мне лобызать Твои руки, Руки, произведшие меня через слово,
Руки, без труда сотворившие все.
Дай мне ненасытно насыщаться ими.
Дай мне видеть лицо Твое, Слове,
И неизреченной красотой наслаждаться,
И созерцать (Тебя) и радоваться от Твоего видения,
Видения неизреченного и невидимого,
Видения страшного. Однако дай мне поведать
Если не сущность его, то хотя действия.
Ибо выше природы и всякой сущности
Весь Ты, Сам Бог мой и Создатель.
Видится же нам отблеск Божественной славы Твоей,
Свет простой и приятный,
И Свет то скрывается, то соединяется
Весь, как мне кажется, со всеми нами – Твоими рабами,
Свет духовно созерцаемый в отдалении,
Свет внутри нас внезапно обретающийся,
Свет подобный то воде текущей, то огню возжигающему –
То сердце, которого он, конечно, коснется.
Им, Спасителю мой, как познал я, охвачена
Бедствующая и смиренная душа моя,
Воспламенена и горит...
Ибо огонь, получив горючее вещество,
Как не возгорится, как не истребит (его),
Как не причинит неизбежных страданий
При возжении? [о нем] дай мне поведать, Спаситель!
Неизреченное видение необычайной красоты
Он представляет, и увеселяет меня, и пламя любви
Нестерпимое возжигает. Как я снесу (его) 149?
Или как поведаю об этом великом чуде,
Которое во мне блудном бывает?
Ибо я не могу выносить молчания, Боже мой,
И пучиною забвения покрыть те дела,
постишно, при чем в некоторых хотя и немногих сравнительно местах
пришлось сделать перестановку слов перенося их для ясности речи из

строки в строку. Которые Ты сотворил и творишь ежедневно

С теми, кто горячо Тебя всегда ищет

И в покаянии к Тебе прибегает.

Дабы я, подобно сокрывшему талант

Лукавому рабу, не был праведно осужден.

Но, открывая, я всем говорю об этом,

И о Тебе и Твоем благоутробии

Через письма передаю и повествую,

О Боже мой, последующим поколениям.

Дабы, познав великую Твою милость,

Какую Ты показал и показываешь на мне одном,

Прежде блудном и нечистом,

Гораздо более всех согрешившем,

Никто не сомневался, но напротив возлюбил бы (Тебя),

Не боясь, но радуясь приступил бы,

Не страшась, но тем с большим дерзновением,

Видя море Твоего человеколюбия.

Пусть притечет он, припадет и восплачет,

И получит разрешение прегрешений,

Говоря в себе: воистину

Если порочнейшего и вселукавого этого

И совершенно заблудшего помиловал Создатель,

Более всех людей согрешившего,

То не тем ли более Он и меня помилует,

Согрешившего некоторым образом простительно

И не все заповеди преступившего?

Итак, чтобы знали множество зол моих,

Здесь, Слове, я хочу поведать не все, конечно,

Бесчисленные [грехи мои], ибо они превосходят (числом) звезды,

Превосходят капли дождя, песок моря

И множество волнующихся волн,

Но – то именно, что содержит книга совести,

И что заключают хранилища памяти.

Иное же один только Ты веши.

Я был убийцею ¹⁵⁰, послушайте все, Дабы вы жалостно оплакали
меня; а каким образом –

(Это) я опушу, избегая долготы речи.

Я был, увы мне, прелюбодеем в сердце,

И содомлянином мыслью ¹⁵¹, и клятвопреступником

Произволением, употребителем божбы и любостяжателем,
Вором, лжецом, бесстыдником и похитителем, горе мне,
Досадителем, братоненавистником и большим завистником,
Сребролюбцем и наглецом и всякого
Другого порока делателем.
Ей, поверьте, я говорю это истинно,
Не притворно и не с лукавством.
Итак, кто, услышав это, не изумится
И не подивится Твоему долготерпению,
Человеколюбче, и от изумления не скажет:
Как земля, убежав, не расступилась, не вынося
На хребте (своем) этого несчастного,
И живым не свела его в ад?
Как не обрушился сверху ураган
И не истребил этого преступника?
Как не ниспало одновременно небо
И не погасли солнце и звезды
Над таковым презрителем?
О долготерпение Твое, Спасителю! – пусть скажет он опять –
О благостыня и милосердие!
Ибо поистине – сверх всякого прощения
Таковыя деяния этого несчастнейшего,
Услыша о которых, всяк воскликнет:
Ужели [Божественная] правда попустила ему жить?
И как, будучи праведной, она допустила хотя бы одно
Существование его на земле живых?
Если же кто заподозрит, что, быть может, я ложь написал, То прости
ему, как милостивый,
Ибо, не ведая долготерпения Твоего, Спасителю,
И бездны человеколюбия Твоего,
И услышав о непристойности дел моих,
Он справедливо вынес такое суждение,
Говоря: если [Божественная] правда безнаказанным
Оставила его, то нет, следовательно, суда.
Ты же, Боже мой, так как [после] будешь судить,
То поэтому ныне весьма долготерпишь.
Ибо спасти всех, конечно, желаешь,
Ожидая покаяния нашего,
Которое – от дел, по снисхождению Твоему праведному.

Ибо праведному свойственно не поражать падающих,
Но скорее напротив, конечно, – руку [помощи] им простирать,
Что делать Ты, благий мой Владыка,
Никогда не переставал и не престанешь.
Жизнь всех людей есть брань.
Мы же все люди – рабы Твои, Создатель;
Однако малые и великие – [все] имеем
Врагов непримиримых (в лице) князей тьмы.
Поэтому если Сам Ты не подашь (нам) скоро руку [помощи],
Но попустишь им укрепиться против нас,
То где будет Твоя правда и человеколюбие?
Ибо (хотя) мы соделались рабами его (диавола)
По своей воле и своему произволению,
Но Ты Сам, Боже мой, пришедши, искупил нас
И принес к Отцу Твоему
В дар, каковыми однако ¹⁵² видеть враг нас не терпит,
Не вынося той зависти, какую питает.
Но, как лев, рыкает на нас,
И ходя и скрежеща зубами,
Упорно ищет, кого бы поглотить.
Поэтому если Ты, Христе мой, тех, которые этим неукротимым
зверем Уязвлены и, приняв удары
И раны, пребывают лежащими,
Не помилуешь, или лучше – не сжалишься
Ожидая их выздоровления,
Но поразишь и совсем сокрушишь,
Совершенно умертвив таковых;
То это, по моему мнению, – праведно,
Потому что не произвольно они пленяются.
Но добровольно предаются.
Однако коварный и злохитростный,
Неукротимый и изворотливый зверь этот,
Как бы друг, притворяется дружественным,
Ища всего меня схватить и уловить.
Показывая мне видимую жизнь,
Он лишает меня жизни духовной.
Окрадывая меня чувством в настоящем,
Он ¹⁵³ отнимает (у меня) и богатство будущего.
При внешнем (ведь) созерцании является одно,

Сокрыто же (в нем), Спасителю, другое.
Если же люди, и познав это,
Хитро и лицемерно притворяются, [что не знают],
То чего не сделает (с ними) изобретатель зла?
Как не обольстит он их и в особенности юных?
Как не прельстих тех, которые незлобивы,
Совершенно неопытны и нелукавы,
Тот, кто по произволению – сатана и лукавый,
И искусный изобретатель всякого лукавства?
Однако он решительно всех (ἄπαντας) прельщает и уязвляет,
И никто не избежал от его рук,
Или стрел, не отведав в них заключенного
Яда, и не ушел (от него) неуязвленным.
Все мы согрешили и лишены, Христе,
Твоей неизреченной и божественной славы,
И умоляем Тебя туне спасти (нас)
И оправдать благодатью и милостью,
Которою Ты излил ныне на меня изобильно,
О чем я не обленюсь говорить и писать. Ибо как я, о Боже мой, могу
покрыть молчанием
То, что бывает ежечасно
И совершается во мне несчастном?
Ибо поистине оно неизреченно,
Непостижимо и превосходит ум и слово.
И как я выскажу или как изъясню это?
Но, не вынося молчания, теперь же начну свою речь.
Ты – один Бог безначальный, несозданный,
В Сыне и Духе – Троица Святая.
Ты – непостижим, непреступен,
Создатель видимой и умопостигаемой
Твари, и Господь, и Владыка,
Ты – превыше небес
И всего, что на небе,
Один – Творец неба и обладатель,
Один носящий все Твоим повелением
И волею одною все содержащий.
Тебя окружают тьмы Ангелов
И тысячи тысяч Архангелов,
Престолов, неисчислимых господств,

Херувимов, Серафимов и
Многоочитых сил, начал и властей
И многих других слуг и друзей.
Ты имеешь славу препрославленную,
Так что без страха воззреть на нее не посмеет
Никто из них, о Боже мой,
Не в состоянии будучи снести явления
И светоблистания лица Твоего.
Ибо как создание возможет Создателя
Всецело узреть или всецело постигнуть?
Никоим образом, полагаю, это невозможно.
Но поскольку изволит Творец,
(Постольку) Он является и видится тому, кому Он пожелает,
И познается, и тварь Его познает,
И Он видится, и она Его видит,
Насколько дано ей от Творца видеть.
Ибо если твари Тобою, Боже мой, произведены,
То от Тебя они имеют и бытие и возможность
Видеть и служить Тебе беспорочно. Итак, Ты вверху пребываешь
превыше всех начал,
Которые окружают Тебя – Бога моего.
Мы же внизу находимся в глубочайшем рве,
(Которым я называю не видимый мир,
Но поистине тьму греха)
Рве порочности и омрачения,
В яме и рве ужасно глубоком,
Над которым солнце не всходило светить.
Ибо вне этого видимого мира
И мира будущего есть (только) ночь греха;
И погружающихся в нее неразумно
Она как ныне содержит, так и по смерти также
Будет держать узниками во веки веков.
Из них я первым, о Христе мой, являюсь.
Объятый ею и в нее низведенный,
В преисподней глубине ее
Находясь, я воззвал: помилуй меня
Ты, Который приобщился зол моих ¹⁵⁴.
Ибо я познал, куда чрез них я низведен.
Оттого я и плакал, потоки слез

Из очей моих проливая усердно,
И каялся от всего своего сердца,
И взывал воздыханиями неизглаголаннными.
И Ты с несказанной высоты услышал меня,
Лежавшего в преисподней глубине
Тьмы безграничной и беспредельной,
И оставив окружающие Тебя силы,
Пройдя все видимое [пространство],
Нисшел туда, где был я лежавший.
Озарив меня тотчас, Ты прогнал тьму,
И воздвигши божественным Твоим вдохновеньем,
Поставил меня на стопы Твоих повелений.
Очаровав меня красотой Твоею и любовью,
Ты уязвил меня и совершенно всего изменил.
Увидев Твой лик, я убоился,
Хотя он и показался мне милостивым и доступным. Изумила же и поразила меня

Красота Твоя, о Троица Боже мой!
Ибо один образ (ἁραχτήρ) трех в каждом,
И три лица составляют едино – Бога моего,
Который называется Духом и Богом всех.
Итак, когда Ты явился мне несчастнейшему,
Как мог я не дрогнуть и не спуститься
Еще ниже того, где был я,
Тьмой опять покрывшись,
Дабы сокрыться от Тебя, всем нестерпимаго?
Но я сделал это из робости.
Ты же, Боже мой, напротив обнимал меня,
Напротив целовал и заключал в объятия –
В лоно славы Твоей, Боже мой,
И в края одежд Твоих,
Всего меня вводя и покрывая Твоим светом,
И заставляя забыть (все) видимое
И недавно одержавшия меня беды.
О глубина таинств и высота славы!
О восхождение, обожение и богатство!
О несказанная светлость повествуемаго!
Кто возможет постигнуть (это) из слов?
Или уразуметь величие той славы?

Ибо если кто не видел того, чего око не видело,
И не слышал того, чего ухо не слышало,
И что на сердце человеческое не всходило,
Тот как поверит пишущему об этом?
А если бы и поверил, то как чрез (одно) слово
Может он увидеть ¹⁵⁵ то, чего око не видело?
Как посредством слуха вместит то,
Чего никогда не слышало ухо людское,
Чтобы и уразумел он хорошо те вещи
И мог обнять мыслью то,
Красота чего неизъяснима для видящих,
И вид пребывает безвидным,
И что непостижимо для всех,
Кому видится? Как, повторяю тебе, Кто-либо, воображая это
помыслом,
Не удалился бы далеко от истины ¹⁵⁶,
Обольстившись воображением и фантазиями
И ложные образы измышлений
Ума своего рисуя и видя?
Ибо как ад и тамошние муки
Всяк представляет так, как желает,
Но каковы они, никто решительно не знает;
Так, пойми меня, и блага оные,
Небесные, для всех непостижимы
И незримы, только тем одним они ведомы
И видимы, которым Бог открывает,
По мере достоинства каждого:
По мере веры, надежды и любви,
И хранения заповедей Господних,
Или иначе – по мере нищеты духовной.
Эта мера – совершенная, не малая и не великая,
Которые Богу ненавистны, и в этом нет неправды,
Так как они совершенно неправые.
Ибо малой мере недостает праведности
По нерадению или небрежению,
И основательно и справедливо она является только негодной.
Та же мера, которая не мала, но велика,
Ведет к безумию того, кто ее имеет,
Вредя и всем другим, кто к ней тяготеет.

Правая мера есть мера смирения,
Чтобы, не отчаяваясь в себе совершенно,
Не считать никого в мире
Худшим себя в непристойных деяниях;
И поэтому плакать всегда и рыдать
И все видимое презирать.
Ибо это – признак той печали,
Которая – по Бозе и бывает от души.
Если же кто прилепляется к чему-либо из видимого, Тот не познал
себя еще чувством,
И не воспринял в сердце страха
Суда Божия и вечного огня,
И не стяжал совершенного смирения.
Поэтому-то он и лишается видения
И дара тех благ,
Которых не видело никакое человеческое око.
Потщимся же все приобрести смирение –
Несказанную красоту (τὴν ἀνώμωμον χάριν) наших душ,
Для которой нет имени, и (только) по опыту
Она ведома тем, кто стяжал ее.
Кроток и смирен сердцем Христос;
И тот, кто имеет Его обитателем, знает,
Что чрез Него он получил и смирение,
Лучше же, что смирение – это Сам Он.
Душа же, которая ищет человеческой славы,
Такового смирения совершенно не ведает.
Даже тот, кто имеет хотя некоторое самомнение,
Как может удержать в себе это смирение?
Никоим образом, конечно... Увы мне несчастнейшему!
Тщеславному и горделивому,
Ни одной добродетели не стяжавшему
И в бесчувствии проводящему все
Дни моей настоящей жизни.
Кто не восплачет обо мне и весьма не посетует?
Так как, бежав мира и сущих в мире,
Я чувством не удалился от мира;
Облекшись в монашескую схиму,
Я, как мирянин, люблю (все) мирское:
Богатство и славу, удовольствия и утехи;

На плечах крест Христов я ношу,
Поношение же креста понести
Вовсе не хочу и отрицаюсь,
Но связываюсь со славными,
Желая и сам быть с ними прославленным.
О злоключение! о бесчувствие! Двойного осуждения я достоин...
Ибо много нагрешив в прежней жизни,
Я обещался как должно покаяться,
Но и ныне явился преступником, неблагодарным За все те блага,
которые получил я от Бога,
И оказался нарушителем обетов
И недостойным всякого человеколюбия.
Но, о Боже мой, единый всемилостивый!
Скоро потщись и обрати меня снова
К покаянию, слезам и плачу,
Дабы я омылся и, очистившись, увидел
Ясно воссиявшую во мне Твою славу,
Которую даруй мне ныне и во веки,
Непрестанно словословящему Тебя,
Творца веков и Владыку.

**Гимн 9. Кто живет, не ведая еще Бога, тот
есть мертвый среди живущих в познании
Бога; и кто недостойно причащается (св.)
Таин, для того неуловимо бывает
божественное тело и кровь Христова 157.**

Ныне, о Владыко, среди живых я пребываю, как мертвый, и среди мертвых, как живой, я – несчастный более всех людей, на земле живущих, которых создал Ты, Боже мой. Ведь быть мертвым среди живущих по Тебе свидетельствует, конечно, обо мне, что я хуже не получивших бытия (μή κτισθέντων) . Жить же неразумною и скотоподобною жизнью неведущих Бога подобно тому, как если бы жить среди мертвых. В самом деле, как не подобно? и как не то же? хотя мне и кажется, что я знаю Тебя и верую (в Тебя), и воспеваю и призываю Тебя. Ибо (только) уста мои, Слове, говорят то, чему научен я, равно и гимны и молитвы я воспеваю те, которые давно уже написаны приявшими Духа Твоего Святого. [Между тем] говоря это и думая ¹⁵⁸, что я нечто великое сделал, я не чувствую и не понимаю того, что как дети, учась, [часто] не признают силы речений; так и я, проводя время в молитвах, (чтении) псалмов и (составлении) гимнов, и воспевая Тебя, единого благоутробного (Владыку), не воспринимаю чувством Твоей славы и света. И подобно тому как еретики, многому научившись, мнят, что познали и знают Тебя, мнят, несчастнейшие, что и видят Тебя, Боже мой; так и я, произнося много молитв и псалмопений одним языком своим, положим же, что и сердцем, на основании этого полагаю, что обладаю высшею степенью веры, думаю, что воспринял всякое познание истины и ни в чем более не нуждаюсь; на основании того же я заключаю, что вижу Тебя, Свет мира – Спасителю, и говорю, что имею Тебя, и Ты сопребываешь со мною. Воображая, что приобщаюсь Твоей Божественной природы, я против себя же подыскиваю выдержки и речения. (Так отыскав из Писания, я привожу (следующее) свидетельство, говоря: Господь сказал, что ядущие Его плоть и пьющие Его кровь в Нем пребывают, равно и Он Сам, Владыка, в них обитает (Иоан. 6, 56). Итак, говоря это, я утверждаю, что в удержимом [виде] тела Неуловимый пребывает, как уловимый, и совершенно Невидимый, как видимый и держимый. Но я несчастный не понимаю того, что [только] в тех, в которых Ты изволишь, в чувственном, держимом и видимом Ты,

Создатель, пребываешь, как чувственный держимый и видимый. В нечистых же, каков я, или лучше (сказать) недостойных Ты, обоготворяя чувственное Твое тело и кровь ¹⁵⁹ и (делая его) совершенно недержимым и неуловимым, неизменно изменяешь его, вернее же – поистине претворяешь в духовное и невидимое, как некогда, дверем затворенным, Ты вошел и вышел (Иоан. 20, 19–26) и [в другой раз] сделался невидим на глазах учеников ¹⁶⁰ во время преломления хлеба (Лук. 24, 30–31). Так и ныне [в таинстве Евхаристии] хлеб Ты соделываешь телом Твоим духовным. А я думаю, что, делаясь причастником Твоей плоти и приобщаясь Тебя, я [всегда] удерживаю Тебя, хотел ли бы Ты или не хотел, и воображаю, Христе мой, что бываю как бы святым, наследником Божиим и Твоим сонаследником и братом, и причастником вечной славы. Итак, не ясно ли отсюда, что я являюсь совершенно бесчувственным и не понимаю, очевидно, того, о чем пою и воспеваю, что говорю и о чем всегда размышляю. Ибо если бы вполне разумел, то знал бы, конечно, и то, что Ты, Боже мой, для того непреложно сделался человеком, чтобы, восприняв меня, всего обоготворить, а не для того, чтобы Ты, как человек, пребывал в тучной плоти, и чтобы, будучи, как Бог, по природе совершенно недержимым, нетленным и неуловимым, Ты держим был в тлении. Если бы я знал, что тело Твое Божественное неуловимо, и верил, что кровь Твоя святая для меня недостойного поистине является огнем неприступным; то я приобщался бы их со страхом и трепетом, очищая себя слезами и вздыханиями. Но я сижу ныне во тьме, обольщенный неведением и будучи одержим, несчастный, совершенным бесчувствием.

Однако я прошу и умоляю Тебя, припадая (к Тебе) и ища Твоей милости: Воззри на меня, Всецарю мой, и ныне, как некогда, покажи благоутробие и сострадание Твое, яви непамятозлобие на мне – мытаре, или лучше – всеблудном, согрешившем пред Тобою сверх всякой природы разумных и бессловесных существ. Ибо хотя и все беззакония соделал я в жизни, но Тебя Бога (Отца) исповедую Творцом всего, Тебя Сына Божия почитаю единосущным (Отцу), рожденным от Него прежде всех веков, в последние же времена – от Св. Девы Богородицы Марии рожденным, как младенца, и соделавшимся человеком, ради меня пострадавшим, распятым и погребению преданным, в третий день воскресшим из мертвых и восшедшим во плоти туда, откуда Ты не отлучался. Итак, за то, что я таким образом верую и поклоняюсь Тебе, и уповаю, что Ты Христе, паки приидешь судить всех и воздать каждому по достоинству, пусть вера вместо дел вменится мне, Боже мой; не взыщи (с меня) дел, совершенно оправдывающих меня, но вместо всего пусть эта вера будет достаточной

для меня. Пусть она защитит, пусть она оправдает меня и покажет причастником вечной Твоей славы ¹⁶¹. Ибо верующий в Меня, сказал Ты, о Христе мой, жив будет и не увидит смерти во веки (Иоан. 11, 25–26). Итак, если вера в Тебя спасает отчаянных, то вот я верую, – спаси меня ¹⁶², озарив Твоим Божественным светом: явившись, Ты просветишь, Владыко, во тьме и сени смертной держимую душу мою. Даруй мне умиление, (как) питье Твое живительное, питье увеселяющее душевные и телесные чувства мои, питье всегда меня радующее и подающее мне жизнь, которой не лиши меня, Христе, смиренного странника, все упования на Тебя возложившего.

Гимн 10. Исповедание, соединенное с молитвой, и о сочетании Духа Святого с бесстрашием ¹⁶³.

«Се удалился, Человеколюбче, и водворился в пустыни» (Псал. 54, 8); я сокрылся от Тебя, пресладкого Владыки, окутанный ночью житейских забот. Много уязвлений и ран я от них потерпел, много ударов в душе я несу, возвратившись [из мира], и в скорби и туге сердечной взываю: Помилуй, сжался надо мною преступным, о Врачу душелюбивый и один щедролюбивый! Ты, туне врачующий больных и израненных, уврачуй (и мои) струпы и раны. Источая елей Твоей благодати, помажь мои язвы и изгладь раны. Стягни и скрепи мои расслабленные члены. Уничтожь все шрамы мои и всего меня совершенно здоровым соделай, Спасителю, как прежде, когда не было на мне никакой скверны, ни струпа, ни опухоли, ни пятна; но (во мне) было спокойствие и радость, мир и кротость, святое смирение и долготерпение, свет (ὁ φωτισμός) добрых дел ¹⁶⁴, терпение и совершенно непобедимая сила [внутри]; а

(Многомилостиве и всемилостиве Боже мой...) с соблюдением замечательной точности славянск. перевода. отсюда великое утешение в повседневных слезах, отсюда веселие в сердце моем, как бы источник, беспрестанно текло и струилось, являясь (для меня) медоточивым потоком и питием радования, постоянно находящимся в моих умных устах. Отсюда же всякое здравие и чистота, отсюда избавление от страстей и суетных помыслов, отсюда [наконец] молниезрачное бесстрашие, которое, всегда мне сопребывая, слюбилось (συνεμίχεται) со мною (духовно разумеи это, читатель, дабы тебе не оскверниться постыдно), доставляя мне несказанное удовольствие от (своего) присутствия и безмерное желание [духовного] брака – сочетания с Богом. Когда же я приобщился его, то сделался бесстрастным, воспламенился удовольствием, возгорелся желанием его, и приобщившись света, подлинно соделался светом, став выше всякой страсти и будучи свободным от всякого порока. Ибо к свету бесстрастия не приближается страсть, как к солнцу – тень, или тьма к свету. Но сделавшись и будучи таковым, я возгордился, Владыко, так как понадеялся на себя, и увлекшись попечением о чувственных вещах и житейскими заботами, пал, несчастный, и охладев, сделался черным, как железо; (сверх того еще) ¹⁶⁵ долгое время лежа, я ржавчину принял. Посему взываю к Тебе, Человеколюбче, прося о том, чтобы мне снова

очиститься и быть возведена к прежней доброте (κάλλος), и света Твоего насладиться ныне и всегда во все веки. Аминь.

Гимн 11. О том, что для всякого человека, досаждаемого и злостраждущего ради заповеди Божией, (само) это бесчестие за заповедь Божию является славою и честью; и диалог (разговор) ко своей душе, научающий неисчерпаемому богатству Духа
166

Дай мне, Христе, то чувство, которое однажды Ты мне даровал. Осени меня им, Спасителю, и всего меня внутри его сокрой, не попуская мирскому чувству ни приближаться ко мне, ни входить в меня, ни уязвлять всего меня, смиренного раба Твоего, которого Ты один помиловал. Ибо мирское чувство, внезапно вкравшись в похвальную заботу (τῆ μερίμνῃ), тотчас производит в жалкой душе моей дурные желания. Ибо оно показывает мне славу, напоминает о богатстве, побуждает приближаться к царям, говоря, что это – большое счастье. Итак, от этих мыслей, как от ветра надувается мех, и огонь разгорается в пламя, так и душа та, надмеваясь, делается напыщенной и сильно рассеивается от желания славы, богатства и расслабляющего покоя – вещей, долу влекущих. (Тогда) она вместе с пользующимися славою и (сама) стремится быть в славе, со знаменитыми – казаться знаменитой и с богатыми владеть богатством. И ту, которую Ты прославил Твоим неизреченным светом, которую Сам Ты одел Твоею несказанною славою и показал (образом) Твоей Божественной светлости ¹⁶⁷, мирское чувство, пленив ум ее и показывая ей царей, напоминая о славе и предлагая богатства мира сего, побуждает в одном воображении страстно желать всего этого.

О помрачение и ослепление! о суетные помыслы, грязные намерения и бесчувственная воля! ибо, оставив созерцание неизреченного и нетленного, я думаю и помышляю о земном. Разве цари не умирают, и слава не преходит? разве богатство не рассеивается, как пыль от ветра? разве тела не истлевают в могилах? и земными имуществами разве не будут владеть другие (господа), после них – иные, а за теми (еще) иные? И кому, скажи мне, душа (моя), раньше принадлежало это богатство? или кто в (этом) мире мог приобрести хотя малую вещь, которую и по смерти так же, как при жизни, он взял бы с собою? никого, конечно, ты

решительно не можешь мне указать, кроме милостивых, которые, ничего не стяжав, все раздали по рукам бедным. Ибо они-то и являются надежными обладателями розданных (имуществ), с тех пор как отдали их в руки Владыки. Все же прочие, которые откладывают (и копят) богатства, суть нищие и даже хуже всех нищих, ибо нагими, как выброшенная падаль, они (повергаются) в могилы, будучи и в настоящей жизни несчастными и в будущей – странниками (и пришельцами) ¹⁶⁸. Итак, что же хорошего видя в этих вещах, ты, душа моя, услаждаешься? или что из них ты считаешь достойным того, чтобы сделать его предметом своих желаний? – Ничего, конечно, ты не можешь сказать (на это), ничего не (можешь) ответить.

Горе умножающим богатства и собирающим сокровища. Горе желающим воспринимать славу от людей. Горе тем, которые связываются с богатыми, но не возделывают славы Божией и богатства Его, и (не ищут того), чтобы с Ним только одним пребывать. Ибо суетен мир, и все, что в мире – суета сует, так как все пройдет; один только Бог всегда будет пребывать вечным и нетленным, и с Ним будут те, которые ныне взыскали Его, и Его одного вместо всего возлюбили. Горе тогда будет тем, которые любят ныне мир сей, потому что они осудятся за то на веки. Горе, душа, жаждущим славы человеческой, потому что они лишатся тогда славы Божией. Горе, душа, собравшим богатства, потому что они возжелают там получить каплю (воды). Горе, душа, возлагающим надежды на человека, потому что вместе со смертью его (рушатся) и надежды их, и они окажутся безнадежными. Горе, душа, тем, которые здесь имеют упокоение, потому что там они воспримут вечную муку.

Поведай (мне), душа моя, о чем ты печалишься? чего из вещей этой жизни желаешь? Скажи мне, и я покажу тебе необходимость и пользу каждой из них ¹⁶⁹. А ты уразумей и познай, что доброго есть в каждой вещи. Скажи: ты желаешь пользоваться славой и похвалами? – так послушай, что такое честь, и что бесчестие. Честь состоит в том, чтобы почитать всех, Бога же прежде всего, и заповеди Его стяживать себе, как богатство, претерпевая ради них обиды, злословия и поношения всякого рода. Ибо когда ты, душа, предпримешь какое-либо дело ради чести и славы Божией, и за него нанесут тебе обиды и унижения, тогда ты достигла прочной чести и славы, потому что [здесь-то], конечно, и придет к тебе слава Божия; тогда тебя восхвалят все Ангелы, так как ты почтила Бога, Которого и они прославляют. Ты хочешь, душа моя, владеть одеждами и богатством? – послушай, я покажу тебе сейчас вечное богатство. Кайся со слезами, презирай все, будь нищею духом и сердцем,

будь нестяжательной в деньгах и странницей в мире, будь противницей своих противных желаний и, (упокоеваясь) в воле единого Владыки твоего, ревностно последуй стопам Его. И тогда Он, замедлив в шествии, позволит тебе жалкой уловить Себя. Ты же, увидев Его, возопи и громко воскликни. И Он, обернувшись, милостивым оком взглянет на тебя, и даст тебе немного посмотреть на Себя, и скрывшись от очей твоих, опять оставит тебя. Тогда ты, бедная, горько восплачешь и возрыдаешь, тогда станешь просить (себе) смерти, не вынося скорби и не терпя разлуки с пресладким Владыкой. Он же, видя тебя в крайней нужде и весьма постоянною в плаче и сетовании, опять внезапно явится и озарит тебя, опять покажет тебе неисчерпаемое богатство – неувядающую славу Отчего лика, и исполнив радости, возвеселит тебя, как и прежде, и таким образом преисполненною радости оставит тебя. Та же радость, которая бывает от мирских слов и помыслов, мало-по-малу оставит тебя и придет к тебе печаль. И так снова, как и прежде, ты горько восплачешь, и взрыдаешь, и взыщешь Его – Виновника веселия, Подателя радости, Который есть прочное и поистине всегда пребывающее богатство. Когда Он будет так испытывать твое произволение, смотри, душа, не ослабей, не обратись вспять, не говори: доколе Он будет для меня неуловим? не говори: зачем, являясь, Он тотчас же снова скрывается? и доколе вместо милосердия Он будет доставлять мне (одни) труды? Не говори: как могу я находиться в таком напряжении до смерти? и не обленись, о душа, искать Владыку! но, как предавшая себя однажды на смерть (и посвятившая Богу) ¹⁷⁰, не отведывай послабления (и покоя) ¹⁷¹, не ищи ни славы, ни телесного утешения, ни расположения сродников. Совершенно не озирайся ни направо, ни налево; как начала, лучше же – теча еще усерднее, потщись всегда уловлять Владыку, взяться за Него. И хотя бы тысячи раз Он исчезал и столько же раз являлся тебе, делаясь неуловимым, (только) таким путем Он будет удержан тобою. Десятки тысяч раз, лучше же доколе ты вообще дышишь, еще усерднее ищи Его и беги к Нему. Ибо Он не оставит тебя и не забудет тебя; но являясь тебе понемногу все более и более и чаще пребывая с тобою, душа, Владыка, когда ты очистишься, наконец, осиянием света, Сам, придя, весь возобитает в тебе, и с тобою будет пребывать Тот, Кто мир сотворил; и ты будешь обладать истинным богатством, которого мир не имеет, но (только) – небо и те, которые вписаны там. Если этого тебе возможно достигнуть, то – скажи – чего еще большего ты желаешь?

Скажи, душа неблагодарная, неразумная, скажи, смиренная душа моя, что – более этого на небе или на земле, чего тебе следовало бы искать? Творец неба и Владыка земли и всего, что на небе, и что есть в мире, Он,

будучи один Создатель, Судия и Царь, Сам обитает в тебе, весь открываясь тебе, весь освещая тебя светом, и показывая (тебе) красоту лица (Своего), и давал тебе (возможность) яснее видеть Его, и содейвая тебя причастницей собственной славы, – скажи, что иное превосходнее этого? – Ничто, конечно, ты мне ответишь. Я же снова скажу: Удостоившись такой славы, зачем ты, о душа, все еще стремишься к земле? зачем обольщаешься здешними вещами? получив нетленное, зачем ты льнешь к тленному? нашедши будущее, зачем прилепляешься к настоящему? Старайся, душа, постоянно обладать ими, вся прилепись к ним, душа моя, чтобы и по смерти ты находилась в тех вечных благах, которые приобрела ты отсюда, и с ними предстала бы Творцу и Владыке, радуясь с Ним во веки веков. Аминь.

Гимн 12. О том, что желание и любовь к Богу превосходят всякую любовь и всякое человеческое желание; ум же очищаюся, погружаясь в свет Божий, весь обожается, и потому называется умом Божиим 172.

Красота Твоя, Владыко Христе, неизъяснима, зрак несравним, великолепие неизреченно и слава превышает ум и слово. Твой нрав, Твоя благость и кротость превосходят помышления всех земнородных. Поэтому и желание и любовь к Тебе препобеждают всякую любовь и желание смертных. Ибо насколько Ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько сильнее и любовь к Тебе, которая затемняет всякую человеческую любовь, отвращает от любления плотских наслаждений и скоро прогоняет все похоти. Ибо похоть страстей поистине есть тьма, и совершение постыдных грехов – глубокая ночь; влечение (ὁ ἔρωc) же и любовь к Тебе, Спасе, есть свет. Поэтому, воссиявая в боголюбивых душах, она тотчас прогоняет тьму страстей и (чувственных) наслаждений и водворяет день бесстрастия. О дивное 173 и нежданное дело всевышнего Бога! О сила (virtus) таинств, сокровенно совершающихся! Ты даруешь нам и преходящее и вечное, Ты даешь земное с небесным и настоящее с будущим, как Создатель всего, имеющий власть над земным и небесным. Итак, зачем же мы, несчастные, любим людей более, чем Тебя, и жалким образом служим им более, чтобы получить от них ничтожную и непрочную награду? Мы предаем им наши души и тела, дабы они пользовались ими, как ничтожными и отвергнутыми сосудами, и хотя мы Твои члены – Владыки всего, святые, говорю, члены святого Господа, Который ни от кого независим в Своей власти, не страшимся добровольно предлагать их скверным демонам для пустынейшего греха. Итак, кто из верных рабов Твоих удержится от слез? кто не оплачет также нашей своенравной дерзости? кто не возблагодарит пред таковым долготерпением Твоим, Боже? кто не вострепещет воздаяния на Божественном суде, то есть нестерпимого и во веки неугасимого огня геенского, где плач, и скрежет зубов, и скорбь неутешная, и невыразимая мука?

Но 174, о Солнце, (этого видимого нами) солнца, и луны, и звезд, и света, и всей природы Создателю, сокрой меня от них во свете Твоем,

чтобы я, созерцая в нем одного Тебя, Слове, не видел мира и того, что в мире; но, и видя, был как бы невидящим, и слыша, как бы не слышал. И как бывает с сидящими во тьме житейских удовольствий и тьме славолюбия: видя, они не видят Твоей Божественной славы, и слыша, совершенно не разумеют Твоих заповедей и повелений; так будет и со мною во свете Твоем, когда я [и видя] не буду видеть мира и того, что в мире. Ибо кто, видя Тебя и чувствуя себя озаренным Твоею славою и Божественным Твоим светом, не изменился умом, душою и сердцем, и не удостоился всевластно, Спасителю, видеть иначе и слышать таким же образом? Ибо ум, погружаясь в Твой свет, просветляется и делается светом, подобным славе Твоей, и называется Твоим умом; (так как) удостоившийся соделаться таковым удостоивается тогда и ум Твой иметь и делается с Тобою безраздельно единым. И как не будет он все видеть и слышать бесстрастно, как Ты? соделавшись Богом [по благодати], как пожелает он чего-либо вообще чувственного, какой-либо скоропреходящей и тленной вещи, либо иной, суетной славы – тот, кто соделался превыше всего этого и выше всякой видимой славы? Ибо как тот, кто стал превыше всего видимого и приблизился к Богу, лучше же кто сам наименовался Богом, захотел бы искать славы или роскоши от долу лежащих? Ибо они поистине для него – позор и поношение, унижение и бесчестие. Слава же для него и утеха и богатство – Бог Троица и (все) Божие и Божественное, Кому подобает всякая слава, честь и держава всегда, ныне и во все веки. Аминь.

Гимн 13. Изъявление благодарности за дары Божии, и каким образом в Отце, пишущем это, действовал Дух Святой. Также наставление, изреченное от (лица) Божия о том, что должно делать, чтобы получить спасение спасающихся 175.

Опять мне светит свет, опять я вижу его ясно. Опять Он отверзает (мне) небеса и рассекает (тьму) ночи, опять производит все ¹⁷⁶, опять видится один только Он. Опять Он ставит (поіѣ) меня вне всего видимого и отделяет также от всего чувственного. Опять превысший всех небес, Которого никто из людей никогда не видел, не разверзая небес, не разгоняя ночи, не разнимая ни воздуха, ни кровли дома, нераздельно весь со мною жалким бывает, внутри моей келии, внутри ума моего. В то время ¹⁷⁷, когда все остается, как и было, ко мне в средину сердца моего (о досточтимое таинство) ниспадает свет и поднимает меня превыше всего. И несмотря на то, что я нахожусь среди всего [окружающаго], Он ставит меня вне всего, не знаю, не вне ли также и тела. Дотоле я поистине весь нахожусь там, где один простой свет, созерцая который, и я также становлюсь простым по незлобию. Таковы необычайныя дела чудес Твоих, Христе мой; таковы дела могущества Твоего и человеколюбия, которые Ты совершаешь в нас недостойных. Потому-то я, одержимый страхом Твоим, и трепещу, и постоянно беспокоюсь, и сильно крушусь о том, что я воздам Тебе или что принесу за столь великие дары (Твоего) благоутробия, за те бесчисленные дары, которые Ты излил на меня; ничего же не находя в себе, (так как) ничего [собственно] моего нет в жизни, но все Тебе служит, все – дело рук Твоих, я еще больше стыжусь (и весьма терзаюсь) ¹⁷⁸, Спасителю, (желая) знать, что должно мне делать, чтобы послужить и благоугодить Тебе, дабы в день судный оказаться мне, Спасителю, неосужденным пред Твоим страшным судилищем.

Послушай, что тебе делать, всяк, желающий спастись, и прежде всех ты, вопрошающий Меня. Думай, что ныне ты умер, что ныне ты отрекся и оставил весь мир, покинув друзей, сродников и всякую суетную славу; вместе с тем совершенно отбросив попечение о дольних предметах, возьми крест на плечи, крепко его привяжи и до конца (жизни) переноси труды искушений, боли скорбей и гвозди печалей, принимая (их) с

величайшею радостью, как венец славы. Ежечасно пронзаемый остриями обид и жестоко побиваемый камнями всякого рода бесчестия, проливая слезы вместо крови, ты будешь мучеником. Перенося с великою благодарностию поругания и заушения, ты сделаешься причастником Божества Моего и славы. А если ты сам себя покажешь последним из всех, рабом и слугою, то после Я сделаю тебя первым из всех, как обещал Я. Если ты возлюбишь врагов и всех ненавидящих тебя, и будешь от души молиться за обидящих тебя и благотворить им по силе твоей, то поистине ты стал подобным Всевышнему Отцу твоему; и стяжав отсюда чистоту сердца, ты узришь в нем Бога, Которого никто никогда не видел. Если же случится тебе потерпеть гонение за правду, тогда радуйся, потому что царство небесное стало твоим. А что более этого? Это и многое другое, заповеданное Мною, делай и других учи, и ты и все прочие, верующие в Меня, [так поступайте], если хотите спастись и водворяться со мною во веки веков. Если же вы отрекаетесь и отвращаетесь, считая позором и бесчестием терпеть все это, (быть презираемыми) ¹⁷⁹ и положить души свои за заповеди Мои, то зачем стремитесь узнать, как вам должно спастись (и чрез какие деяния можно сдружиться со Мною) ¹⁸⁰? зачем же и Богом вашим Меня называете? зачем и себя также неразумно считаете верующими в Меня? Ведь Я ради вас все это претерпел добровольно: будучи распят на кресте, Я умер смертью злодеев, и Мои поношения и позорная смерть сделались славою мира, жизнью, светом, воскресением мертвых, похвалою всех верующих в Меня, стали одеянием бессмертия и истинного обожения для всех верных. Поэтому те, которые подражают честным страданиям Моим, сделаются также и причастниками Божества Моего и наследниками царства Моего, станут общниками неизреченных и невыразимых благ и будут вечно пребывать со Мною. О прочих же кто не восплачет и не возрыдает? кто не прольет слез от жалости сердца? кто не оплачет великого их бесчувствия? Ибо, оставив жизнь и ужасным образом отторгшись от Бога, они сами себя предали смерти. От части их избави меня, Владыко всяческих, и сподоби мне ничтожному и последнему из рабов Твоих сделаться причастником непорочных страстей Твоих, дабы, как сказал Ты, Боже, я стал и причастником славы и наслаждения благ Твоих, Слове, ныне, правда, как бы в гадании, образе или зеркале, «тогда же я познаю, якоже и познан бых» (1Кор. 13, 12).

Гимн 14. Те, которые отсюда уже чрез причастие Духа Святого сочетались с Богом, и по преставлении из сей жизни, будут там сопребывать с Ним во веки. Если же нет, то противоположное будет с теми, которые являются иными 181.

Начало жизни у меня есть конец, и конец – начало. Я не знаю, откуда прихожу, не знаю, где нахожусь, и не ведаю, жалкий, куда опять пойду. Я раждаюсь (как) земля от земли и (как) тело, от тела, будучи, конечно, от тленного тленным и всецело смертным. Малое время я провожу на земле, живя во плоти, и умираю, и переходя из этой жизни, начинаю жить другою. Тело я оставляю в земле, имеющее (некогда) воскреснуть и жить бесконечною жизнью во веки. Итак, призри ныне, Боже, ныне сжался, едина [Милостиве], ныне помилуй меня. Вот сила моя оставила (меня), я приблизился к старости – преддверию смерти. Грядет князь мира, имеющий испытать постыдные и скверные дела и деяния мои; предстоят палачи, свирепо глядя на меня и ожидая повеления схватить и увлечь в бездну ада несчастную душу мою. Итак, Ты, по естеству благоутробный и один человеколюбивый и всемилостивый Господи, помилуй меня тогда: не помяни беззаконий моих и не остави меня; не дай места против меня коварному врагу моему, который ежечасно угрожает мне, рыча на меня, скрежеща зубами и говоря: На что ты уповаешь? как надеешься избежать от рук моих, так как, оставив меня и презрев мои заповеди, ты присоединился ко Христу? Но ты никоим образом не избежишь. Ибо куда ты уйдешь? Ты отнюдь никогда не можешь ускользнуть от меня, изгнавшего Адама и Еву из рая, соделавшего Каина братоубийцей, во время потопа в конец обольстившего всех (смертных) своими прелестями и жалким образом низвергнувшего в заблуждение и в ужасную смерть, прельстившего Давида к прелюбодеянию и убийству, поднявшего войну против всех святых и многих (из них) умертвившего, – и ты ли, немощнейший, думаешь и надеешься совершенно избежать меня? Слыша это, Владыко и Боже мой и Создателю, Творче и Судие мой, имеющий власть над душою и телом моим, как Создатель того и другого, я жалкий ужасаюсь и весь дрожу и трепещу. А он, коварный, упрекая, говорит мне, Христе мой: Вот ты не бодрствуешь и не воздерживаешься, вот ты не

стяжал молитвы, не творишь поклонов, не показываешь тех трудов, которые ты некогда начал, – и за это одно я разлучу тебя от Христа и возьму с собою в неугасимый огонь. Я же, как Ты ведаешь, Владыко, никогда не полагал спасения души своей в делах своих и деяниях, но к Твоему милосердию прибегаю, уповаю, что Ты туне спасешь меня, как всемилостивый, и помилуешь, как Бог, подобно тому, как некогда – блудницу и блудного сына, сказавшего: «согрешил я». С такою верою притек я, с таким упованием пришел, с такою надеждою приступил к Тебе, Владыко. И ныне (молю) да не хвалится он предо мною, рабом Твоим, говоря: Где твой Христос, где твой Заступник? не Сам ли Он предал тебя в мои руки? – Ибо если, обольстив, он возьмет меня в плен, то не моему произволению и небрежению это припишет, но свалит все на Тебя, оставившего меня, говоря таким образом: Смотри, тот, на кого ты уповал, смотри, к кому ты приступил, смотри, о ком ты думал, что Он благоволит к тебе и любит тебя, о ком хвалился, что Он имеет тебя братом и другом, сыном и наследником, – как Он оставил тебя и предал в мои руки – врага твоего, сверх ожидания изменив тебе и вдруг возненавидев тебя?

Итак, слыша это, не оставь меня, Спасителю, не попусти стать мне поношением Твоим, Боже мой, Царю и Господи, некогда исторгший меня из тьмы, из рук и пасти его и поставивший свободным во свете Твоем. Ибо, видя тебя, я уязвляюсь в глубине сердца, и не будучи в состоянии взирать на Тебя, не (могу однако) выносить и того, чтобы не видеть Тебя: красота Твоя неприступна, вид неподражаем и слава несравненна. Да и кто когда-либо видел Тебя? или кто мог увидеть Тебя всего – Бога моего? Ибо какое око в состоянии узреть все (или универс) ¹⁸²? какой ум мог бы постигнуть сущего превыше всего, или обнять, или весь окинуть Его всего и увидеть содержащего все, вне всего пребывающего и являющегося всем, все наполняющего и опять того самого, Кто весь вне (всего) существует неизреченным образом? И однако я вижу Тебя, как солнце, созерцаю, как звезду, усматриваю, как светильник, возженный внутри сосуда, и ношу в недрах, как жемчужину. Но так как Ты не открываешься более, так как не всего меня делаешь светом и Себя не всего (мне) показываешь, каков и сколь велик Ты, то я думаю, что вовсе не имею Тебя – жизнь мою; но безнадежно плачу, как бы некто, ставший из богатых нищим и из знаменитых бесславленным. Видя это, враг говорит мне: не спасись тебе. Ибо вот ты отпал и ошибся в (своих) надеждах, так как не имеешь, как некогда, дерзновения к Богу. Не достаивая его ответа чрез слово, я дую (на него), и он тотчас исчезает. Так, прошу и молю Тебя, Владыко, будь

благоутробен ко мне, Спасителю мой, и тогда, когда душа моя выйдет из тела моего, чтобы одним дуновением мог я посрамить имеющих набежать на меня, раба Твоего, [демонов], и защищаемый светом Духа Твоего, невинно перешел бы и стал пред судилищем Твоим, имея сопребывающую мне Божественную благодать Твою, Христе, всего меня покрывающую и являющую непостыдным. Ибо кто дерзнет пред Тобою явиться, не будучи облечен в нее? или может ли кто бы то ни было воззреть на нестерпимую славу (Божью), не имея ее внутри и не будучи ею просвещенным? Ибо как человек может увидеть славу Божию и низкая природа человеческая – природу Божества? Ведь Бог – не созданный, мы же все созданы. Он – нетленный, мы – тление и прах. Он есть дух, превысший всякого духа, как Творец духов и Владыка, мы – плоти земные и существа земновидные. Он – Творец всего, безначальный и непостижимый, мы – черви и вместе грязь и пепел. И кто из нас возмог бы когда-либо увидеть Его чрез собственную силу и действие, если бы Сам Он не послал Своего Божественного Духа и, сообщив чрез Него немощной (нашей) природе крепость, силу и мощь, не соделал бы человека способным видеть Его Божественную славу? Ибо иначе никто из людей не увидит, и не может увидеть Господа, грядущего во славе. И таким образом неправедные будут отделены от праведных, и грешники и все те, которые не будут иметь в себе света отсюда, покроются тьмой. Те же, которые соединились с Ним чрез (соделанные) здесь (дела) ¹⁸³, и тогда таинственно и преискренно сочетаются с Богом, и никогда не будут отлучены от общения с Ним. Но те, которые отошли (отсюда) удаленными от Его света, как или каким образом тогда (с Ним) соединятся? – хотел бы я научиться у вас, или вас научить.

Бог, соделавшись человеком, соединился с людьми, и приобщившись человечества, преподавал всем верующим в Него и показывающим веру от дел причастие Божества Своего. Итак, спасутся, сказал Он, только эти одни, приобщившиеся Божества Его, как и Сам Он, Творец всего, приобщился нашей природы, как свидетельствует Павел, что Церковь Христова – Владычнее и Божественное тело без пятна вместе и порока, и без всякой морщины, каковыми должны быть верные; глава же (тела) – Христос (Ефес. 5, 27). Итак, если это будет, как, очевидно, и есть, то кто, будучи нечистым, посмеет тогда прикоснуться к Нему, или кто недостойный прилепится к Нему? Ибо если и теперь грешники извергаются из Церкви и совершенно исключаются от общения, лучше же лишаются созерцания вещей божественных, не будучи святыми, то как тогда, увы мне, они соединятся со всенепорочным телом Божиим и

соделаются членами Христовыми, будучи запятнанными (и нечистыми) ¹⁸⁴?

Невозможно это, братие, и никоим образом не будет. Отделенные же от Божественного тела, то есть от Церкви и лика избранных, скажи, куда они пойдут? в какое царство? в каком месте, скажи, они надеются вселиться? Ибо рай, конечно, и лоно Авраамово, и всякое место упокоения принадлежит спасающимся. А спасающиеся, конечно, суть святые все, как свидетельствует и учит все Божественное Писание. Ибо «многи – обители», но внутри чертога (Иоан. 14, 2). Подобно тому ведь, как – одно небо и на нем звезды, различающиеся друг от друга честью и славой; так существует и один чертог и одно царство. Но и рай ведь, и град святой, и всякое место упокоения есть один только Бог. Ибо как в этой жизни человек, не пребывающий в Боге, и Бог в нем, не имеет покоя; так и после смерти вне Его одного, полагаю, не будет ни упокоения, ни места совершенно свободного от печали, вздыхания и скорби.

Поэтому потщимся, братие, потщимся прежде смерти прилепиться к Богу, Творцу всех, Который ради нас несчастных приклонил небеса и сошел на землю (Псал. 17, 10), сокрылся от Ангелов, и вселившись во чреве Святой Девы, неизменно и неизреченно воплотился и произошел от нее для спасения всех нас. Спасение же наше состоит именно вот в чем, как мы часто говорили и ныне снова скажем, не сами, впрочем, от себя, но от уст Божиих. Явился великий Свет будущего века, на землю сошло царство небесное; лучше же (сказать) пришел Царь всех вышних и нижних, восхотев уподобиться нам, дабы все мы, приобщившись Его, как бы света, явились вторыми светами, подобными первому (Свету), и соделавшись участниками царства небесного, были общниками славы (Его) и вместе наследниками вечных благ, коих никто никогда не видел. Эти же блага, как я уверен, верую и говорю суть Отец, Сын и Дух Святой – Троица Святая. Это источник благ, это жизнь (всего) существующего, это утеха и упокоение, это одеяние и слава, это радость неизъяснимая и спасение всех приобщившихся Его неизреченного осияния и чувствующих, что имеют общение с Ним. Послушайте, ведь потому Он и Спасителем называется, что доставляет спасение всем, с которыми соединился. Спасение же есть избавление от всех зол и вечное обретение в Нем всех благ, дарующее вместо смерти ¹⁸⁵ жизнь, вместо тьмы свет, вместо рабства страстям и постыднейшим деяниям совершенную свободу – всем соединившимся со Христом – Спасителем всех, которые приобретают тогда всякую радость неотъемлемую, всякое веселие и всякое радование. Те же которые совершенно удалены от Него и не взыскали Его, или не соединились с Ним

и не избавились от рабства страстям и смерти, цари ли то, князя или вельможи, хотя бы они думали и полагали, что утешаются, радуются и наслаждаются благами, но они никогда не будут обладать тою совершенно неизреченною и неизъяснимою радостью, которую имеют рабы Христовы, свободные от всех неуместных пожеланий удовольствий и славы. Ее никогда не познает, не поймет и не увидит никто из тех, которые преискренно и горячо не прилепились ко Христу и в неизреченном соединении не растворились с Ним, Которому подобает слава, честь, хвала и всякое пение (ᾠνος) от всей твари и (всякого) дыхания во веки. Аминь.

Гимн 15. Благодарение за изгнание и скорби, которые претерпел (св. Отец) во время гонения на него. 186

Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя, единый Сердцеведче, Царю праведный, всемилостивый, благодарю Тебя, безначальный и всемогущий Слове ¹⁸⁷, сошедший на землю и воплотившийся Боже мой, соделавшийся тем, чем не был – человеком подобным мне, без изменения, скоропрехождения и всякого греха, дабы, пострадав, будучи бесстрастным, неправедно от беззаконных, даровать мне осужденному бесстрастие чрез подражание страстям Твоим, Христе мой. Итак, праведен суд Твой и вместе повеление (Твое), которое Ты повелел соблюдать нам, Всемилоствиве. Оно состоит в подражании смирению Твоему, дабы подобно тому, как сам Ты пострадал, будучи безгрешен, так и мы, согрешившие, переносили бы все: искушения, и гонения, и биения, и скорби, и наконец, (даже самую) смерть от беззаконных ¹⁸⁸. Ибо Ты слышал (о Себе), что Ты беснуешься, Тебя считали обольстителем, безбожником, противником Богу и преступником закона. Схваченный, как преступник, и связанный, Ты веден был один, когда все ученики (Твои) и друзья оставили Тебя; Ты предстоял пред судьей, как осужденный, Слове, и принял приговор, вынесенный им против Тебя. За то, что промолвил, Ты подвергся заушению от раба, и за то, что молчал, немедленно осужден был на смерть. Ибо слова Твои были мечем для беззаконных, и молчание ¹⁸⁹ (Твое), Царю, было причиною осуждения. Поэтому неправедные, не вынося Тебя одного видеть праведного, предали Тебя позорнейшей смерти. Потом Ты биен был по главе, увенчан терниями, облечен в багряную хламиду, заплеван в лицо, увы мне ¹⁹⁰, и поруган от беззаконных, слыша насмешливое: «радуйся, царю иудейский!» Ты понес крест на плечах и, приколотый на нем, вознесен был, Боже мой. Ты пригвожден был руками и ногами, напоен оцтом и пронзен копием в ребро Твое, Всемилоствиве. Не вынося этого, земля поколебалась от страха и скоро отдала (заключенных) в ней мертвецов. Солнце, видя Тебя, в кровь превратилось, и луна тогда мраком покрылась; и завеса храма тогдашнего надвое раздралась сверху до низу. Ничего из этого совершенно не уразумели те беззаконники, но и к лежащему во гробе приставили стражей и запечатали камень, думая (таким образом) удержать Тебя. Но Ты, Владыко, воскрес Своею силою, оставив преступникам печати целыми (и

невредимыми). Ангелы же, пришедши, отвалили камень, поразив страхом стрегущих там. Но и (тогда даже), совершенно не желая хотя сколько-нибудь уразуметь, они остались ослепленными умом и имея окамененное сердце до смерти. Итак, что же великого для меня, если и я пострадаю, как Сам Ты, Владыко, будучи безгрешен, пострадал за мир, дабы спасти мир, – я (говорю), весьма много согрешивший от юного возраста и прогневавший Тебя, Христе, делами и словами. Поистине же велико для меня, лучше же превыше всякой славы, так как делает меня причастником Твоей неизреченной славы, это – причастие страданиям, подражание делам (Твоим) и смирение Твое, которое доставляет обожение с разумением проходящим его. Благодарю Тебя, Владыко, за то, что я страдаю более неправедно. Если же – праведно, то да будет мне (это), Христе, во искупление грехов и в очищение от бесчисленных прегрешений моих. И не попусти, Владыко, чтобы мне причинены были когда-либо страдания, или искушения, или скорби сверх сил; но всегда подавай мне и облегчение, Боже мой, и силу, чтобы я мог понести скорби. Ибо Ты, Милостиве, изначала являешься подателем благ для тех, которые от души припадают ко Твоей державе, по достоинству веры и дел и благих надежд подавая дарования и всякие дары Божественного и поклоняемого Твоего Духа, ныне и присно и всегда, во веки веков. Аминь.

Гимн 16. Все святые, будучи озаряемы, просвещаются и видят славу Божию, насколько возможно человеческой природе видеть Бога 191 192.

Возри свьше, Боже мой, и благоволи явиться (мне) и беседовать нищему. Отверзи небеса и покажи мне свет Твой, или лучше отверзи ум мой, и как некогда, (так) и ныне, войдя внутрь меня, говори чрез нечистый язык мой (и опровергни ложь) тех, которые говорят, что ныне нет никого, кто бы разумно видел Бога, и до этого времени никого не было, кроме Апостолов. Но и те даже не видели, говорят они, ясно Бога, Отца Твоего, уча, что Он пребывает невидимым для всех, равно и незримым, и приводя изречение возлюбленного ученика Твоего Иоанна, говорящего, что Бога никогда никто из людей не видел (Иоан. 1, 18; I Иоан. 4, 12). Ей, скажи скоро, Христе мой, (что мне делать) ¹⁹³, дабы я не казался для неразумных болтуном. Пиши, сказал Он, что Я буду говорить, пиши и не бойся. Я – Бог прежде всех дней, времен и лет и даже прежде всех веков, прежде всех тварей, видимых и умопостигаемых, превыше ума и слова, превыше всякого понятия, Я был один с одним единственно и (со Мною не было) ничего (не только) из видимого, но даже и из невидимого. Поистине Я был прежде, чем произошел ¹⁹⁴. Я один – несозданный со Отцом и Духом Моим, Я есмь один безначальный от безначального Отца Моего. Никто ни из Ангелов, ни из Архангелов, ни из других чинов никогда не видел ни природы Моей, ни Самого Меня – Творца всецело, каков Я есмь, но они видят один только луч славы и (некое) изливание света Моего, и обожаются ¹⁹⁵. Ибо подобно тому как зеркало, воспринимающее солнечные лучи, или как хрусталь, освещенный в полдень, так и они все воспринимают лучи Божества Моего. Всего же Меня увидеть еще не удостоился никто ни из Ангелов, ни из людей, ни из святых сил. Ибо Я – вне всего, и для всех невидим. Однако не из зависти, конечно, к ним ¹⁹⁶ (Я не даю) им видеть Себя, и не потому скрываюсь и не являюсь, чтобы Я был некрасив, но потому, что не нашлось еще никого достойного Божества Моего, и потому, что невозможно для твари быть равною Творцу. Да это им и не полезно. Видящие же малое отражение света (Моего) таинственно научаются тому, что Я подлинно есмь, и познают, что Я – Бог, произведший их, и в изумлении и страхе прославляют Меня и служат. Ибо невозможно, чтобы Бог произвел другую природу равномогущую Творцу и

однородную с Ним, потому что совершенно невозможно созданию быть единосущным Создателю. Ибо как создание может когда-либо уравниваться с Несозданным? Ты признаешь как это, так (не станешь отрицать) также и того, что создания ниже Того, Кто всегда существует, безначален и несотворен, и настолько различаются (от Него), насколько колесница и пила – от изготовившего их (мастера). Итак, как колесница может уразуметь того, кто сделал ее, или как пила, скажи мне, познает того, кто движет (ею), если изготовивший их не даст им знания и не вложит в них зренья, что невозможно для всех сотворенных? Итак, решительно никто ни из людей, ни из Ангелов не получил власти давать другим дыхание или доставлять им жизнь. Господь же всех, один имеющий власть и могущество, как источник жизни, производит одушевленные существа, какие, конечно, пожелает, и как Художник и Владыка, каждому дарует то, что восхощет и изволит. Ему слава и держава ныне и во веки. Аминь.

Гимн 17. Соединение Всесвятого Духа с очищенными душами происходит с ясным чувством, то есть сознанием; и в которых (душах) это бывает, те Он соделывает подобными Себе, световидными и светом
197

Невидимый весьма далеко отстоит от видимого
И от тварей – Тот, Кто произвел их исперва,
Равно от тленного – Нетленный и от тьмы свет.
Смешение этих (природ) произошло тогда, когда Бог сошел (на землю).

Ибо тогда расстоящие (естества) соединил мой Спаситель.
Но слепые не видят этого единения, и мертвые
Говорят, что совершенно не чувствуют его,
А думают, что живут и видят, о крайнее безумие!
Не веруя, они говорят, что никто опытно этого
Не познал или не ощутил, (т. е.) не видел чувственным образом;
Об этом же мы только слышим и научаемся словами.
Но, о Христе мой, научи меня, что сказать им на это, Дабы от великого неведения и неверия

Исторгнуть их, и дать им видеть Тебя – Свет мира.
Послушайте, отцы, божественных словес и уразумейте,
И вы познаете то единение, которое бывает с сознанием,
И чувством, конечно, и опытом, и зрением.
Бог – невидим, мы же, конечно, видимы.
Итак, если Сам Он соединяется волею с чувственными (существами),
То не сознательно ли должно происходить соединение обоих?
Если же ты утверждаешь, что это бывает без сознания и чувства,
То это, конечно, соединение мертвых, а не Жизни с живыми.
Бог (есть) Творец тварей, твари же – это мы.
Если же Бог – Творец снизошел к твари
И соединился, и тварь сделалась как Творец;
То поистине она в истинном созерцании должна ощутить,
Что тварное неизреченно соединилось с Творцом.
Если же мы не допускаем этого, то погибла вера,

И совершенно исчезла надежда на будущее.
Не будет (тогда) ни воскресения, ни всеобщего суда,
Так как мы твари, как говоришь ты, бесчувственно
Соединяемся с Творцом, ничего не помышляя в сознании.
И Бог (тогда) страдает чрез тебя, как будто Он не есть
Жизнь, и соединяясь с нами, не сообщает нам жизни.
Творец опять нетленен, твари же тленны.
Ибо, согрешив, не только тело одно,
Но и самые души ¹⁹⁸ они подвергли тлению.
По этой причине мы и телом и душою
Тленны, как тлением духовной смерти
И греха все вместе одержимые.
Итак, если Нетленный по природе соединился со мною тленным, То
поистине будет одно из двух, о чем я хочу сказать тебе:
Либо меня Он изменит и соделает нетленным,
Либо Нетленный изменится в тление, и таким образом
Я, быть может, не уразумею того, что Он пострадал
И сделался мне подобным. Если же я стал
Весь нетленным из тленного, прилепившись к Нетленному,
То как бы я не почувствовал (этого)? как бы самым опытом
Не познал я, чем стал, став тем, чем не был?
Ибо кто говорит, что Бог, соединяясь с людьми,
Не сообщает им божественного нетления,
Но скорее Сам поглощается их тлением,
Тот учит о гибели Негиблущего
И богохульствует, сам совершенно отпадая от жизни
Если же это невозможно, то прими лучше другое (положение),
И прежде конца потщись приобщиться нетления.
Бог есть свет, мы же находимся во тьме.
Или вернее сказать – мы сами тьма.
Не обольщайтесь, Бог нигде в другом месте не светит,
Кроме тех одних душ, с которыми Он соединится прежде конца.
Для других же если и воссияет, как изрекли проповедники [истины],
То явится для них как огонь, совершенно неприступный,
Имеющий испытать, каково дело каждого,
И снова удалится от них, как от недостойных;
Они же воспримут достойное мучение.
При всем том здесь и там Свет для душ один и тот же;
Мы же, имея непросвещенные души, являемся тьмой.

Итак, если тот Свет, что для душ, соединится с моею душою,
То он либо погаснет и сделается тьмой,
Либо душа моя, просветившись, будет как свет. Ибо когда свет
возжигается, тьма тотчас убегает.

Таково ведь свойство и чувственного света.
Если же этот произведенный свет ¹⁹⁹ совершает в тебе то,
Что и очи твои просвещает, и душу увеселяет,
И дает тебе видеть, чего ты прежде не видел;
То чего не соделает, воссияв в душе (твоей), Творец его,
Сказавший: да будет свет, и он тотчас произошел?
Итак, как тебе кажется, если Он умно воссияет в твоём сердце
Или в уме, как молния или как великое солнце ²⁰⁰;
То что Он может сделать душе озаренной ²⁰¹?
Не просветит ли ее и не даст ли (ей)
Точно познать того, Кто Он есть?
Ей, воистину так бывает и так совершается,
Так открывается благодать Духа,
И чрез Него и в Нем – и Сын со Отцом.
И (таковой человек) видит Их, насколько возможно (ему) видеть,
И тогда от Них тому, что касается Их, он неизреченно
Научается, и вещает, и всем другим (то) описывает,
Излагая богоприличные догматы, как все
Предшествовавшие Святые Отцы учат;
Ибо таким образом они божественный символ сложили.
Сделавшись таковыми, как мы сказали, они
Вещали и говорили с Богом и о Боге.
Ибо кто богословствовал о Троическом единстве,
Или кто низложил ереси, не сделавшись таковым?
Или кто был назван святым, не приобщившись Святого
Духа? – Никто никогда; так как мысленный Свет ощутительно
Обыкновенно приходит к тем, к которым Он прибывает.
Говорящие же, что они приобщаются Его без чувства,
Сами себя в действительности называют бесчувственными.
А мы (называем) их мертвыми, лишенными жизни,
Хотя они и мнят, что живут. О обольщение! о безумие!
Но, о Свете, воссияй в них, воссияй, чтобы, увидев (Тебя),
Они действительно убедились, что Ты воистину – свет,
И тех, с которыми Ты соединяешься, уподобляешь
Себе и соделываешь как бы светом.

О чадо ²⁰², Я всегда сияю пред лицом верных,
Но они не хотят (Меня) видеть, или лучше закрывают глаза,
Не желая воззреть на Меня,
И отвращают лица в другую сторону.
Вместе с ними и Я поворачиваюсь, становясь пред ними,
Но они снова бросают взор в другую сторону,
И [таким образом] совершенно не видят света лица Моего.
Одни из них покрывают лица покрывами,
Другие же убегают прочь, совершенно ненавидя Меня.
Итак, что делать Мне с ними? – Я совершенно недоумеваю.
Ибо спасти их без (их) воли и по принуждению –
Это показалось бы скорбным для не желающих спастись.
Ведь добро воистину будет добром (только) по воле,
Без воли же добро не будет добром.
Поэтому желающих и Я вижу и (ими) видим бываю,
И делаю их сонаследниками царствия Моего.
Не желающих же Я оставляю с их желанием в мире сем.
И они сами прежде суда бывают своими судиями, Так как в то время,
когда сиял Я – Свет неприступный,
Они одни сами себе причинили тьму,
Не желая видеть Света и оставшись во тьме.

Гимн 18. Алфавит в двестишестидесяти 203, побуждающий и наставляющий недавно удалившегося от мира восходить к совершенству жизни 204.

Началом (Ἀρχήν) положив Христа и горячую веру, удались, таким образом, от мира.

Бегай (Βάδιζε φεύγων) сродников и друзей, ибо это для новоначальных полезно.

Свободный (Γυμνός) от (всего) вещественного, приступи к Невещественному, ибо ничего большого ты не найдешь себе в помощь.

Малодушие (Δειλίαν) всякое от себя отбросив (ведь ты прибег ко всемогущему Владыке),

Надежду (Ἐλπίδα) же лучше несомненную восприняв (ибо Он печется даже о малых птичках),

Иго (Ζυγόν) легкое Господне понеси (ибо велико воздаяние будущее),

Нас (Ἦμᾶς) всех смертных туне спасающее [иго] (ибо мы искуплены Божественною кровию)

И Богами (Θεούς) являющее силою Призывающего, ибо таково воплощение Владыки,

Дабы ты делом (Ἐν ἔργῳ) познал конец дел, – то, что предивнее всего видимого 205.

Хорошее (Καλόν) для тебя приобретение – отсечение воли: оно покажет тебя мучеником в совести.

Слова (Λλογους) Отца твоего (духовного) и повеления исполняй, ибо они непрестанно наставляют тебя на путь

Даже до (Μέχρι) смерти; велика высота этого [подвига]; но Бог 206 явно ради тебя и это соделал.

Считай (Νόμιζε) себя худшим всех (это сделает тебя первым во царствии),

Странником (Ξέωος), нищим и низшим других; велики эти (добродетели), если исправишь (их).

Ты весь (Ὅλος) будешь [тогда] подражателем Владыки, а что выше этого?

Всякого (Πάντα) исправляет повседневный плач: ведь он слаще пищи и питья:

Познанию преходящего (Ρεόντων) и пребывающего он научает, ибо

прежде всего от мира удаляет.

Упражняйся в безмолвии (Σιωπήν), хранящем (все) это, ибо оно посекает всевозможные бесполезные корни.

Память (Τὴν μνήμην) смертную постоянно имей, ибо она есть виновница смирения.

Отсюда (Ἐφ ὧν) очистившись и просветившись сердцем (о чудо, для всех искомое!),

Ты свет (Φῶς) Божественный удостоишься ясно увидеть;

ведь он есть невещественный луч (Βέλος) от Невещественного.

Христос (Χριστός) же есть совершенная любовь; имеющий Его по усыновлению Богом является.

Души, (Ψυχάς) ищущие Его, Он просвещает; они одни живы будут – никто не прельщайся.

О (ἜΩ) любовь Боготворящая, которая есть Бог ²⁰⁷ – дар таинственно подаваемый достойным ²⁰⁸;

Она – (нечто) изумительное и вещь нелегко обретаемая.

Гимн 19. Наставление монахам, недавно отрешившимся мира и того, что в мире; и о том, какую должно иметь веру к отцу своему (духовному) ²⁰⁹.

Оставь весь мир и то, что в мире, один блаженный плач восприими, оплакивай только ²¹⁰ свои злые деяния, потому что они лишили тебя Творца всех – Христа и (сообщества) святых (Его). Кроме этого, ни о чем другом не заботься. Даже тело твое да будет для тебя как бы чужим. Смотри вниз, как осужденный и ведомый на смерть, всегда воздыхай из глубины сердца. Лицо свое омой одним только слезами. Ноги же, текшие на худые (дела), отнюдь не омой водой. А руки твои пусть будут у тебя согбенными; к Богу бесстыдно не простирай их, которые ты часто употреблял для греха. Дерзкий язык по возможности сдерживай (ибо он весьма проворен на грех), потому что из-за него одного многие даже из великих (людей), сбившись с правого пути, потеряли царство небесное. Прежде же этого загради свои уши, чтобы не слышать ничего постыдного и суетного; тогда, быть может, ты и языком овладеешь. Слушай только наставления отца твоего (духовного), давай ему смиренные ответы и, как Богу, открывай свои помыслы, ничего не скрывая даже до (греховных) приражений; ничего не делай без его воли: не спи, не ешь и не пей. И когда благовременно ты это соблюдешь, то не станешь мнить, что совершил что-либо великое; ибо (хотя) и посеял ты в поте и труде, но плода трудов своих ты еще не собрал. Поэтому не обольщайся и не думай ²¹¹, что нашел (искомое), прежде чем не стяжал ты душевных очей и ушей сердца твоего не очистил слезами своими, омыв их от нечистоты, и (прежде чем) не стал видеть и слышать духовно ²¹², и не начал чувствами внутри изменяться. Ибо многое ты увидишь, чего невозможно высказать, и гораздо больше еще услышишь, и притом необычайного, чего языком не сможешь выразить. Видеть же таким образом есть чудо из чудес ²¹³. Такой (человек) ничего плотского никогда не помышляет, землю же он попирает, как бы шествуя по воздуху, и все видит даже до бездн, вникая во все творения; он познает Бога и, пораженный страхом, как Творцу, поклоняется (Ему) и прославляет (Его). А великое дело познать (Его) власть и могущество, хотя все думают, что знают это; однако, не сомневайся, весьма многие обольщаются. Это – знают одни только просвещенные, все же другие (о ужасное неведение!) омрачены еще

большею тьмой, чем демоны.

Но, о Господи и Творче всех! Ты, создавший меня из земли смертным существом и почтивший благодатью бессмертия, даровавший мне жизнь, и речь, и движение, и (возможность) прославлять Тебя – Владыку всяческих, Сам, Владыко, дай мне несчастному, припадая к Тебе, просить (себе) полезного. Ибо не знаю я ни того, как в этот мир я пришел, ни того, что такое здесь то, что (люди) считают существующим. Не могу сказать я, о Боже мой, что такое зрение мое и что такое видимые (мною) предметы. Как осуетились мы все люди, и не имеем правильного суждения о сущем? Вчера пришел я (сюда), завтра отойду, а думаю, что буду существовать здесь бессмертно. Пред всеми исповедую Тебя Богом моим, делами же отрицаюсь Тебя повседневно (Тит. 1, 16). Уччу, что Ты – Творец всего, и однако усиливаюсь иметь все независимо от Тебя. Ты царствуешь над вышними и нижними, и один только я не трепещу противиться Тебе. Дай мне беспомощному, дай мне несчастнейшему отвергнуть всякий порок души, которую, увы мне, умаляют вместе и сокрушают гордость и пустая надменность. Даруй (мне) смирение, дай руку помощи, очисти скверну души моей и подай мне покаянные слезы, слезы желанные, слезы спасительные, слезы очищающие мрак ума моего и снова содевающие меня (ясным) и светлым, желающим видеть Тебя – Свет мира, Свет очей моих, моих (говорю) – меня жалкого, имеющего сердце исполненное житейских зол, многих скорбей и неприязни к тем, которые причинили мне изгнание ²¹⁴, лучше же сказать к моим благодетелям, владыкам и поистине друзьям моим. За зло воздай им, Христе мой, благами вечными, богатыми и божественными, которые на веки веков Ты уготовал вождедевающим Тебя и от души любящим.

Гимн 20. Каковым должно быть монаху, и какое его делание, или преспеяние и восхождение 215.

Соделай дом души твоей палатою в жилище Христу – Царю всяческих – каплями слез твоих, воплями, рыданиями, коленопреклонениями и частыми вздохами, если желаешь, о монаше, быть поистине монахом (μονάζων). И тогда ты не будешь и одиноким (μονάζων), так как будешь сопребывать с Царем, и одиноким будешь подобно нам, как отделившийся от людей и всего мира; это, конечно, и (значит) монах (μονάζων). Соединившись же с Богом и Царем, ты не одиноким (οὐ μονάζων) сделался, но сопричтен ко всем святым, стал сожителем Ангелов, совсельником праведников и поистине сонаследником всех небожителей. Итак, каким образом ты одинок, когда ты имеешь жительство там, где собор мучеников и преподобных, где лик пророков и божественных Апостолов, где бесчисленное множество праведных, иерархов, патриархов и прочих святых? Имеющий же (еще) Христа живущим в себе как может быть назван единственным, скажите мне? Ведь со Христом моим сопребывает Отец и Дух. Как же одинок (μονάζων) тот, кто с тремя соединен, как с одним? Соединившийся с Богом не – один, хотя бы он и одинок был, хотя бы сидел в пустыне или находился в пещере. Если же кто не обрел Его, не познал, не воспринял Его всего – воплощенного Бога Слова, тот совершенно, горе мне! не сделался монахом; поэтому он-то и есть один, (как) отделенный и разлученный от Бога. Также каждый из нас порознь и все мы (люди такого духа) ²¹⁶ отделены, конечно, от других людей, и являемся сирыми и разъединенными, хотя нам и кажется, что мы имеем единение чрез сожитие и сообщаемся друг с другом во многолюдных собраниях. Ибо духом и телом мы отделены (друг от друга), и что это верно, показывает смерть, разлучая каждого от сродников и друзей и принося забвение всех ныне любимых. Так и ночь, и сон, и дела житейские естественно расторгают единение многих. Кто же чрез добродетель сделал келью свою небом, тот, и сидя в ней, созерцает и видит Творца неба и земли, и поклоняется (Ему), всегда сопребывая со Светом незаходимым, Светом невечерним, Светом неприступным, от Которого он никоим образом не отлучается и вовсе не удаляется ни днем ни ночью, ни в пище ни в питии, ни даже во сне, либо в пути, или при перемене места, но как живой, так и мертвый, говоря же яснее – совершенно вечно сопребывает с Ним душою.

Ибо как невеста разлучится от жениха, или муж от жены, с которой он сочелся однажды? Законодатель, скажи мне, не соблюдет ли закона? Сказавший: «и будета два в плоть едину» (Быт. 2, 24) как Сам не станет с нею (душою) совершенно (единым) духом? Ибо жена в муже, и муж в жене, и душа в Боге, но и Бог в душе – соединяется и познается во всех святых.

Так соединяются с Богом те, которые, очищая чрез покаяние свои души в этом мире и удаляясь от других, делаются монахами. Они воспринимают ум Христов, то есть совершенно нелживья уста и язык, посредством которого беседуют с Отцом Вседержителем и всегда вопиют: о Отче, Всецарю и Творче всех! келья у них есть небо, а (сами) они являются солнцем, и в них пребывает Свет незаходимый и Божественный, Который просвещает всякого человека, грядущего в мир сей и рождающегося от Духа Святого (Иоан. 1, 9). Итак, в них нет ночи, но каким образом – я не могу тебе сказать. Ибо я дрожу, пища тебе это, и помышляя, трепещу; но я изъясняю тебе, как и каким образом живут служащие Богу и Его одного, вместо всего, взыскавшие и обретшие, Его одного возлюбившие, с Ним одним соединившиеся и соделавшиеся монахами, как одни – с Одним, (хотя бы они и остались среди большого собрания народа) ²¹⁷. (Ибо поистине те суть монахи и одни только те уединяющиеся) ²¹⁸, которые (пребывают) с одним Богом и одни в Боге, обнажившись от всевозможных помышлений и помыслов и созерцая одного только Бога в уме безмысленном (ἀνευνοίῳ) ²¹⁹, утвердившемся во свете, подобно тому как стрела в стене, или звезда на небе, или не знаю, как (иначе еще) сказать. Однако они живут в (своих) кельях, как в некоем светлом чертоге, и думают, что пребывают на небе, или же ²²⁰ и поистине (там) пребывают. Смотри, не окажись неверующим. Ибо они не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут во свете будущего века, в котором витают и шествуют Ангелы, которым восхищаются начала и власти, и укрепляются все престолы и господства. Ибо хотя Бог почивает во святых (Своих), но и святые в Боге и живут и движутся ²²¹, ходя во свете, о чудо, как бы по твердой земле, как Ангелы и сыны Вышняго. После смерти они будут Богами, сопребывающими с Богом, с Тем, Кто по естеству Бог, – те, которые уподобились Ему по усыновлению. Ныне же они в том только Ему уступают, что удерживаются телом, будучи, увы мне, покрываемы и окутываемы им, как узники в темнице, которые хотя и видят солнце и лучи его, проникающие чрез скважину, но всего его не могут созерцать или видеть, вышедши из темницы, или, выглядывая, свободно смотреть на воздух. И вот это-то и печалит их (и сокрушает), что

они не видят всего Христа, хотя и всего видят, и что не могут избавиться от уз тела, хотя и освободились от страстей и всякого пристрастия; но освободившись от многого, они удерживаемы бывают одним. Ибо тот, кто связан многими узами, не надеется разрешиться от них; а кто смог разорвать весьма многие из уз, а (все еще) удерживается одним (чем-нибудь), тот скорбит еще более прочих и всегда усердно ищет избавиться (также) и от того, чтобы явиться свободным, дабы ходить, радуясь, и поспешно направиться к тому, кого он возлюбил и ради кого стремился разрешиться от уз. Итак, будем и мы все искать Того одного, Кто может освободить нас от уз; Его-то и возлюбим, Того, красота Которого изумляет всякий ум, поражает всякое сердце, уязвляет (всякую) душу и, вознося (как бы на крыльях) к любви, тесно связывает и соединяет с Богом на веки.

Ей, братия мои, теките к Нему деяниями. Ей, други, восстаньте и не отставайте. Не прекословьте нам, обольщая себя самих. Не говорите, что невозможно воспринять Божественного Духа. Не говорите, что возможно спастись и без Него. Не говорите поэтому и того, что кто-либо делается причастником Его в неведении. Не говорите, что Бог не бывает видим людьми. Не говорите, что люди не видят Божественного света, или что это невозможно в настоящее время. Никогда, друзья, это не было невозможным, но и весьма даже возможно для желающих, для тех исключительно, которые, проводя жизнь в очищении от страстей, соделали чистыми умные очи. Для прочих же греховная скверна поистине (бывает) слепотой, которая и здесь и там лишит их Божественного света и, не обольщайтесь, пошлет их в огонь и во тьму. Не видите ли, друзья, каков и сколь прекрасен Владыка! О не смежайте (очей) ума, взирая на землю! О не поработайте заботами о земных делах и имуществе и желанием славы, оставляя этот Свет жизни вечной. Ей, други, приидите и вознесем вместе со мною, не телом, но умом, душою и сердцем, в смирении и сокрушении сердца взывая к щедролубивому и единому Человеколюбцу Богу; и Он непременно услышит и помилует, Он непременно откроется и явится, и покажет нам Свой ясный свет. Зачем вы, жалкие, ленитесь и нерадеете? Зачем предпочитаете покой тела и славу, бесчестную и бесславную, пустую и суетную? Зачем добродетельную жизнь называете (праздною и) беззаботною? – Не так это, братия, не так, не обольщайтесь. Но как проводящие (светскую) жизнь, имеющие жен и детей и домогающиеся богатства и временной славы стараются и стремятся удовлетворить свои желания; так и всякий кающийся и служащий Богу должен стараться и всегда заботиться о том, чтобы покаяние его было благоприятным и служение благоугодным и совершенным. Тогда,

совершенно присвоившись чрез них Богу, он всецело соединяется (с Ним) и видит Его в лицо, и получает дерзновение к Нему соразмерно тому, поскольку старается исполнять Его волю, которую и мы да сподобимся сотворить и получить милость со всеми святыми ныне, насколько возможно в сем веке, там же мы приимем всего Христа и всего Божественного Духа со Отцом во веки веков. Аминь.

Гимн 21. Об умном откровении действий Божественного света и об умном и Божественном делании добродетельной жизни 222.

Оставьте меня одного заключенным в келье; отпустите меня с одним Человеколюбцем – Богом; отступите, удалитесь, позвольте мне умереть одному пред (лицом) Бога, создавшего меня. Никто пусть не стучится (ко мне) в дверь и не подает голоса; пусть никто из сродников и друзей не посещает меня; никто пусть не отвлекает насильно мою мысль от созерцания благого и прекрасного Владыки; никто пусть не дает мне пищи и не приносит питья; ибо довольно для меня умереть пред (лицом) Бога моего, Бога милостивого и человеколюбивого, сошедшего на землю призвать грешников и ввести их с Собою в жизнь Божественную. Я не хочу более видеть свет мира сего, ни самого солнца, ни того, что находится в мире. Ибо я вижу Владыку моего и Царя, вижу Того, Кто поистине есть Свет и Творец всякого света. Вижу источник всякого блага и причину всего. Вижу то безначальное Начало, от которого произошло все, чрез которое все оживляется и исполняется пищи. Ибо по Его желанию все приходит в бытие и делается видимым и по воле Его все (исчезает и) прекращается. Итак, как же я, оставив Его, выйду из кельи? Оставьте меня, я буду рыдать и оплакивать те дни и ночи, которые я потерял, когда смотрел на мир сей, смотрел на это солнце и на этот чувственный и мрачный свет мира, который не просвещает душу, без которого живут в мире и слепые также очами, которые, преставившись (отсюда), будут такими же, как и зрячие ныне. В этом свете и я, прельщаясь, всячески увеселялся, совершенно не помышляя, что есть иной Свет, Который, как сказано, есть и жизнь и причина бытия как того, что существует, так и того, что будет, конечно, существовать. Итак, я был как бы безбожником, не ведая Бога моего. Ныне же, когда Он по неизреченному благоутробию благоволил стать видимым для меня несчастного и открыться, я увидел и познал, что Он воистину есть Бог всех, Бог, Которого никто из людей в мире не видел. Ибо Он – вне мира, вне света и тьмы, вне воздуха и вне всякого чувства. Поэтому и я, видя Его, стал превыше чувств. Итак, вы, находящиеся во власти чувств, позвольте мне не только запереть келью и сидеть внутри ее, но даже, вырвавши под землю яму, скрыться (в ней). Я буду жить там вне всего мира, созерцая бессмертного Владыку моего и

Создателя; я хочу умереть из-за любви (к Нему), зная, что я не умру. Итак, какую пользу принес мне мир? и что приобретают ныне те, которые находятся в мире? – Поистине ничего, но нагими вселившись во гробах, они нагими и воскреснут, и все восплачут о том, что, оставив истинную жизнь, свет мира, – оставив Христа, говорю, они возлюбили тьму, и в ней предпочли ходить все те, которые не восприняли Света, воссиявшего в мире, Которого мир не вмещает и не может видеть (Иоан. 3, 19 и след.). Поэтому оставьте и отпустите меня одного, умоляю, – плакать и искать Его, чтобы Он богато дарован был мне и изобильно явился. Ибо Он не только видим бывает и созерцается, но и преподается, и обитает, и пребывает, являясь как бы сокровищем, скрытым в недре. Носящий его веселится и видящий его радуется ²²³, (думая, что хотя оно и сокрыто, но видится всеми; однако оно не видится ясно и неприкосновенно для всех). Его ни вор не может отнять, ни разбойник похитить, хотя бы он и умертвил того, кто его носит. Напрасно бы он трудился, если бы, желая отнять его, осмотрел кошелек, обыскал одежды и развязал пояс, свободно ища его. Если бы (даже), распоров живот, он ощупал внутренности, то (и тогда) никоим образом не мог бы найти его или взять. Ибо оно невидимо и не держимо руками, неосяземо и вместе вполне осяземо. Однако оно и руками держимо бывает только тех, которые достойны, (недостойные же, прочь удалитесь) и лежит на ладони, и как нечто, о чудо! и как не нечто, ибо имени оно не имеет. Итак, пораженный и желая удержать его, я думаю сжимая руку, что имею его и держу; но ²²⁴ оно ускользнуло, будучи никоим образом не удержимо моею рукою; огорченный, я разнял пясть руки своей и снова увидел в ней то, что и прежде видел... О неизреченное чудо! о чудное таинство!

Зачем все мы все мятемся? зачем обольщаемся? Будучи почтены словом с умным чувством, зачем мы льнем к этому бесчувственному свету? Имея совершенно невещественную и бессмертную душу, зачем мы заглядываемся на эти вещественные и тленные (предметы)? Зачем мы удивляемся, будучи совершенно бесчувственны, и как слепцы, предпочитаем тяжелый (слиток) железа и этот большой (кусок) теста небольшому (количеству) золота или драгоценной жемчужине, как вещам бесценным, и не ищем малого горчичного зерна, которое драгоценнее и превосходнее всех тварей и вещей, как видимых так и невидимых? Почему мы не отдаем всего и не приобретаем его, и отчего готовы остаться в жизни, не стяжав его? Поверьте, что лучше многократно умирать, если бы это было возможно, только бы приобрести его – это малое, говорю, зерно.

Горе тем, которые не имеют его всеянным в глубине души своей, ибо

они сильно взалчут. Горе тем, которые не видели, чтобы оно проросло в них, так как они будут стоять, как деревья без листьев. Горе тем которые не веруют слову Господню, что оно делается деревом и пускает ветви, и не ищут прилежно чрез хранение ума повседневного приращения этого малого зерна; так как в возделывании его они останутся ни с чем, как тот раб, который свой талант зарыл неразумно (Мф. 25, 25). Одним из таковых являюсь и я, повседневно нерадящий.

Но, о нераздельная Троица и неслиянная Единица! о Свет ²²⁵ триипостасный, Отче, Сыне и Душе, о Начало начала и власть безначальная, о Свет неименуемый, как совершенно безымянный, и с другой стороны многоимянный, как все совершающий, о единая слава, начальство, держава и царство, о Свет [существующий] как единая воля, разум, совет и сила, помилуй, сжался надо мною сокрушенным. Ибо как мне не сокрушаться, как не печалиться, когда я легкомысленно презрел столь великую благодать и милосердие Твое, безрассудно, несчастный, и нерадиво ходя путем Твоих заповедей? Но и ныне, Боже мой, благоутробно сжался и помилуй меня, возгрей ту теплоту сердца моего, которую погасил покой жалкой плоти моей, сон, сытость чрева и неумеренность в вине. Все это совершенно погасило пламень души моей и иссушило живой источник слез. Ибо теплота рождает огонь, огонь же этот обратно – теплоту, и из обоих возжигается пламя, [и является] источник слез. Пламя производит потоки (слез), а эти потоки пламя; к ним возводило меня старательное упражнение в Божественных Твоих заповедях. С другой стороны соблюдение предписаний, при содействии покаяния, ставило меня на границе между (ἐν μέσῳ) настоящим и будущим. Поэтому, оказавшись внезапно вне видимых вещей, я впал в страх, видя, откуда я исторгнут. А будущее я видел весьма далеко, и когда я хотел его уловить, (у меня) возгорелся огонь любви, и мало-по-малу неизъяснимым образом превратился для зрения в пламя, сперва (только) в уме моем, а потом и в сердце. Это пламя Божественной любви обильно источало (во мне) слезы, и вместе с ними доставляло мне невыразимое наслаждение. Итак, когда я, уверенный в себе, что пламя никоим образом не погаснет (ведь оно горит хорошо, говорил я), и вознерадев, неразумно поработился сну и насыщению чрева, и дав (себе) послабление, стал побольше употреблять вина, не допьяна напиваясь, однако досыта; немедленно угасла (во мне) любовь в сердце – это страшное чудо, то пламя, которое, достигая до небес, хотя и сильно во мне горело, однако не сожигало находящегося в недрах (моих) сеноподобного вещества, но все его, о чудо, превращало в пламя; и сено, прикасаясь к огню, совершенно не

сгорало, но напротив огонь, охватывая собою сено, соединялся (с ним), и все его сохранял невредимым.

О сила Божественного огня, о чудное действие! Ты, от одного страха лица Твоего разрушающий скалы и холмы, как Ты, Христе Боже мой, смешиваешься с сеном, всецело Божественною сущностью, Ты – живущий во свете совершенно нестерпимом, Боже мой? Каким образом, пребывая неизменным и совершенно неприступным, Ты сохраняешь вещество этого сена неопалимым, и ²²⁶ [в то же время], сохраняя неизменным, все его изменяешь? И оно, оставаясь сеном, есть свет, свет же тот не есть сено; но Ты, будучи светом, неслиянно соединяешься с сеном, и сено, неизменно изменившись, делается, как свет. Я не выношу (того, чтобы) покрыть молчанием чуда Твои; я не могу не говорить о Твоем домостроительстве, которое Ты соделал со мною распутным и блудным, и не могу удержаться, чтобы не рассказывать всем, Искупителю мой, о неисчерпаемом богатстве Твоего человеколюбия. Ибо я хочу, чтобы весь мир почерпал от него, и чтобы никто не оставался совершенно лишенным его. Но прежде, о Всецарю, воссияй во мне снова, вселися и просвети смиренную душу мою; ясно покажи мне лик Божества Твоего и весь невидимо явися мне, о Боже мой. Ибо Ты не весь видишься мне, хотя и весь являешься мне. Будучи весь неуловим, Ты желаешь и бываешь для меня уловимым; будучи невместим во вселенной, Ты поистине делаешься как бы малым в руках моих, и вращаемый в устах моих, видишься сверкающим, как световидный сосец и сладость, о чудное таинство! Так и ныне дай мне Себя, чтобы я насытился Тебя, чтобы поцеловал и облобызал Твою неизреченную славу, свет лица Твоего, и наполнился (их) и преподал тогда и всем прочим, и представившись, пришел к Тебе весь прославленный. Сделавшись от света Твоего и сам светом, я (таковым) предстану Тебе, и тогда избавлюсь от этих многих зол и освобожусь от страха, так чтобы опять уже не изменяться. Ей, дай мне и это, Владыко, ей, даруй мне (также) и это, туне все прочее мне недостойному даровавший. Ведь это нужнее всего, это и есть все. Ибо хотя и ныне Ты видишься мне, хотя и ныне Ты благоутробен (ко мне), и просвещаешь меня, и таинственно научаешь, и покрываешь, и хранишь державною Твоею рукою, и соприсутствуешь (мне), и демонов в бегство обращаешь и делаешь невидимыми, и все мне покоряешь, и все доставляешь мне, и всех благ исполняешь меня, о Боже мой; но от этого не будет мне никакой пользы, если Ты не дашь мне непостыдно пройти врата смерти. Если князь тьмы, придя, не увидит сопребывающую мне (Твою) славу, и не будет, омраченный, совершенно посрамлен, быв опален Твоим неприступным светом, и вместе с ним и все супротивные силы не

обратятся в бегство, увидев (во мне) знак печати Твоей, и я, уповая на Твою благодать, не преяду совершенно бестрепетно, и не припаду (к Тебе), и не сокрушу их; то какая мне польза от того, что ныне во мне совершается? – Поистине никакой, но (это) восжжет для меня еще больший огонь. Ибо, надеясь быть причастником (Твоих) благ и вечной славы, и рабом Твоим и другом, если сразу я лишусь всего и Тебя Самого ²²⁷, Христе мой; то как мучение то не будет для меня более тяжким, чем неверным, которые ни Тебя не познали, ни света Твоего воссиявшего не увидели, ни сладости Твоей не насытились? Если же мне придется получить тот залог, достигнуть тех наград и почестей, которые обещал Ты, Христе, уверовавшим в Тебя, то и я тогда (также) блажен буду, и восхваляю Тебя – Сына со Отцом и Духа Святого, единого воистину Бога во веки веков. Аминь.

Гимн 22. Божественные вещи ясны (и открыты) одним только тем, с которыми чрез причастие Духа Святого весь со всеми соединился Бог 228.

Скажи, откуда приходишь Ты и какходишь внутрь кельи, отовсюду запертой? Ведь это – нечто необычное, превышающее ум и слово. А то, что Ты весь внезапно внутри меня бываешь и светишь, будучи видим светообразным, как полная света луна, – это, Боже мой, изумляет меня и делает безгласным. Знаю, что Ты – Тот, Кто пришел просветить сидящих в тьме (Лук. 1, 79), и ужасаюсь, и лишаюсь мыслей и речи, так как вижу необычайное чудо, превосходящее всякую тварь, всякую природу, всякое слово. Однако я поведаю ныне всем то, что Ты даруешь мне сказать.

О всякий род людской! цари и князья, богатые и бедные, монахи и миряне, и всякий язык земнородных, послушайте ныне меня, (намеревающегося) говорить о величии человеколюбия Божия 229. Я согрешил пред Ним, как никто другой в мире. Пусть не подумает кто-либо, что я говорю это по смирению. Ибо поистине я согрешил более всех людей, я соделал, говоря тебе кратко, всякое греховное и злое деяние. Однако же Он призвал меня и тотчас, как я знаю, услышал. Но к чему, полагал бы ты, Он призвал меня? к мирской ли славе, или к роскоши и упокоению? к богатству ли, или к дружбе князей, или к чему-либо из того, что мы видим здесь в жизни? Прочь клевета! Напротив к покаянию Он, говорю я, призвал меня, и я тотчас последовал зовущему Владыке. Итак, за бегущим и я бежал, за текущим и я опять 230 гнался, как за зайцем – собака. Когда же Спаситель далеко ушел от меня и скрылся, я не предался отчаянию и, как потерявший Его, не обратился вспять, но, сидя на том месте, где я находился, плакал и рыдал, призывая скрывшагося от меня Владыку. Итак, когда я так бился и вопил, Он, весьма близко приблизившись ко мне, стал для меня видим. Видя Его, я вскочил, стремясь ухватиться за Него. Но Он скоро убежал. Я побежал быстрее, и потому успел неоднократно уловить край (одежды) Его. Он немного остановился, (чему) я чрезвычайно обрадовался. И (снова) Он улетел, и я снова погнался. Таким образом, хотя и ушел приходивший и скрылся явившийся 231, но я отнюдь не обратился вспять, не обленился и не ослабил бега, никоим образом не считая Его за обманщика или искусителя моего; но всеми силами своими и способностями стал искать Того, Кого

(уже) не видел, осматривая пути и заборы, не явится ли Он (мне) где-либо. Обливаясь слезами, я расспрашивал о Нем всех, некогда видевших Его. Но кого (это), предполагаешь ты, я говорю – расспрашивал? Думаешь ли, что я (разумею) мудрецов и знатоков мира сего? – Конечно, нет; но – Пророков, Апостолов и Отцов, поистине мудрых, стяжавших всю ту премудрость, которая есть Сам Христос – Божия Премудрость. Итак, со слезами и великою скорбью сердца я упрашивал их сказать мне, где они некогда видели Его, или в каком месте, или как и каким образом. (Выслушав) ответ их ко мне, я побежал изо всей силы, совершенно не спал, но насилуя себя самого; посему и увидел Желанного моего; но Он виделся мне недолго. Увидев Его, я быстро, как выше сказал, погнался. Итак, когда Он увидел, что я все вменил в ничто, и даже все, что в мире, с самим миром, говорю, и всех находящихся в мире (людей) от души с чувством считаю как бы несуществующими, и что чрез такое настроение я отделился от мира; то весь всему мне дал увидеть Себя, весь со всем мною соединился – Тот, Кто пребывает вне мира, Кто носит мир со всем находящимся в мире и рукою одною содержит видимое с невидимым. Итак, Он, послушайте, встретившись, нашел меня; откуда же и как Он пришел, я не знаю. Ибо как мог я знать, откуда Он – здесь или откуда пришел Он, когда никто из людей никогда ни видел Его ни познал, где Он находится, где пасет (ποιμαίνει), где почивает? Ибо Он совершенно не видится, совершенно не постигается, обитает же в неприступном свете, и есть Свет триипостасный, неизреченным образом [пребывающий] в неограниченных пространствах – неограниченный Бог мой, один Отец, (один) также Сын с Божественным Духом, едино – три, и три – один Бог неизъяснимо. Ибо слово не в состоянии выразить неизъяснимое, ни ум – ясно постигнуть.

Ведь я едва ли могу изъяснить тебе (хотя) несколько то, что в нас есть: но ни я, ни кто-либо другой не сможет изъяснить тебе того, каким образом Бог – вне всего по Своей сущности, природе, силе и славе, и как Он везде во всем, в особенности же во святых обитает и вселяется в них разумно и существенно, будучи Сам совершенно пресуществен; как в (человеческих) внутренностях содержится Тот, Кто всю тварь содержит; как Он сияет в сердце плотном и грубом; как внутри его находится и вне всего пребывает и Сам все наполняет, – сияет и ночью и днем, и не видится. Уразумеет ли все это, скажи мне, ум человеческий, или сможет ли тебе высказать? – Конечно, нет. Ни Ангел, ни Архангел не изъяснил бы тебе этого, не будучи в состоянии изложить то словесно. Один только Дух Божий, как Божественный, знает это и ведает, будучи один соестествен и

сопрестолен и собезначален Богу и Отцу. Поэтому кого Он озарит и с кем взаимно сочетается обильно, тем все показывает неизреченным образом, делом, говорю тебе, все это (показывает). Ибо подобно тому, как слепой если прозрит, то видит, во-первых, свет, а затем во свете, дивно сказать, – и всякую тварь; так и озаренный в душе Божественным Духом, лишь только причащается света и делается светом, видит Свет Божий и Бога, конечно, Который показывает ему все, лучше же, что Он повелевает, что изволит и хочет. Кого Он просвещает озарением, тем дает видеть то, что – в Божественном Свете; и просвещаемые видят то по мере любви и хранения заповедей, и посвящаются в глубочайшие и сокровенные Божественные таинства. Подобно тому, как если бы кто, держа в руке своей светильник, или в предшествии другого, держащего светильник, вошел в темный дом и сам увидел то, что находится внутри дома; так и ясно озаренный лучами умного Солнца видит неведомое всем прочим и говорит (о том), – не о всем, впрочем, но о том (только), что может быть высказано речью. Ибо кто когда-либо возможет изъяснить то, что находится там, каково оно, сколь велико и какого рода, когда оно непостижимо и невидимо для всех? Ибо кто уразумеет вид безвидного, количество не имеющего количества и красоту недомысленного? как измерит, как вообще возможет высказать (то)? какими словами опишет образ того, что лишено образа? Никак, конечно, – скажешь ты мне. Но это знают только те одни, которые видят.

Поэтому поспешим не словами, но делами взыскать то, чтобы увидеть и научиться богатству Божественных таинств, которое дарует Владыка трудолюбиво взыскующим и явно стяжавшим забвение всего мира и тех вещей, которые в нем. Ибо взыскующий их вседушевым произволением как поистине не забудет всех здешних (вещей) и, стяжав (себе) ум, обнаженный от них и от всего внешнего, не окажется вскоре единым? Единый Бог, видя его соделавшимся ради Него единым и отрекшимся мира и того, что в мире, Единый найдя одного, соединяется с ним. О страшное домостроительство! о неизреченная благодать! Что (следует) потом, не спрашивай, не исследуй, не разыскивай. Ибо если никто не может исчислить множество звезд, капли дождя, или песок, да и прочих тварей (не может) изречь или уразуметь величие и красоту, природу, положение и причины их; то как бы возмог он изречь благоутробие Творца, являемое Им душам святых, с которыми Он соединится? Ибо чрез соединение с Собою Он совершенно обожает их. Поэтому кто хочет поведать тебе об обоженной душе, об ее нравах, природе, расположении, образе мыслей и о всем, что ей свойственно, то [это все равно, что] он, не знаю, какую речью,

пытается представить тебе, что есть Бог. Не позволительно же этого доискиваться тем, которые находятся в мире или живут по плоти, но это воспринимается одною верою; им должно подражать житию всех святых, слезами и покаянием и прочей строгостью жизни, и подвизаться в перенесении искушений, дабы стать вне мира, чего мы выше коснулись, и обрести, как сказал я, все без исключения ²³². Найдя же, они ужаснутся и изумятся, и обо мне несчастнейшем усердно помолятся, дабы и я не лишился того, но получил бы то самое, что получить я желал и желаю, и (этим) желанием желание ослабляю и притупляю. Я слышал некогда, что желание возжигает желание, и огонь питает пламя; во мне же не так бывает, но я не могу сказать, каким образом превосходство любви угашает любовь мою ²³³.

Ибо я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь не стяжал любви к Богу. Стремясь же ненасытно любить, насколько хочу, дивное дело, я теряю (даже) и ту любовь к Богу, какую имел. Подобно тому как сребролюбец, обладающий сокровищем, думает, что совершенно ничего не имеет, потому что не все имеет, хотя он и обладает множеством золота; так, без сомненья, думаю, бывает в этом (случае) и со мною несчастным. Так как я не люблю, как хочу и насколько, конечно, хочу; то и думаю, что я насколько даже не люблю. Итак, любить, насколько мне хочется, есть любовь превыше любви, и я понуждаю свою природу (естество) любить превыше естества. Но слабая природа моя лишается (даже) и той силы, какую имела, и живая любовь дивным образом умирает. Ибо тогда напротив она оживает ²³⁴ во мне и расцветает. А как она расцветает, я не нахожу примеров, чтобы изъяснить тебе. Одно только скажу тебе, что всяк бессилен выразить это словами. Тот, Кто есть единый Бог и воистину податель таковых благ, да даст всем, чрез покаяние взыскающим их, плачущим и рыдающим, и добре очищающимся, вкусить их, соделавшись еще отсюда причастниками (их) с чувством, и отойти с ними и в них упокоиться, и вечной жизни насладиться, и чрез них оказаться общниками неизреченной славы во веки веков. Аминь.

**Гимн 23. Озарением Духа Святого
прогоняется в нас все страстное, как тьма от
света; когда же Он сокращает лучи Свои, мы
подвергаемся нападению страстей и злых
помыслов 235.**

Свет Твой, Христе мой, озаряя меня, оживляет и возрождает, ибо видеть Тебя есть жизнь и воскресение. Но как (происходят) действия Твоего света – я сказать не могу. Однако я (самим) делом познал и знаю, Боже мой, что хотя бы я (находился) в болезни, в скорбях или печалях, хотя бы содержим был в узах и в темнице, и (томим) голодом, хотя бы объят был, Христе мой, еще более тяжелыми и ужасными (обстоятельствами); свет Твой, воссияв, все это прогоняет, как тьму, и Божественный Дух Твой внезапно делает то, что я бываю в покое и свете и в наслаждении светом. Я знаю, что скорби суть как бы дым, помыслы – тьма, искушения – стрелы, заботы – мрак, страсти же – звери, от которых Ты, Слове, некогда освободил и избавил меня, мало-по-малу озарив меня Твоим Божественным светом. И ныне, хотя я нахожусь среди всего этого, Ты, Христе Боже мой, хранишь меня неуязвимым, покрывая Твоим светом. Но так как я весьма часто претыкаюсь, ежечасно согрешая, так как превозношусь и прогневаю Тебя, то нуждаюсь в благоутробном Твоем наказании, Христе мой, действие которого сильно ощущаю в себе, чрез удаление покрывающего меня Божественного света. Ибо как по захождении солнца наступает ночь и тьма, и все звери выходят на добычу, так и когда свет Твой перестает покрывать меня, тотчас (окутывает) меня житейская тьма, покрывает море помыслов, звери страстей снедают меня, и я уязвлен бываю стрелами всевозможных помыслов. Когда же, движимый состраданием, Ты опять сжалишься (надо мною) и услышишь мои плачевные вопли, и вонмешь воздыханиям, и примешь слезы, и восхочешь призреть на смирение мое – того, кто согрешил непростительно; то видим бываешь вдали, как восходящая звезда, и мало-по-малу расширяешься (не Ты сам так изменяешься, но ум раба Твоего к зрению открываешь) постепенно все более и более, и видишься, как солнце. Ибо когда убегает и исчезает тьма, я думаю, что приходишь Ты – вездесущий. Когда же Ты, Спасителю, всего меня окружишь, как и прежде, когда всего меня покроешь и всего обнимешь; тогда я освобождаюсь от

зол, избавляюсь от тьмы, искушений, страстей и всевозможных помыслов, и исполняюсь благодати и веселия, наполняюсь радости и несказанного благодушия, видя страшные таинства и необычайные чудеса, видя то, чего ни око человеческое не видело и не могло бы видеть, ни ухо – слышать, и что на сердце смертных отнюдь не восходило (I Кор. 2, 9). От этого я сильно изумляюсь и прихожу в исступление, и совершенно отчуждаюсь всего, что – на земле, непрестанными гласами восхваляя Тебя, Боже мой, и замечая в себе самом необычайное изменение и (необычайный) способ заступления всемогущей руки: как озарением и явлением одного света Твоего Ты прогнал всякую печаль, исторгнул (меня) из мира и, таинственно соединившись со мною, немедленно восстановил меня на небе, там, где нет ни печали, ни воздыхания, ни слез, ни змия, жалящего в пяту, и показал мне нетрудною и бескоробной ту жизнь, которая для всех людей противна, тесна, с трудом проходима, или вернее сказать непроходима. Ибо кто из людей когда-либо мог или возможен быть на небе, с телом или без тела, и на каких крыльях (туда) взлетит?

Илия взят был на огненной колеснице, и прежде него Енох – не на небеса, а в (некое) другое место, (хотя) и не сам по себе, однако же был преложен. Но что – это (в сравнении) с тем, что бывает в нас? да и возможно ли вообще, скажи мне, сравнение тени с истиною, или духа служебного и рабского с Духом владычественным, вседетельным и Божественным, утверждающим и укрепляющим всякую тварную сущность? Ибо все прочее суть твари, а Он один – Творец, как нераздельный от Отца и Сына также. Сии три суть Бог, ибо Троица – един Бог. Она осуществовала все, Она создала все, Она сотворила в мире по плоти для спасения нашего Слово и Сына Отчего, нераздельного от Отца и Духа. Он же воплотился поистине чрез наитие Духа и сделался тем, чем не был, человеком подобным мне, кроме греха и всякого беззакония, Богом вместе и человеком видимым для всех, имея Своего Божественного Духа соприсущего (Ему) по естеству, Которым Он мертвых оживлял, слепым отверзал очи, прокаженных очищал, бесов изгонял. Претерпев крест также и смерть и воскресши Духом, Он вознесся во славе и обновил путь на небеса всем несомненно верующим в Него; и Всесвятого Духа обильно излил на всех, показывающих веру от дел, и ныне обильно изливает Его на таковых. Чрез Него Он обожает тех, с которыми тесно сочетался, неизменно изменяет их, показывая из людей чадами Божиими, братьями Спасителя, сонаследниками Христу, Богу же наследниками, Богами, пребывающими с Богом в Духе Святом, хотя и связанных одною только плотью, но духом свободных, которые легко совосходят со Христом на

небеса и стяжали там полное гражданство в созерцании благ, коих не видели очи.

Итак, что такое огненная колесница, восхитившая Илию, и что такое предложение Еноха по сравнению с этим? Я думаю, что как море, разделенное некогда жезлом, и манна, сошедшая с неба, суть только образ, и все это были символы истины: море – крещения, манна же – Спасителя; так и то суть образ и символы этого, имеющего несравненное превосходство и славу, поскольку несотворенное по природе превосходит сотворенное. Ибо манна, называемая хлебом и пищей ангельскою (Псал. 77, 24 – 25; Исх. 16, 4), которую люди те ели тогда в пустыне, прекратилась и исчезла, и они все, евшие ее, умерли, не приобщившись жизни. Плоть же Владыки моего, будучи обоженной и полною жизни, всех ядущих (ее) соделывает причастниками жизни и делает бессмертными. Не проводит их Искупитель мира и чрез пучину морскую и не переселяет из Египта в другую страну, опять приносящую людям тленные плоды, не повелевает нам даже и странствовать в продолжение сорока лет, дабы получить обетованную землю; но крестившихся с несомненною верою и причащающихся вместе с тем плоти и крови Его вскоре возводит от смерти к жизни, от тьмы к свету и от земли на небеса. Совлекши меня сперва тления и смерти и всего меня освободив с ощущением и познанием [того], Он – что поразительнее всего – показал меня новым небом и (Сам) – Творец всего вселился в меня, чего не сподобился никто из древнейших святых. Ибо некогда Он говорил чрез Божественного Духа и силою Его творил чудеса; существенно же Бог никоим образом ни с кем не соединился, прежде чем Христос Бог мой не сделался человеком. Ибо, восприняв тело, Он дал (нам) Своего Божественного Духа, и чрез Него существенно соединяется со всеми верными, и это единение бывает неразлучным.

Увы мне! (ибо я тяжко вздыхаю о заблуждении людей) как мы не верим Христу? как не последуем (за Ним)? как не желаем той жизни? как не вождедеваем богатства Его некрадомого и нетленного, ни нестареющей славы, ни (вечного) пребывания с Ним? как, прилепляясь к тленному, мы думаем спастись, не любя Христа более (всего) видимого и не надеясь быть с Ним по смерти, но оставаясь бесчувственнее поленьев и камней? Но, о Христе мой, избавь меня от этого (добровольного) безумия и научи любить Тебя – жизнь всех верных. Ибо Тебе со Отцом и Божественным Твоим Духом, как Царю и Творцу всех, Богу и Владыке, подобает слава и хвала, честь и поклонение ныне и всегда во веки веков. Аминь.

Гимн 24. О том, что иногда учитель, заботясь об исправлении ближнего 236, увлекаем бывает в находящуюся в том слабость страсти 237.

Помилуй меня, Господи, помилуй меня, единый Спасителю, от младенчества меня покрывший, Премного мне, сознательно согрешившему, Своею благодатью все милосердно простивший, Исторгший меня от ужасного и суетного мира, От сродников и друзей, и непристойных удовольствий, Удостоивший меня находиться здесь, как бы на горе, И показать мне дивную Свою славу, Боже мой, Исполнивший меня Божественного Твоего Духа, Христе мой, И всего меня насытивший духовным просвещением. Ты Сам нераскаянную (неизменную) благодать Твою, Боже мой, Подай мне рабу Твоему, наконец, всецело. Не отними (ее), Владыко, не отвратись, Создателю, И не презри (меня), Ты однажды поставивший меня пред лицом Твоим, Учинивший между рабами Твоими, запечатлевший Печатью Твоей благодати и Своим меня наименовавший. Не отвергни меня снова, не сокрой снова Света лица Твоего; и меня покроет тьма, Поглотит бездна и раздавит небо, Превыше которого Ты возвел меня, Спасе мой, И с Ангелами, лучше же с Тобою – Творцом всего Сопребывать удостоил, и сорадоваться с Тобою, И видеть несравненную славу лица Твоего, И досыта наслаждаться неприступным светом, И радоваться и веселиться неизреченным веселием Чрез сожитие, Владыко, с Твоим несказанным светом. Наслаждаясь неизреченным тем светом, Я веселился и радовался с Тобою, Творцом и Создателем, Созерцая неизъяснимую красоту лица Твоего. Когда же я снова низвел ум свой на землю, То, просвещенный Тобою, Владыко, не смотрел на мир сей,

Ни на вещи, находящиеся в мире.
Но был превыше страстей и забот,
И вращаясь в (житейских) делах и обличая зло,
Не приобщался, как прежде, человеческим злбам.
Замедлив же среди них, предпочел их (всему) прочему,
И связавшись, Владыко, с любителями словопрений,
В надежде исправления причастился злобы
И тьмы, увы мне! и страстей приобщился безумно,
И схваченный (этими) дикими зверями, бедствую (ныне).
Ибо желая других избавить вреда от них,
Я сам первый сделался добычею зверей.
Но, предварив, сжался, но, ускорив, избави
Того, кто попал к ним ради Тебя, Человеколюбче.
Ибо по заповеди Твоей я положил, Милостиве,
Душу свою несчастнейшую за братьев своих.
Итак, хотя я уязвлен, но Ты можешь утешать меня, Спасе.
Хотя я несчастный взят врагами пленником,
Но Ты Сам, как сильный и крепкий,
Можешь избавить (меня) одною Твоею волею;
Хотя я схвачен челюстями и лапами зверей,
Но когда Ты явишься, они тотчас умрут, и я жив буду.
О великий в щедротах и неизреченный в милости!
Сжался и помилуй меня падшего.
Я опустил в колодезь, (чтобы) избавить ближнего,
И вместе с ним и сам пал; правосудный Спасителю,
Не оставь меня до конца лежащим во рву.
Подлинно знаю я повеление Твое, всемилостивый Боже мой,
Что должно непременно избавлять брата от смерти
И от уязвления грехом, но чрез грех Не погибнуть с ним, что и
случилось со мною несчастным.
Я пал по легкомыслию, понадеявшись на себя самого
И его даже избавить и себя также,
А если нет, то ожидать вверху и оплакивать павшего,
И сколько есть силы, бежать от падения с ним.
Но и ныне восстави и возведи из пропасти
И постави меня, Христе, на камне заповедей Твоих,
И снова покажи мне свет, которого мир сей не вмещает,
Но (который) вне мира, и видимого света, и воздуха
Чувственного, и неба, и всего чувственного

Соделывает, Спасителю мой, созерцающего его.
И тот вне ли тела, или совершенно в теле,
Не зная, Боже, в тот час,
Думаю же, что будучи тогда как бы невещественным светилом,
И сияя красотой умного Солнца,
Не может чувственно видеть своего света,
Но видит только Его одного – незаходимое Светило,
Созерцая неизъяснимую красоту Его славы,
И сильно изумляясь, не может познать
И уразуметь этого способа созерцания,
Каким образом или где, неизъяснимо существуя,
Он видится, и желая [обитать] во святых, ограничивается.
Но (вот) это знаем все мы, посвященные в таковые таинства,
Что поистине вне мира тогда
Бываем и пребываем, доколе видим то,
И снова находимся в теле и в мире.
Вспоминая же о радости, и о том свете,
И о сладостном наслаждении, плачем и сетуем;
Подобно тому как грудное дитя, видя мать
И вспоминая о сладости молока, кричит и плачет,
Доколе, схватив [грудь], досыта не насосется его.
Этого и мы ныне просим, об этом умоляем Тебя
И припадаем, (чтобы) получить то неотъемлемо, Спасителю,
Дабы мы и ныне питались, Всемилоitive, от этого Хлеба, умно
нисходящего с неба
И сообщающего жизнь всем причащающимся (его),
И отходя и совершая шествие к Тебе,
Имели бы (его) спутником, и помощником, и избавителем,
И с ним и чрез него приведены были бы к Тебе, Спасителю.
Он и на страшном суде грехи наши
Покроет, Владыко, чтобы не открылись они
И не были явны для всех Ангелов и людей.
Но да будет он нам и светоносным одеянием,
И славою, и венцом во веки веков.

Гимн 25. Кто от всей души возлюбил Бога, тот ненавидит мир 238.

Я объят тенью, (но) и истину вижу.

Это – ничто иное, как твердая надежда,

Какая же это надежда? – та, которую не видели очи.

А она что такое? – та жизнь, которую все любят,

Но что такое эта жизнь, как не Бог – Творец всего?

Его-то и возлюби, а мир сей возненавидь.

Мир – смерть, ибо имеет ли он что-либо непреходящее (и нетленное)?

Гимн 26. О том, что лучше быть хорошим пасомым, чем быть пастырем над нежелающими; ибо не будет никакой пользы тому, кто, стараясь других спасти, сам себя погубит чрез предстояние над ними 239.

Скажи, Христе, рабу Твоему, скажи, Свет мира, скажи, знание всей (вселенной), скажи, Слове – Премудрость, все предузнающая, все предуведевшая и нас без зависти научающая полезному. Скажи и научи и меня, Спасе, спасительным путям Твоей воли и Божественных (Твоих) повелений. Скажи и не презри меня, и не сокрой, о Боже мой, от недостойного раба Твоего Божественной Твоей воли. Скажи мне. Человеколюбче – Спасителю, что лучше пред Тобою, что из двух благоугодно Тебе: нести ли мне попечение о монастырских делах и бескорыстно заботиться о телесных потребностях, взыскивая за все со враждой и ссорой, или всегда пребывать в одном безмолвии и хранить невозмутимым ум и сердце, воспринимая озарения Твоей благодати, и всегда быть озаряемым в душевных чувствах и, таинственно оглашаясь Божественными глаголами, других кротко учить и самому также учиться. Ибо кто учит (других), тот и себя (также) учит тому же, и первый, конечно, должен и творить то. Итак, из этих двух (положений), скажи мне, о Боже мой и Создателю, какое лучше и полезнее для меня и какое благоугодно и совершенно пред Тобою? о не скрой (этого) от меня, всемилостивый Слове!

Выслушай, о чем спрашиваешь, и запиши, что услышишь. Я Бог пребезначальный, Я по естеству Владыка, Царь небесных и преисподних, и все (даже) не хотящие являются Моими рабами. Ибо Я Творец всех, Судия и Владыка, и ныне есмь и буду во веки веков. Но не желающего Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служение повинующихся (Мне) было свободным и самопроизвольным, совершалось со страхом и любовью. Ибо Я желаю, чтобы таковы были рабы Мои, таковы наемники, таковы и друзья Мои. Прочих же Я не познал, и ими не познан. Поэтому жестоким, безжалостным и несправедливым называют Меня и говорят обо Мне сыны неправды. Итак, те, которые Меня оскорбляют, Меня злословят, Меня поносят, как тебе они покорятся, или как, скажи мне, примут тебя (в качестве) учителя? как волки сочтут тебя пастырем, или как, будучи

(дикиими) зверями, они последуют твоему голосу? Уйди, беги и удались от среды таковых. Ибо довольно для тебя, если ты и себя самого спасешь. Ведь если бы ты спас мир, а себя погубил, то какая тебе польза от мира, тобою спасенного? Я не хочу, чтобы ты был пастырем над кем-либо из желающих. Посмотри, это и Я сохранил в мире. Ибо для желающих Я – Пастырь и Владыка, для прочих же Я – Творец, конечно, и Бог по естеству, но никоим образом не Царь и не Вождь (и Начальник) тех, которые не взяли креста (своего) и Мне не последуют, ибо они суть чада, рабы и сосуды диавола. Виждь страшное таинство, виждь бесчувствие, и оплакивай их, если можешь, (хоть) ежечасно. Ибо, призванные из тьмы к невечернему свету, от смерти к жизни, из ада на небеса, от временного и тленного к вечной славе, они гnevаются и неистовствуют против наставников, затевая против них всевозможные козни и предпочитая умереть, чем уйти от тьмы и дел тьмы и последовать за Мною. Скажи, как ты будешь их пастырем? как будешь игуменствовать над ними? ну как, скажи Мне, ты станешь руководить теми, которые добровольно перебегают в огонь, присоединяясь ко врагу и с ним усердно творя противное Моим повелениям? Как ты будешь пасти их, как овец: как, скажи Мне, поведешь на пажити заповедей Моих и к воде хотений Моих? (как) изведешь их на мысленные горы таинственных созерцаний Моей неизреченной славы, ради которой видящие ее презирают земную славу, и забывая все чувственное, все это считают как бы тенью и дымом? Скажи, как соперника ты приобретешь себе защитником? как враждебного тебе противника ты убедишь быть твоим другом? Ибо скорее друзья легко делаются врагами, найдя незначительный повод; но враги нелегко могут стать друзьями, хотя бы они и благодетельствованы были и получили почетные и большие дары. Имея в сердце скрытый яд, они, улучив удобное время, внезапно изbleвывают его, и не трепещут немилосердно и безжалостно убивать своих благодетелей. О крайнее безумие! Таковые суть подражатели Каина, они – хуже Ламеха, они единокравны Саулу, подражатели Иудеев, соревнователи Иуды и наследники (его) удавления. Если над такими ты ищешь игуменства, то смотри, куда низойдешь ты; ибо они не обратятся, куда бы ты пожелал, но принудят и тебя идти своим путем и прежде них впасть в погибель, спустившись еще ниже (их) на дно ада, так как ты имеешь их, конечно, последующими за тобою (позади себя). Если же ты не захочешь вполне уподобиться им, не желая присоединиться к их замыслам и приобщиться злым делам их, то будешь иметь возмущение, брань и непримиримую войну. Что же будет отсюда, или что случится с тобою и что приобретешь ты? – Послушай, и Я скажу

тебе кратко. Прежде всего ты совершенно не можешь (тогда) быть рабом Моим, ибо Я никоим образом не хочу, чтобы раб Мой сварился. Пытая необузданную ненависть к тебе, они явно и тайно будут стремиться к тому, чтобы убить тебя, и когда они будут (позваны) на суд, ты дашь отчет. Ибо смерть твоя не принесет никакой пользы прочим, как Моя смерть была жизнью мира. Но и для них ты сделаешься причиною осуждения и сам без дерзновения отойдешь из сей жизни. Итак, лучше быть пасомым, а отнюдь не пастырем над таковыми; но всего лучше заботиться о своих и молиться за них и за всех людей, дабы все обратились и пришли к познанию [истины], и желающих из них учить и наставлять (началам благочестия) ²⁴⁰. Делать же то, чему учишь, не принуждай их, но возвещай им слова Мои и увещавай соблюдать их, так как они доставляют жизнь вечную. Сами же слова эти предстанут (им), когда Я прииду судить, и каждого из них будут судить по достоинству. И ты не будешь ответственным, и останешься совершенно неосужденным, так как не скрыл сребра словес Моих, но сколько сам получил, (столько) и уплатил всем. Это угодно Мне, это по заповеди Моей было делом Апостолов и учеников Моих: проповедать Меня Богом во всей вселенной, научить Моей воле и Моим повелениям и оставить записанным (то) человеческому (роду). Так делать и учить и ты подвизайся. Не желающим же совершенно слушать слов Моих говори так, как и Я ответил сказавшим некогда: «жестоко есть слово сие, и кто может его послушати» (Иоан. 6, 60). Я именно сказал: так если не хотите, идите и делайте каждый, что хотите, все предоставив их власти и произволению, – избрать смерть или жизнь. Ибо никто никогда не стал добрым произвольно, ни неверный, не хотя, не будет верным, ни миролюбец никогда не будет боголюбцем, ни худой без воли не переменит своих мыслей и не сделается совершенно добрым. Ибо никто не стал злым по природе, но по произволению и намерению (каждый) может сделаться, если желает, как злым, так и добрым; если же не желает, то никоим образом и не будет. Никто в мире, не хотя, не совершил добродетели; никто, не хотя, не спасается. Более об этом не спрашивай. Старайся же и себя самого спасти и слушающих тебя, если только найдешь на земле человека, имеющего уши слышать и повинующегося словам твоим.

Так я и сотворю, Владыко, как Ты повелел мне. Но даруй мне, недостойному рабу Твоему, помощь Твою (и благодать Твою) ²⁴¹, о Господи и Боже мой, дабы я всегда прославлял Тебя и воспевал державу Твою непрестанными гласами во веки веков. Аминь.

Гимн 27. О Божественном озарении и просвещении Духом Святым; и о том, что Бог есть единственное место, в котором все святые по смерти имеют упокоение; отпавший же от Бога (нигде) в другом месте не будет иметь упокоения в будущей жизни
242

Что это за страшное таинство, которое во мне совершается? (его) ни слово не в состоянии высказать, ни жалкая рука моя – начертать (письменами) в похвалу и славу Того, Кто превьше похвалы²⁴³ и превьше слова. Ведь если совершающееся ныне во мне блудном неизреченно и неизглаголанно, то каким образом, скажи мне, Тот, Кто есть Податель и Виновник этого, может нуждаться в том, чтобы воспринимать от нас похвалу или славу? Ибо не может быть прославлен Тот, Кто (уже) прославлен, подобно тому как не может осветиться или не может заимствовать света то солнце, которое мы видим в этом мире. Оно освещает, но не освещается, изливает свет, но не получает, так как имеет (свет), который из начала получило от Творца. Итак, если Бог, Создатель всего, сотворивший солнце, сотворил его без недостатка, так чтобы оно светило обильным светом и никоим образом не нуждалось в чем-либо другом большем; то как бы мог получить славу от меня ничтожнейшего (Сам) Творец солнца, Который совершенно (ни в чем) не нуждается и, как всемогущий, (одним) мановением и волею все исполняет всякими благами? Между тем и язык мой затрудняется в словах, и ум мой (хотя) и видит совершающееся, но не может изъяснить. Он видит и хочет высказать, но не находит слов, потому что созерцает невидимое, совершенно безвидное, совершенно простое, несложное и по величине беспредельное. Ибо он не видит никакого ни начала, ни конца, ни середины совершенно не замечает; и как он выскажет то, что видит? Видится же, думаю я, (нечто) совокупно-целое, (ἀνακεφαλαίουμενον ὅλον) но никоим образом не в (самой) сущности (своей), а чрез причастие. Ведь от огня ты (огонь) возжигаешь и всецело огонь получаешь. И хотя он (остается) неделимым и неоскудевающим, как и прежде; однако сообщаемое отделяется от первого, и так как оно есть нечто телесное, то разделяется на

много светильников. То же, как (нечто) духовное и неизмеримое, пребывает совершенно неделимым и несекомым. Ибо, будучи сообщаемо, оно не разделяется на многие (части), но и остается неделимым, и во мне бывает, восходя во мне, внутри моего жалкого сердца, как солнце или диск солнца, шаровидный и световидный, ибо оно – пламя. Не знаю, как сказано, что мне сказать о нем. И хотел я молчать (о если бы я мог!), но страшное чудо возбуждает сердце мое и отверзает оскверненные уста мои. Говорить и писать даже и не хотящего меня заставляет Тот, Кто воссиял ныне в моем мрачном сердце, Кто показал мне дивные (дела), которых не видели очи, Кто снисшел в меня, как последнего из всех, Кто показал меня сыном и учеником Апостола ²⁴⁴, меня (говорю), которым обладал страшный дракон – человекоубийца, (меня) прежнего делателя и слугу всякого беззакония.

Предвечное Солнце, воссиявшее во аде напоследок и озарившее и мою омраченную душу, даровавшее мне невечерний день (что невероятно для подобных мне нерадивых и ленивых) ²⁴⁵, исполнившее нищету мою всякими благами, Ты Само даруй мне и слово и речь, (чтобы) поведать всем о Твоих чудодействиях, которые Ты и ныне творишь с нами – Твоими рабами, дабы и спящие во тьме лености и утверждающие, что грешникам невозможно спастись и быть помилованными, как (спаслись и помилованы) Петр и прочие Апостолы, святые, преподобные и праведные, познали и уразумели, что для Твоей благодати это легко было, и есть, и будет; дабы и мнящие, что имеют Тебя – Свет всего мира, и (однако) говорящие, что не видят Тебя, не живут во свете, не просвещаются и не созерцают Тебя непрестанно, Спасителю, познали, что Ты не воссиял в их уме, не вселился в их нечистое сердце, и они напрасно утешаются пустою надеждою, думая по смерти увидеть Твой свет. Ибо залог (этого) отсюда еще и печать (Твоя) здесь, конечно, от Тебя, Спасе, дается десным овцам. Ведь если смерть каждого есть заключение (жизни), и после смерти для всех равно наступит (состояние) бездеятельности, и никто не возможет сотворить ничего ни доброго, ни злого, то каждый, конечно, каковым окажется (тогда), Спасителю мой, таким и будет. Это-то и устрашает меня, Владыко; это заставляет меня трепетать; это истаявает все мои чувства. Как слепец, умерши и преставившись туда, не увидит уже солнца чувственным образом, хотя по воскресении он снова получит свет очей; так и тот, кто умрет, имея ослепленный ум, не узрит Тебя, Боже мой, умное Солнце, но, отойдя из тьмы, переселится во тьму, и на веки будет удален от Тебя. Никто из людей, верующих в Тебя, Владыко, никто из крестившихся в Твое имя не стерпит этой великой и ужасной тяготы

разлучения от Тебя, Благоутробне, потому что это страшная скорбь, ужасная, нестерпимая и вечная печаль. Ибо что может быть хуже разлучения от Тебя, Спасителю? что же мучительнее того, чтобы разлучиться от Жизни и жить там наподобие мертвого, лишившись жизни, вместе с тем быть лишенным и всех благ, потому что удаляющийся от Тебя лишается всякого блага? Ибо тогда будет не так, как теперь на земле. Ведь ныне неведущие Тебя наслаждаются здесь телесно и веселятся, скача, как неразумные (животные). Имея то, что дал Ты в наслаждение жизни, и на это одно только взирая, они думают, что так будет и по исходе души из сей жизни. Но худо загадывают, худо мудрствуют утверждающие, что они (хотя и, не с Тобою, но в упокоении будут, (для которого они уготовляют и некое место – о безумие! – непричастное ни света ни тьмы, находящееся вне царства но и вне геенны, вдали и от чертога и от огненного мучения. В него эти несчастные и желают прийти, говоря, что они не нуждаются в Твоей вечной славе или царстве небесном, но будут в упокоении. О (каково) помрачение их! о неведение! о жалкое состояние и пустые надежды! Нигде об этом не написано, так как нигде этого не будет. Но соделавшие божественные (дела) будут находиться во свете (будущих) благ, а делатели зла во тьме наказаний. Посредине же будет страшная пропасть, разделяющая одних от других, как Сам Ты открыл, уготовавший это (Лук. 16, 26). Ибо эта (пропасть) посредине будет ужаснее всякой пытки и муки для человека, попадающего (в нее), для того, кто несчастным образом стремглав летит и низвергается в (эту) бездну мучений ²⁴⁶ и хаос гибели, откуда трудно взойти находящимся в муках, чтобы перейти на землю праведных. (Поэтому) они предпочитают ужасным образом в огне обратиться в пепел, чем ввергнуть себя в эту страшную пропасть. Итак, желающие быть там по смерти достойны многих слез и рыданий, так как, будучи совершенно бесчувственны, подобно бессловесным скотам, они сами себе накликают (погибель) и сами себя прельщают.

Ты, Христе, – царство небесное, Ты – земля кротких, Ты рай зеленеющий, Ты чертог Божественный, Ты неизреченная таибница, Ты (общая) для всех трапеза, Ты хлеб жизни, Ты питье совершенно новое, Ты и чаша воды и вода жизни, Ты для каждого из святых светильник неугасимый, Ты и одеяние, и венец, и раздаятель венцов, Ты радость и упокоение, Ты утеха и слава, Ты веселие, Ты и радование. И благодать Всесвятого Духа Твоего, Боже мой, подобно солнцу, воссияет во всех святых; и среди них воссияешь Ты – неприступное Солнце; и все они будут озаряемы по мере веры и дел, надежды и любви, очищения и

просвещения от Духа Твоего, единый долготерпеливый Боже и Судие всех, для которых в различные обители и места вменяются (различные) степени светлости и степени любви, и наоборот степень созерцания Тебя (каждым) будет (степенью) величия его, славою, наслаждением и честью – для различия чудных обителей и жилищ. Это и есть различные палаты, это «обители многи», это блестящие одежды высоких достоинств, разнообразнейшие венцы, (драгоценные) камни и жемчуги, неувядающие цветы, имеющие чудный вид, это – одры и ложа, столы и престолы, – и всем, что только есть приятнейшего для наслаждения, было, и есть, и будет созерцание одного Тебя. Итак, если не видящие Твоего света, как сказано (выше), и Тобою не видимые, но удаленные от Тебя лишаются созерцания Тебя, заключающего все блага, то где они найдут упокоение? где (найдут) беспечальное место? где вселятся они, не соделавшись правыми? ибо «правии вселятся с лицом Твоим» (Псал. 139, 14), потому что Ты вообразился в их правом сердце, и они с образом Твоим, Христе мой, обитают в Тебе.

О чудное дело! о дивный дар благостыни! – люди бывают во образе Бога, и в них воображается Тот, Кто для всех невместим, – Бог неизменный и непреложный по естеству, Который благоволит обитать во всех достойных, дабы каждый имел внутри всего Царя, и самое царство, и все относящееся к царству, и блистал светлее лучей этого видимого солнца, подобно тому как воссиял воскресший Бог мой. И предстоя Тому, Кто так их прославил, они пребудут в изумлении от преизбытка славы и непрерывного возрастания [в них] Божественной светлости. Ибо преспеянию во веки не будет конца, так как остановка (или замедление) в возрастании положит конец бесконечному, (внесет) постижение совершенно Непостижимого, и Невместимого всеми сделает (предметом) пресыщения. Но полнота и слава света Его будет бездной преспеяния и началом без конца. Как имеющие Бога вообразившимся внутри, они [святые] предстоят Тому самому, Кто блистает неприступным (светом): таким образом конец в них является началом славы; излагая же яснее свою мысль, [скажу] в конце они будут иметь начало и в начале конец. Совершенно [абсолютно] Полный, согласишься со мною, не нуждается в прибавлении, и текущие за Бесконечным не достигают конца. Ибо если прейдет это видимое небо и земля и все, что на земле (разумей, о чем я сказал); то [возможно ли] будет уловить место, где ты найдешь конец, не говорю телесный, но можешь ли ты [хотя бы] умом обнять полноту бестелесного мира? Он же не мир есть, но воздух, как прежде [было], и не воздух, но невыразимое пространство, которое называется «все» (универс)

²⁴⁷ и есть совершенно бесконечная бездна, отовсюду с разных сторон равно целостная, и это «все» наполнено Божественным Божеством. Итак, делающиеся причастными Его и в Нем обитающие как могут всего Его обнять, чтобы (даже) пресытиться (Им)? или как, скажи мне, они достигнут конца бесконечного? – Невозможно (это) и совершенно неосуществимо. Такая мысль совершенно не может и в [ум] прийти святым, ни здесь во плоти сущим, ни туда в Боге представившимся. Ибо, покрываясь светом Божественной славы, осияваясь и сияя, и наслаждаясь этим, они с полной и всецелой уверенностью поистине знают, что совершенствование их будет бесконечным и преспеяние в славе – вечным. Где же будут стоять, удивляюсь я, отпадающие от Бога и далеко отстоящие от Того, Кто везде находится? И поистине, братие, это чудо, исполненное великого ужаса, и чтобы хорошо уразуметь его и не впасть в ересь, как бы не доверяя глаголам Божественного Духа, требуется рассуждение ума просвещенного. Хотя и они будут находится внутри «всего», но поистине вне Божественного света и вне Бога. Ибо подобно тому, как (слепцы), не видящие сияющего солнца, хотя и всецело, со всех сторон бывают освещаемы (им), однако являются вне света, будучи удалены от него чувством и зрением; так и Божественный свет Троицы есть во «всем», но грешники, заключенные во тьме, и среди (него) не видят (его) и совершенно не имеют божественного (познания) и чувства; но опаляемые и осуждаемые своею (собственною) совестью, они будут иметь неизреченное мучение и невыразимую скорбь во веки.

Гимн 28. Исполненные любви к Богу слова Отца показывают здесь, какое изменение произошло в нем, как он, вконец очистившись, соединился с Богом и из какого каким стал. К концу он, богословствуя, говорит (еще) и об ангелах 248.

О как безмерно благоутробие Твое, Спасителю! Как Ты удостоил меня соделаться членом Твоим, (меня) нечистого, погибшего и блудного? и как облек меня в светлейшую одежду, блистающую сиянием бессмертия и содевающую светом все мои члены? Ибо пречистое и Божественное тело Твое все блистает огнем Божества Твоего, растворившись и неизреченно смешавшись [с Ним]. Итак, Ты и мне даровал его, Боже мой, ибо нечистая и тленная сия храмина (тела моего) соединилась с пречистым Твоим телом, и кровь моя смешалась с кровью Твоею; знаю, что я соединился и с Божеством Твоим, и соделался телом Твоим чистейшим, членом Твоим блистающим, членом поистине святым, членом светлым, прозрачным ²⁴⁹ и сияющим. Я вижу красоту (Твою), вижу сияние, (как) в зеркале, вижу свет благодати Твоей, и изумляюсь неизреченному [чуду] света, прихожу в исступление, замечая себя самого, из какого каким – о чудо – я стал, и страшусь, и стыжусь себя самого, и как бы Тебя Самого почитаю и боюсь, и совершенно недоумеваю в заботе о том, где бы мне сесть, и к кому приблизиться, и где склонить эти члены Твои, для каких дел и деяний мне употребить их – эти страшные и Божественные (члены). Дай мне, о Творче, и Создателю, и Боже мой, и говорить и делать то, о чем говорю я. Ибо если я не исполняю на деле того, о чем говорю, то я стал медью громко и всуе звенящей (I Кор. 13, 1) и не чувствующей звука ударов. Но не попусти и не оставь, и не дай, Спасителю мой, заблуждаться мне жалкому, нищему и странному, должному Тебе десять тысяч талантов (Мф. 18, 24). Но как некогда, так и ныне, Слове, содей: ибо тогда от наследия и всей земли отеческой, от отца, братьев, матери, своих и чужих, и всех других сродников и друзей Ты отделил меня, Спасе, грешника и худшего всех их, воспринял в пречистые Твои объятия – явившегося неблагодарным за Твои благодеяния; так и ныне помилуй меня, Милостиве, так и даже более умилосердись ко мне, о Боже мой, и охраняй меня, и обуздывай (неправые) движения духа моего, и сделай меня

способным долготерпеливо переносить всякое искушение и печаль житейскую, и что я сам себе причиняю (своим) худым мудрованием, чем искушает меня завистливый бесовский род, и что делом и словом причиняют мне немощные из этих братьев моих. Увы и горе мне! так как члены мои губят меня, и чрез них же опять я страдаю, влеком бывая ногами – я, которому главою предназначено быть. Ходя босыми ногами, я исколол их тернием, и сильно страдаю, не вынося боли. Одна из ног моих идет вперед, другая напротив обращается назад; они тащат и влачат меня туда и сюда, я спотыкаюсь и падаю вниз. Итак, я не могу (уже) следовать за всеми. Худо – лежать, но и ходить так еще хуже, нежели лежать, ибо (это) поистине ужасно, так как превосходит всякие иные несчастья. Дай мне, Господи, сокрушение и плач и сподоби во мраке сей жизни, в этом мире – юдоли скорби поработать Тебе и добре послужить и святые заповеди Твои сохранить. Благодарю Тебя, что Ты дал мне жить, и знать Тебя, и поклоняться (Тебе), Боже мой. Ибо это есть жизнь, (чтобы) знать Тебя единого Бога, Создателя и Творца всех, нерожденного, несозданного, единого безначального, и Сына Твоего, от Тебя рожденного (Иоан. 17, 3), и исходящего (от Тебя) Всесвятого Духа ²⁵⁰ – всехвальную Троичную Единицу, Которой поклоняться и благочестно служить – превосходнее всякой иной славы, назвал ли бы ты земную (славу) или небесную.

Ибо что есть слава Ангелов, Архангелов, Господств, Херувимов и Серафимов и всех прочих небесных воинств, (что есть слава их), или свет бессмертия, или радость, или сияние жизни невещественной, как не единый свет Св. Троицы, нераздельно трояко разделяемый, который един в трех лицах (χαρακτήρισί) и неведомо познаваем, поскольку Он хочет. Ибо невозможно, чтобы тварь так знала Творца всего, как Он Сам Себя знает по естеству; по благодати же видят Его и понимают все Ангелы и всякая тварная природа, не постигая, но разумея, поскольку Свет этот пожелает быть познанным или явиться слепым, а также и видящим, конечно. Ибо и глаз без света не видит, но зрение он получает от Света, так как он Им произведен. Назовешь ли ты телесное или бестелесное, найдешь, что все Бог сотворил, что на небесах (о чем бы ты не услышал), что на земле и что в безднах. И для всего этого единою жизнью и славой, единым желанием и единым царством, богатством, радостью, венцом, победой ²⁵¹, миром и всяким иным благолепием является познание Начала и Причины, от Которой все произведено и произошло. Она есть составление высшего и нижнего. Она – упорядочение всего умопостигаемого, Она – уяснение ²⁵² всего видимого. Ее имели крепким стоянием Ангелы, обогатившиеся еще большим познанием и страхом, когда они увидели падение сатаны и

прельщенных с ним самомнением. Ибо которые только забыли Ее, те и пали, поработившись превозношением; те же, которые напротив имели Ее в разуме, возвысились страхом и любовью, прилепившись ко Владыке своему. Поэтому познание власти (Господней) умножило (в них) также и любовь, так как они увидели еще более блистательный и яснейший свет Св. Троицы; а это опять отражало всякую иную мысль и делало неизменными тех, которые, получив в начале изменяемую природу, пребывают на высоте небожителей.

Гимн 29. Соделавшийся причастником Духа Святого, будучи восхищаем Его светом ²⁵³ или силою, возвышается над всеми страстями, не терпя вреда от приближения их ²⁵⁴.

О Боже и Господи Вседержителю! кто насытится Твоей невидимой красотой? кто наполнится Твоей необъятностью? кто ²⁵⁵, (хотя бы) и достойно ходил Он в заповедях Твоих, увидит свет лица Твоего? (Нечто) великое, дивное и совершенно невозможное – чтобы живущий в этом тяжелом и мрачном мире унесся с телом из мира. О чудное таинство! Кто преступил своей плоти преграду? кто, пройдя мрак тления, скрылся (отсюда), оставив весь мир? О убожество (нашего) познания и речи ²⁵⁶! Ибо где скрылся тот, кто, пройдя этот мир, унесся за пределы всего видимого? – скажи, мудрость мудрецов отвергнутая, чтобы не сказать – обращенная Богом в безумие, как говорит Павел (I Кор. 1, 19 – 20) и всякий раб Божий. Он муж желаний Духа; он, приближаясь телом к телу, духом может свят быть. Ибо вне мира и этих тел нет желания плотской страсти, но – некое бесстрашие, которое кто возлюбил, тот чрез эту любовь приобрел жизнь. Ибо хотя бы ты видел его ведущим себя непристойно и как бы прибегающим к (такого рода) действиям, знай, что это тело он мертвым соделал, не говоря (телом) без души, чрез которую оно движется, но – без злой похоти. Ибо наслаждение прекрасным бесстрашием и тот свет, который из-за него неизреченным образом любит меня, приводя в исступление весь ум мой, восхищает его и, держа обнаженным невещественною рукою, не попускает мне отпасть от любви к нему (свету) или допустить (в уме) страстный помысл, но беспрестанно целует (меня); и эта любовь воспламеняет душу мою, и нет во мне иного чувства. Ибо насколько чистейший хлеб дороже и слаще помета, настолько и несравненно более горнее превосходит дольнее для тех, которые хорошо отведали (его). Устыдись, мудрость мудрецов, поистине лишенная ведения. Ибо простота наших речей (самым) делом обладает истинною мудростью, Приближающеюся к Богу и поклоняющеюся Тому, от Кого дается всякая жизненная премудрость, чрез которую я воссоздаюсь и обожаюсь, созерцая Бога во веки веков. Аминь.

Гимн 30. Благодарение Богу за дары, которых (св. Отец) удостоился от Него. И ²⁵⁷ о том, что достоинство священства ²⁵⁸ и игуменства страшно даже ²⁵⁹ для Ангелов ²⁶⁰.

Я не могу, Владыко, говорить, хотя бы и хотел. Ибо что вообще скажу я, будучи нечист и в помыслах, и в действиях, и во всех представлениях? Однако уязвленный душою и горя внутри, я хотя нечто желаю сказать Тебе, о Боже мой. Ибо я вижу всего себя, и Ты, как Бог мой, ведаешь, что я от (самого) рождения осквернил все телесные и душевные члены свои, будучи весь грехом ²⁶¹.

Усматривая милость и человеколюбие и многие Твои благодеяния, которые Ты соделал на мне, я становлюсь безгласным и едва не мертвею, и постоянно тужу и печалюсь, несчастный, так как я недостоин всех (Твоих) благ. Когда же, придя в себя, я восхощу, Христе, помыслить в уме о множестве ²⁶² грехов своих и о том, что я не сделал в жизни ни одного доброго (дела), но вместо наказания и праведного Твоего гнева, который я должен был бы понести, как много раз огорчивший Тебя, Ты напротив удостоил меня ныне столь великих благ; то прихожу в отчаяние и боюсь суда Твоего, так как (доныне) я повседневно грехи (к грехам) прилагаю; и трепещу, чтобы великого милосердия и человеколюбия Твоего Ты не обратил (мне) в ярость большого наказания, так как, благодетельствуемый (Тобою), я тем более являюсь неблагодарным к Тебе, будучи злым рабом у Тебя – благого Владыки. Поэтому всему прочему, что служило к терпению, доставляя мне надежду жизни вечной, я много (раз) радовался, как Тебе одному ведомо, уповая чрез то на благость и милосердие Твое. Ибо для того Ты, Христе мой, и взял меня от всего мира и отделил от всех сродников и друзей, чтобы помиловать и спасти меня. Уверяемый в этом Твоею благодатью, я имел ненасытную радость и твердую надежду. О двух же этих последних, которым Ты, Царю мой, благоволил быть во мне, я не знаю, что мне сказать. они и душу мою и ум лишают слова, и останавливают действия и всякие мысли, и даже отягощают величием славы Твоей, едва не убеждал меня, Спасителю мой, [так] упраздниться, чтобы ничего не говорить, ничего не делать, ничего из этих (вещей) не касаться.

И я сам недоумеваю, удивляюсь и печалюсь, как я несчастный согласился служить и литургисать при таких неизреченных (таинствах), на которые Ангелы трепещут взирать без страха, (чего) убоялись пророки, услыша о непостижимом (деле) славы и вместе домостроительства, (о чем) Апостолы, мученики и множество учителей вопиют и взывают, что они недостойны открыто проповедовать (о том) всем находящимся в мире. Как же я погибший и блудный, как я презренный удостоился стать игуменом братий, священнодействователем Божественных таинств и служителем пречистой Троицы? Ибо когда полагается хлеб и вливается вино в знаменованье ²⁶³ плоти и крови Твоей, Слове, тогда там бываешь Ты Сам – Бог мой и Слово, и они поистине делаются телом Твоим и кровью, наитием Духа и силою Вышнего; и мы дерзаем касаться Бога неприступного, лучше же – обитающего во свете неприступном – не только для этой тленной человеческой природы, но и всем умным воинствам Ангелов. Итак, это неизреченное, это сверхъестественное дело и предприятие, для совершения которого я поставлен, внушает мне также созерцать пред очами смерть ²⁶⁴. Поэтому, оставив радости, я объят бываю трепетом, так как знаю, что ни мне, ни кому-либо другому невозможно литургисать достойно и проводить в теле жизнь как бы ангельскую, лучше же сверхангельскую, дабы, как показало это слово и содержит (Божественная) истина, и по достоинству стать ближайшим (к Богу самих) Ангелов, как прикасающемуся руками и вкушающему устами Того, Которому они предстоят со страхом и трепетом.

А какая душа понесет суд над братьями, над которыми я поставлен быть пастырем? какой ум будет в состоянии неосужденно испытывать мысли каждого (из них) в отдельности и все свои (обязанности) нести без опущения, избавляя себя [в то же время] от осуждения их? Я не думаю, чтобы это каким-либо образом возможно было для людей. Итак, я убеждаюсь и хочу лучше быть учеником, служа воле одного и слушая слов его, (чтобы) за одно это и отчет отдать, чем служить нравам и волям многих, испытывать их мысли, исследовать намерения и еще глубже исследовать их действия и помыслы, потому что и меня ожидает суд, и я должен дать ответ за грехи тех, пасти которых по неизреченным судьбам Божиим из всех избран я один. Ибо каждый будет судиться и даст, конечно, отчет в том, что он сам сделал доброго или злого. Я же один за каждого воздам ответ. И как я хочу спастись или быть помилованным, когда я даже для спасения своей жалкой души не могу показать никакого дела? Ибо ²⁶⁵ вполне будь уверен, что я не имею, что сказать, так как никогда не сделал ни малого, ни великого дела, чрез которое могу

избавиться от вечного огня. Но, о человеколюбивый и благоутробный Спасителю, дай мне смиренному Божественную силу, так чтобы я разумно чрез слово пас тех братий, которых Ты дал мне, наставляя (их) на пажити Божественных Твоих законов, и возводил бы в обители горнего царствия спасенными, целыми, невредимыми, блистающими красотою добродетелей и достойными поклонниками страшного престола Твоего. И меня также недостойного восприими от мира, хотя и покрытого многими греховными язвами, но однако вместе с тем и служителя и непотребного раба Твоего, и к ликам избранных, имиже веси судьбами, вместе с учениками моими сопричти, дабы мы все вместе видели славу Твою Божественную и наслаждались неизреченными благами Твоими, Христе. Ибо Ты – наслаждение, утеха и слава горячо любящих Тебя во веки веков. Аминь.

**Гимн 31. О бывшем св. Отцу видении
Божественного света, и как Божественный
свет не объемлется тьмой в тех, кто,
изумляясь величию откровений, помнит и
человеческую немощь 266 и осуждает себя
самого 267.**

Как опишу я, Владыко, видение лица Твоего?
Как расскажу о несказанном созерцании красоты (Твоей)?
Как звуки речи вместят Того, Кого мир не вмещает?
Как мог бы кто-либо изречь человеколюбие Твое ²⁶⁸?
Сидя при свете светящего мне светильника,
Освещающего мрак ночи и тьму,
Я думал, что нахожусь во свете, внимая чтению,
Исследуя, каковы речения и наблюдая (их) сочетания.
Итак, когда я, занимался этим,
Ты внезапно явился вверху гораздо большим солнца
И воссиял с небес (даже) до сердца моего.
Все же прочее стало казаться мне как бы густою тьмой.
Светлый же столп посредине, рассекши весь воздух,
Прошел с небес даже до меня жалкого. Тотчас же забыл я о свете
светильника,
Выпустил из памяти, что нахожусь внутри жилища,
А сидел я в мысленном воздухе тьмы,
Даже и о самом теле я совершенно забыл.
Я говорил Тебе и ныне говорю из глубины своего сердца:
Помилуй меня, Владыко, помилуй меня, единый
Спасителю, никогда отнюдь не послужившего Тебе,
Но прогневающего Тебя от юного возраста.
Я испытал всякий плотской и душевный порок
И соделал грехи непристойные и безмерные,
Хуже всех людей, хуже всех бессловесных,
Гадов и зверей всех превзойдя.
Итак, необходимо, чтобы Ты показал Твою милость на мне,
Более всех согрешившем безумно.
Ибо не требуют, как Сам Ты, Христе, сказал,

Здравые врачества, но болящие (Мф. 9, 12).
Поэтому, как на многоболезненного и нерадящего,
Излей, на меня, Слове, столь великую Твою милость.
Но, о игра света! о движения огня!
О круги пламени, во мне несчастном
Производимые Тобою и Твоею славою.
Под славою же я разумею и называю Духа Твоего
Святого, соестественного и равночестного (Тебе), Слове,
Однородного, единославного и одного единосущного
Отцу Твоему и Тебе, Христе, Боже всех.
Поклоняясь Тебе, благодарю, что Ты сподобил меня
Хотя несколько познать силу Божества Твоего.
Благодарю, что Ты Сам сидящему во тьме
Открылся мне, воссиял и удостоил меня видеть
Этот свет лица Твоего – для всех нестерпимый.
Я пребывал, (как) знаю, сидящим во тьме,
Но и среди нее ко мне, покрытому тьмой,
Явился Ты – Свет, всего меня просветил всем светом (Своим),
И я сделался светом во (время) ночи, являясь (им) среди тьмы.
Ни тьма не объела всего света Твоего, Ни свет не прогнал видимой
тьмы,
Но они (были) вместе неслиянными и совершенно отдельными,
Далеко друг от друга, как и следует – отнюдь не растворившимся.
Однако в одном и том же [месте] они наполняют, как я думаю, все
[пространство].
Таким образом я нахожусь во свете, будучи среди тьмы,
И наоборот я пребываю во тьме среди света:
Вот – и среди света, вот и – среди тьмы.
И кто, спрашиваю я, даст мне во тьме и среди (тьмы) найти свет,
Восприятия которого она не вмещает? ибо как тьма вместит
Внутри свет, не убежав, но оставшись среди
Света тьмой? О страшное чудо, видимое
Двояко, двойными очами, телесными и душевными.
Послушай теперь, говорю тебе, о страшных (делах) двоякого Бога ²⁶⁹,
Бывших и для меня, двоякого, как человека.
Он (Сын Божий) восприял плоть мою и дал мне Духа,
И я сделался Богом по благодати Божественной,
Сыном по усыновлению, однако (сыном) Божиим. О (высокое)
достоинство! о слава!

Как человек, я печалюсь и считаю себя самого несчастным;
И помышляя о своей немощи, воздыхаю,
Будучи совершенно недостоин жизни, как хорошо я знаю.
Уповал же на благодать Его и размышляя
О той доброте, какую Он даровал мне, я радуюсь, видя (ее).
Итак, с одной стороны, как человек, я не умею созерцать ничего
Божественного,
Будучи совершенно отделен от невидимого; С другой стороны, вижу,
что чрез сыноположение я сделался Богом,
И бываю причастником (того), что неприкосновенно.
Как человек, я не имею ничего возвышенного и Божественного,
А как помилованный ныне благодатью Божией,
Имею [в себе] Христа ²⁷⁰ – Благодетеля всех.
Поэтому я снова припадаю (к Тебе), Владыко, моля (о том),
Чтобы мне отнюдь не лишиться надежды моей на Тебя,
И пребывания [с Тобою], и чести, славы и царствия.
Но как ныне Ты сподобил меня, Спасителю, видеть Тебя,
Так и по смерти дай мне видеть Тебя,
Не говорю, насколько (видеть), но милостиво и благоутробно [воззри
тогда],
Благоутробне, милостивым Твоим оком, как и ныне зриаешь на меня,
Исполняя меня Твоей радости и Божественной сладости.
Ей, Творче и Создателю мой, покрой меня рукою Твоею,
И не остави меня, и не памятозлобствуй,
Не поставь (в осуждение), Владыко, великой неблагодарности моей.
Но сподоби меня даже до кончины во свете Твоем
Неленостно ходить путем заповедей Твоих,
И в него – во свет рук Твоих, Всемилолюбиве,
Предать дух свой, избавляя меня, Слове, от врагов,
Тьмы, огня и вечных мучений.
Ей, великий в щедротах и неизреченный в милости,
Сподоби в руки Твои предать душу мою,
Как и ныне я нахожусь в руке Твоей, Спасе.
Итак, да не возбранит грех пути моему,
Да не отторгнет он, да не отлучит меня от руки Твоей.
Но да посрамится страшный князь – душетлитель,
Видя меня находящимся в Твоей длани, Владыко,
Как и ныне он не смеет приблизиться ко мне,
Видя меня покрываемым Твоею благодатью. Не осуди меня, Христе,

во ад и не отрини,
Не сведи душу мою во глубину смерти,
Так как я дерзаю именовать Твое имя,
Нечистый, мерзкий и совершенно оскверненный.
Да не разверзется земля и да не поглотит, Слове, меня преступника,
Совершенно недостойного ни жить ни пользоваться речью.
Да не снидет огонь на меня и да не пожрет меня внезапно,
Так что я не буду иметь возможности сказать даже: Господи,
помилуй.

О великий в милосердии и по естеству Человеколюбец!
Не вниди в суд со мною.
Ибо что вообще я провещаю [на суде], будучи (весь) грехом?
Да и мог ли бы я хотя нечто сказать [в свое оправдание], осужденный
(уже),

От чрева матери своей безмерно пред Тобою согрешивший
И донныне пребывающий бесчувственным к Твоему долготерпению,
Тьмочисленно низведенный во глубину ада
И извлеченный оттуда Твоею Божественною благодатью,
Члены и плоть души и тела своего
Осквернивший, как никто другой из живущих на свете,
Неистовый и бесстыдный любитель удовольствий,
Злой и лукавый от душевной порочности
И ни одной Твоей, Христе, заповеди отнюдь не соблюдавший?
Что скажу я в свою защиту, что отвечу Тебе,
С какою душою снесу Твои обличения, о Боже мой,
Когда Ты обнажишь мои беззакония и злодеяния?
О бессмертный Царю! не покажи их всем,
Так как я трепещу, помышляя о делах моей юности.
Говорить (о них) было бы ужасно и постыдно,
Так как если бы Ты пожелал открыть их пред всеми, То стыд мой
будет хуже всякого мучения.

Ибо кто, увидя мое сладострастие и распутство,
Кто, увидя нечистые объятия и постыдные мои деяния,
Которыми я и ныне оскверняю себя, принимая их в уме,
Не ужаснется, весь не содрогнется
И не воззовет, тотчас отвратив очи
И говоря: смерть всескверному этому!
Повели, Владыко, связать этого несчастного по рукам и ногам
И вскоре же ввергнуть во мрачный огонь,

Чтобы не смотреть на него нам, верным рабам Твоим.
(Ибо) поистине – достойно, Владыко, поистине праведно.
(Так) все они скажут, и Ты Сам сотворишь (это),
И я распутный и блудный буду ввержен в огонь.
Но Ты, пришедший спасти блудников и блудниц,
Не посрами меня, Христе, в день судный,
Когда ²⁷¹ Ты поставишь овец Твоих одесную Себя,
А меня и козлищ ошуюю Себя.
Но свет (Твой) пречистый, свет лица Твоего
Да покроет дела мои и наготу души моей,
И да облечет меня в светлую (одежду), дабы я со дерзновением
Непостыдно сопричтен был к десным овцам
И с ними славил Тебя во веки веков. Аминь.

Гимн 32. Здесь Отец с изумлением рассказывает о том, как он видел Бога, подобно апостолам Стефану и Павлу ²⁷².

Что это за новое чудо, которое и ныне бывает? Бог и ныне желает быть видимым для грешников – Тот, Кто некогда, сокрывшись, восшел горе и воссел на небесах на Отчем престоле. Ибо Он скрылся от взоров Божественных Апостолов, и после того один только Стефан, как мы слышали, видел отверзшиеся небеса и сказал тогда: я вижу Сына, стоящего одесную славы Отца (Деян. 7, 55–56), и тут же, как изрекший хулу, был побит камнями самими законоучителями; и (хотя) умер по закону природы, но (пребывает) живым во веки. Однако он именно был Апостолом, весь освящен был и преисполнен Всесвятого Духа. С другой стороны то было начало проповеди, (когда) было множество неверных, которые, уверовав во Христа чрез Апостолов, получали благодать, которая есть дар веры. Но что ныне значит это необычайное дело, которое во мне происходит? что бы могло значить то страшное и изумительное (явление), которое совершается ныне? что это за образ человеколюбия, являемый теперь? необычайное богатство благодати? иной источник милости, гораздо более (обильный), чем существовавшие древле? Ибо многие были помилованы Божественным человеколюбием, но они и сами приносили нечто свое: веру и другия добродетели и благоприятныя деяния. Я же, помышляя о том, что лишен всего этого, ужасаюсь и не могу сносить того, что во мне блудном от утробы (матери) соделывает Бог, (одним) словом создавший всю тварь. Если я страшусь даже помыслить о том, то как опишу то словесно? (Ибо ²⁷³ какая рука послужит этому делу? какая трость начертит?) какое слово могло бы выразить, какой язык высказать, какие уста изрекут то, что видится во мне происходящим и совершающимся целый день? Ибо и в самой ночи и в самой тьме я с трепетом вижу Христа, Который отверзает мне небеса, Сам склоняется (оттуда) и видится мне вместе с Отцом и Духом – Светом трисвятым. (Итак) один в трех, и в одном три (именно ²⁷⁴ Свет есть, конечно, и один Свет – три), Свет, Который озаряет душу мою светлее солнца и просвещает мой омраченный ум. Ведь если бы ум мой видел, то видел бы от начала. Но, поверьте, я был слеп и не видел, и потому чудо тем более меня изумляет, когда Он и око ума моего как-то отверзает и как-то дает видеть, и (Сам) есть видимый? Ибо Сам Он светом во свете является видящим; и

наоборот видящие во свете Его видят, ибо видящие видят во свете Духа; и видящие в Нем созерцают и Сына. А кто удостоился видеть Сына, тот видит (также и) Отца. Созерцающий же Отца видит Его, конечно, с Сыном, что и ныне, как сказано, во мне совершается. Я и недомысленное несколько уразумеваю и, поражаясь великим изумлением и одержимый страхом, созерцаю ныне вдали те красоты, которые незримы по причине неприступного света и нестерпимой славы.

Между тем я вижу одну только каплю из океана, но как в капле обнаруживается вся (совокупность) вод, какого они качества и вида, как по краю каймы (видна) вся ткань, или как говорят, по когтям (видно) зверя, (что) лев; так и я, объемля целое в малом, вижу Самого Христа и Бога моего и поклоняюсь Ему. Некоторым же утешением для ума моего служило (уже) то, что я, дабы не быть опаленным и сожженным, «яко воск от (лица) огня», по слову пророка (Пс. 67, 3), находился вдали от неприступного огня и стоял среди тьмы, окутанный ею; поэтому, выглядывая, как бы чрез малую скважину, я ощущал головокружение. Живя в этой (тьме) и занимая (ею) ум, а думая, что я словно смотрю на небо, и трепеща, чтобы (огонь), приблизившись более, не пожрал меня, я обрел Того самого, Кого видел вдали, Кого видел и Стефан в отверзтых небесах, и (Кого) опять Павел увидев впоследствии, был ослеплен (Деян. 9, 8), (Его-то) всего поистине, как огонь, я обрел в глубине своего сердца. Итак, пораженный чудом и сильно трепеща, я пришел в исступление, весь расслабев и сделавшись совершенно беспомощным. И не вынося нестерпимой славы, в ночь этих ощущений, я обратился в бегство, и подавленный помыслами, скрылся в них, как бы войдя в гроб, и привалив вместо камня это тягчайшее тело, я покрылся (им) и скрылся в своем мнении от Вездесущего, от Того, Кто некогда воскресил меня мертвого и погребенного. Ибо, трепеща и не в состоянии будучи видеть Его славу, я предпочел войти и пребывать в могиле (и обитать с мертвыми, живя и сам в могиле) ²⁷⁵, нежели быть сожженным и совершенно погибнуть. Сидя там, мне блудному должно, конечно, беспрестанно рыдать и плакать о том, что я потерял Возлюбленного и сделался лежащим в могиле. Но, живя под землею, (как) мертвый и камнем покрытый, я нашел жизнь в Самом Боге – жизни Подателе, Которому подобает слава и честь ныне и во веки.

Гимн 33. Благодарение Богу за бывшие от Него благодеяния; и просьба научить, ради чего соделавшимся совершенными попускается (терпеть) искушения от бесов; и об отрекающихся от мира – наставление, изреченное от (лица) Божия 276.

Ты, создавший меня, Боже мой, знаешь нищету мою, ведаешь сиротство, знаешь одиночество, видишь немощь мою, и бессилие мое не ведомо (говорю) Тебе, но Ты видишь и знаешь все. Воззри на сердце смиренное и сокрушенное, воззри на меня, в отчаянии приближающегося к Тебе, Боже мой, и подай свыше благодать Твою, подай Духа Твоего Божественного, подай Утешителя, пошли, Спасе, как обещал Ты, ниспошли и мне ныне, сидящему в горнице, поистине, Владыко, превыше всех земных вещей и вне всего мира, ищущему Тебя и чающему Духа Твоего. Итак, не медли, Благоутробне, не презри (меня), Милостиве, не забуди ищущего Тебя с жаждущей душою, не лиши жизни недостойного ее, не возгнушайся и не оставь меня, Боже. (В качестве) ходатая я представляю благоутробие Твое, предлагаю милосердие и приношу Тебе человеколюбие Твое. Я не понес трудов, не соделал дел правды, никогда не сохранил ни одной из Твоих заповедей; но блудно провел всю свою жизнь. Однако Ты не презрел меня, но Сам, взыскав, обрел (меня), возвратил заблудшего от пути заблуждения, и возложив, Христе, на пречистые Твои плечи, чрез свет благодати Твоей понес меня, Милостиве, совершенно не дав мне почувствовать утомления; но, как бы упокоивающемуся на колеснице, дал мне легко пройти по неровным путям, доколе не возвратил в ограду овец Твоих и не присоединил и учинил с рабами Твоими. Проповедуя милосердие Твое, восхваляю благоутробие и с благодарением дивлюсь богатству благости Твоей. Но будучи, как сказано, призван Тобою, Боже мой, и являясь ныне всецело, как полагаю, рабом (Твоим), (устремленный к свету и прилепившийся к Тебе ²⁷⁷, объятый желанием к Тебе и связанный любовью, я недоумеваю, изумляюсь и не могу понять, почему скорбь (и теперь) касается жалкой души моей, отчего вкрадывается печаль и всего меня волнует, почему скорбь о земном лишает меня Твоей сладости, Боже мой, и разлучает от радости. Зачем Ты, Блаже, оставляешь меня, столь (глубоко) падшего и согрешившего, или чем прогневавшего

Тебя более, Христе мой, чтобы я еще сильнее печалился, чем прежде, когда душа моя была одержима страстями? Скажи и научи меня ныне глубине судеб Твоих, скажи, Владыко, и не возгнушайся меня говорящего, (хотя) и недостойн я, – Ты некогда разделявший трапезу с грешниками и блудницами и свечерявший с блудниками и мытарями. На это Владыка мой ответил и сказал:

Взяв тебя на руки, как младенца, Я унес тебя от мира; ты знаешь, конечно, о чем Я говорю. Я всего тебя со всеми членами пеленал и вскармливал молоком, превосходящим (всякую) пищу и питье, ибо (дела) Мои совершенно неизреченны и неизъяснимы. Я отдал тебя воспитателю (ты знаешь, о ком говорю Я), и он усердно ухаживал за тобою, как за малым мальчиком, растущим с часу на час, и как должно воспитал. (Потом) ты сделался уже отроком, а также, разумеется, и юношей; но тебе самому не безведомо, как Я всегда был с тобою, совозрастал в тебе и (отовсюду) покрывал Тебя, доколе ты благополучно не миновал всех возрастов. Итак, будучи ныне не маловозрастным, но напротив сделавшись поистине мужем совершенным и склоняясь уже к старости, как ты хочешь, чтобы и теперь тебя держали на руках, как ребенка? как просишь, чтобы тебя снова пеленали и носили? как (хочешь) питаться молоком и находиться под пестуном? не краснеешь ли ты, говоря это, скажи Мне? Будучи мужем, сам служи другим и воспитывай, заботясь обо всем, что (служит) к их возрастанию. Врагам сопротивляйся, и будучи поражаем, и (сам) поражай. Ты понимаешь, о каких врагах говорю Я тебе – о полчищах бесов. Начинай бить (их) беспощадно; падая, снова вставай, и на стрелы (противников) взаимно отвечай стрелами, не щадя стреляющих и злоумышляющих против тебя. Но когда они (пытаются) уязвить тебя отчаянием, сами пусть будут уязвлены (твоею) надеждою, как бы пущенною тобою (стрелою). Бьющие тебя гневом, как кулаками, и возбуждающие к ярости, будучи поражаемы в лицо твоею кротостью, пусть будут отброшены далеко прочь от твоего жилища. Ведь разве ты, как сказал Я, ребенок или мальчик? разве душа твоя и ныне бессильна? разве ум твой и ныне слаб для сопротивлений? Ты умеешь и убегать от врагов и напротив побеждать их. Ибо ты, и сражаясь, имеешь Меня помощником и защитником, и в бегстве находишь во Мне крепкий и державный покров. О чем же из земных вещей ты печалишься? о какой из них, скажи Мне? – о золоте, или серебре, или о драгоценных камнях? но что светлее Меня? или что сияет яснее? или какой камень, как Я, совершенно неоценим? Не лишение ли имений, или нужда в хлебе, или недостаток в вине совершенно смущают тебя? И какой есть иной рай, кроме Меня? или

земля дольних и преходящих (вещей) подобна земле кротких? А какой хлеб или (какое) вино в мире можно изготовить (такие), как благодать Моя, как Божественный Дух, как хлеб жизни, который, (то есть) тело и кровь Мою, Я подаю ядущим Меня с чистым сердцем, несомненною верою, со страхом и трепетом, и пьющим умно и чувственно? Какая утеха, какая радость, какая слава на земле, скажи Мне, больше того, чем видеть Меня одного, чем созерцать Меня одного, как бы в зеркале и гадании, и видеть одно только сияние славы Моей и чрез него научиться этому и большему того, (чем) точно знать, что Я – Бог и Создатель всего, и разуметь, что человек, сидящий в глубочайшем рве, примирен со Мною ²⁷⁸, и превзойдя чин наемника и рабский страх, непосредственно, как друг с другом, беседовать со Мною, без труда служа Мне, с любовью угождая и приближаясь ко Мне чрез послушание заповедям.

Я говорю не (о деяниях) тех, которые наемнически служат Мне и рабски опять же приходят ко Мне, но о деяниях друзей, знаемых и сынов Моих, каковы, запиши кратко, суть следующие: считать себя ничтожнее всех в мире, поистине худшим не только сподвижников и мирских людей, но (даже) и язычников, незначительное нарушение одной малейшей заповеди считать отпадением от жизни вечной, на малых детей смотреть, как на совершенных мужей, и (почитать) и кланяться (им), как (людям) знаменитым, слепым также отдавать честь, потому что Я вижу действия всех людей. Ради Меня и это (также) делать, что опять запиши: совершенно не иметь в сердце против кого-либо даже легкого возбуждения или малого подозрения, из сострадания молиться от души и со скорбью сердца за всех согрешающих против тебя, равно и против Меня отваживающихся на то же, со слезами прося об их обращении, вместе с тем благословлять проклинаящих тебя и хвалить постоянно злословящих тебя по зависти, обижающих считать как бы благодетелями, об упрямых же и не повинующихся тебе плакать и беспрестанно рыдать, как о совершенно отвергающихся Меня – своего Владыки, не переставая (однако) увещевать их. Ибо «приемляй вас Мене приемлет», сказал Я (Мф. 10, 40); и «слушай вас Мене слушает», конечно (Лук. 10, 16). Кто же не внимает со трепетом словам и увещаниям вашим и не исполняет их (даже) до смерти, тот не приобщится и Моей вечной славы, не будет учинен со Мною, распятым на кресте и бывшим послушным Отцу (даже) до смерти, таковой не будет поставлен одесную и не сделается сонаследником тех, которые сами себя распяли. Впрочем, не переставай увещевать их, не переставай оплакивать, не переставай искать спасения их, чтобы если они послушают (тебя) и обратятся, ты имел их, как братьев,

приобретя (в лице их) члены свои, и привел бы их (ко Мне, как) послушных и сродных, дабы и Я чрез тебя воспринял их и прославил, и с тобою, как дар, принес ко отцу Моему. Если же они не отрекутся своей воли и не презрят душ своих, как сказал Я, если не сделаются мертвыми для своих желаний, живя в этой жизни по твоей воле и чрез твою волю исполняя Мою; то (и тогда) ты не потеряешь своей награды и не лишишься ее, но вместо одной Я воздам тебе двойную награду, так как хотя они и не слушали тебя, ты (однако) не перестал говорить, но скорее (согласился) быть ненавидимым, отвергаемым и презираемым ими, как и Я некогда был и ныне есмь ненавидим ими и им подобными.

Чрез такие дела Я желаю, чтобы Мне служили; чрез такие и им подобные и ты старайся угождать Мне, ибо Я весьма радуюсь им. Не желай лучше быть праздным и отнюдь не предпочитай чего-либо другого в мире пользе души своей. Ибо какую пользу получит тот, кто приобретет мир, или находящийся в нем наставит и научит, и всех спасет, если сам не спасется? Итак, кто это, или каким образом, спасая других, не спасет, но погубит, несчастный, душу свою? – Тот, кто разоряет заповедь Мою – Владыки всех и, как бы попирая и обходя ее, нарушает законы Мои и преступает повеления. Находясь вне двора заповедей (Моих) и вне ограды их, если он и спасет мир и живущих в мире, то (и тогда) будет чужд Мне и далек от овец Моих, в особенности же как разоривший ограду двора и давший овцам выход не через единственную дверь, а зверям – неправый вход; он понесет невыразимое мучение за всех овец и будет рассечен надвое, и (преданный) огню и тартару, будет, несчастный, добычею червей. Ибо это сказал Отец чрез Сына, и изрек Дух, Который есть уста Владыки. Ангелы, услышав, восхвалили (непрестанными ²⁷⁹ гласами, праведники, присоединились) и сказали: праведен суд Твой и незазорно решение, ибо беспристрастно судил Ты, о Боже всемилостивый. В самом деле как всецело явится Твоим сонаследником и сообщником тот, кто не оставил своей воли и (воли) того, кто заменяет лицо Твое, как Твоей Владычней, не предпочел и не соблюл неприкосновенно, как Сам Ты, Милостиве, соблюл (волю) Отца Твоего, в особенности же кто обещался до смерти ни в чем не творить своей воли, не прилепляться и не предпочитать плоти и крови, то есть сродства и естественных связей, (врожденной) любви, (снова) связывающей находящихся на земле с тем, от чего они отреклись, и всецело обращающей их вспять?

Мученики возгласили: поистине праведный суд. Ибо когда кто охотно предал себя на мученичество, тот отнюдь не должен даже на краткое (время) внимать голосу сродников, жены и детей, которые, придя,

(начинают) с плачем говорить следующее: не жаль ли тебе детей своих? и ты, бессердечный, не пожалеешь вдовства жены своей? ни нищета их не приклоняет тебя к состраданию? и о гибели их ты не подумаешь и не пожалеешь? Итак, оставляя (детей) сырыми, странниками и нищими и жену свою вдовою, ты предпочитаешь спасти себя одного? и как же ты не будешь осужден более, чем убийца, так как, оставив всех нас на гибель, ты ищешь спасения только своей души? – К (таким) воплям (говорю) он совершенно не (должен) приклонять слуха и (даже) за дары убежать от уз и затвора или, чрез отречение от Тебя, Христе, освободить себя от них; как умерший уже, (он должен) оставаться в испытаниях и пребывать в заключении, голоде и жажде, не вспоминая о своих вещах и имениях и не позволяя уму своему, если возможно, даже на краткое (время) удаляться из заключения, но, созерцая в нем Тебя, Владыко всех; и чрез созерцание (беспреданно) устремляя к Тебе мысли, (даже) до смерти твердо держаться одной любви к Тебе. А на тех и смотреть даже совершенно не должен он, которые, уклоняясь и отвергаясь Тебя, возвращаются на первую блевотину, к прежним действиям, к заботам о земных вещах, о жене и детях, и не под каким предлогом не связываться этим, ибо он не владеет уже более своею душою. Поэтому многие рабы Твои, когда Ты отверзал заключения их и совершенно разрешал телесные узы, отнюдь не хотели уходить прочь и бежать; но оставались, будучи как бы связанными. Так и ныне, Спасителю, есть в мире такие, которые, отрекаясь мира ²⁸⁰ и вместе с тем всех сродников, друзей и прочих (людей) и всех вещей в мире, а прежде всего этого своей воли, совершенно не имеют уже более власти над собою, но хотя и не бывают возбраняемы игуменами (пользоваться ею), однако должны хранить договор с Тобою – Владыкой. Ибо не людям, но Богу они обещались хранить послушание и покорность к игуменам и ко всем вместе с ними подвизающимся в обители братьям. Поэтому они должны жить в монастыре, как бы на уединенном острове, находящемся среди моря, считая, что весь мир стал для них совершенно недоступным, словно вокруг всего монастыря их утверждена великая пропасть, так что ни находящиеся в мире не (могут) перейти в монастырь, ни живущие на острове – переправиться к тем, которые – там, и, с пристрастием глядя (на них), удерживать в сердце или в уме воспоминания о них; но, как мертвые к мертвым, они, и обладая чувством, должны относиться к ним без ощущения, делаясь (таким образом) поистине как бы добровольно закланными агнцами.

Услышав эти всесвятые слова мучеников, исполненные вожделения и любви ко Владыке, Херувимы восхвалили (Господа) и в страхе сказали:

слава Тебе, Царю, слава Тебе, Всемиловитиве, показавший на земле мучеников без тиранов (и гонителей), которые чрез одну любовь к Тебе ежечасно предают себя на мучения. Поистине, сказал опять Отец чрез Сына и (привосокупил) Дух, (любящие Бога всем сердцем и) постоянно пребывающие (в любви к Нему одному) ²⁸¹ и ежечасно умирающие своею волею – эти суть и искренние друзья (Мои) и сонаследники, они – и мученики по одному произволению, без скобления, без виселиц, костров и котлов, без сожигания огнем и рассекания мечами. На это премирные чины все вместе с ликованием воскликнули: праведен суд Твой, Всемиловитиве; да напишется он и да запечатлеется ныне и во веки.

Гимн 34. Что значит выражение «по образу», и справедливо человек признается образом Божиим ²⁸². И о том, что любящий врагов, как благодетелей, является подражателем Бога, а потому, соделавшись причастником Духа Святого, он бывает Богом по усыновлению и по благодати, будучи познаваем одними теми, в которых действует (тот же) Дух СВЯТЫЙ ²⁸³.

Слава, пение, хвала и благодарение приведшему всю тварь из небытия в бытие, одним словом и волею Своею, Богу всяческих, в Троице ипостасей и во едином существе поклоняемому. Ибо един Бог – Троица Святая, пресущественная сущность, единая в трех лицах и трех ипостасях, неразлучных и нераздельных, одно естество, одна слава, одна сила и одна также воля. Она одна (есть) Творительница всего. Она, образовав всего меня из глины и дав душу, поселила меня на земле и дала смотреть на свет, а в нем видеть и этот чувственный мир, солнце, луну, говорю, звезды, небо и землю, море и все, что есть среди них. Она дала мне и ум и слово. Но будь внимателен к (нашему) слову. Итак, по образу Слова нам дано слово (то есть разум), ибо словесные – от Слова, безначального, несозданного, неуловимого и Бога моего. Поистине по образу (Его) душа всякого человека – словесный образ Слова. Каким образом? – скажи мне и научи меня. Внимай самому слову. Бог Слово от Бога и совечен Отцу и Духу. Таким же образом и душа моя является по образу Его. Ибо, обладая умом и словом, она имеет их по существу нераздельными и неслиянными, равно и единосущными. Эти три ²⁸⁴ суть одно в соединении, но вместе и в разделении, будучи всегда и соединены и разделены, (ибо они соединяются неслиянно и разделяются нераздельно) ²⁸⁵. Если ты удалишь одно из трех, то вместе удалишь, конечно, и всех. Ибо душа неразумная и бессловесная равна будет (душе) бессловесных; но и без души не может существовать ни ум, ни слово. Итак, по образу точно также помышляй и о Первообразе. Без Духа не будет ни Отца, ни Слова Его. Отец же есть Дух, и Сын Его – Дух, хотя Он и облекся в плоть; и обратно, Дух есть Бог, ибо

по естеству и по существу оба они ²⁸⁶ суть едино, подобно тому как ум, душа и слово. Но Отец [однако ж] неизреченно родил Слово. И подобно тому как ум – от души моей, лучше же в душе моей, так и Дух от Отца, лучше же в Отце и пребывает и исходит (от Него) неизъяснимым образом. И опять подобно тому как ум мой всегда рождает слово, произнося и испуская (его) и делая известным для всех, однако не отделяется от него, но и рождает слово и внутри его содержит; так, разумеи, и Отец родил Слово, потому что Он вечно рождает; от Сына же никоим образом не отделяется Отец Его, но видится в Сыне, и Сын в Нем пребывает.

Этот верный образ, хотя он и не ясен, показало (и изобразило) наше слово; но ты никогда его не увидишь и не уразумеешь, если прежде не очистишь свой образ и не омоешь от скверны, если не извлечешь его, засыпанного страстями, и не отрешь совершенно, и не разоблачишь также, и не убелишь, как снег. Когда же сделаешь это, хорошо себя очистив, и станешь совершенным образом, то Первообраза (еще) не увидишь и не уразумеешь, если Он не откроется Тебе чрез Духа Святого, ибо всему научает Дух, в неизреченном свете сияющий. (Насколько ²⁸⁷ возможно уразуметь мысленное), Он умно покажет тебе все мысленное, насколько можешь ты видеть, насколько доступно для человека, по мере душевного очищения твоего; и ты уподобишься Богу тщательным подражанием делами: целомудрием ²⁸⁸ и мужеством, но (вместе с тем) и человеколюбием, терпением искушений и любовью ко врагам. Ибо в том и состоит человеколюбие, чтобы ты благодетельствовал врагам и любил их, как друзей и как истинных благодетелей, чтобы молился за всех обижающих тебя и имел сердечную любовь равно ко всем, и добрым и злым, и за всех повседневно полагал душу свою, за спасение, говорю, быть может, одного или, если возможно, то и всех.

Это соделает тебя, чадо, подражателем Владыки и покажет истинным образом Создателя, подражателем во всем Божественному совершенству. Создатель же – внимай, о чем я буду говорить тебе – пошлет тогда (тебе) Божественного Духа (не другую душу ²⁸⁹, отличную от той, которую ты имеешь, но) вдохнет в тебя, говорю, Духа от Бога, и Он вселится и будет существенно обитать, и просветит, и сделает светлым, и всего (тебя) переплавит, тленное обестленив и вновь переплавив, говорю, обветшавшую храмину души твоей. Вместе с нею Он и все тело (твое) совершенно обестленив и соделает тебя Богом по благодати, подобным Первообразу. О чудо! о таинство – неведомое для всех одержимых страстями: неведомое сластолюбцам, неведомое славлюбцам, неведомое гордым, поистине неведомое гневливым, неведомое злопамятным,

неведомое плотолюбцам, неведомое сребролюбцам, неведомое завистливым, неведомое всем злословным, неведомое лицемерам, неведомое чревоугодникам, неведомое тайноядцам, пьяницам и блудникам, неведомое празднословиям, неведомое сквернословиям, неведомое беспечным, неведомое ленивым, неведомое нерадящим о ежечасном покаянии, неведомое не плачущим постоянно и повседневно, неведомое непокорным, неведомое прекословям (неведомое живущим в свое удовольствие и по своим правилам, неведомое мнящимся быти нечто, когда они – ничто (Галат. 6, 3), неведомое величающимся и радующимся высокому росту или крепости тела, красоте или какому бы то ни было иному украшению, неведомое не взыскавшим чистоты сердца) ²⁹⁰, неведомое не просящим с теплотой сердечною и с пламенною ревностью восприятия Божественного Духа, неведомое не верующим, что Он и ныне подается желающим и ищущим воспринять Божественного Духа, ибо неверие не допускает и отгоняет Божественного Духа. Кто не верует, тот и не просит, не просящий не воспринимает, а кто не воспринял (Духа Святого), тот мертв; о мертвом же кто не восплачет, так как он, будучи мертв, думает, что жив? Мертвые мертвых никоим образом, конечно, не могут ни видеть, ни оплакивать; живые же, видя их, оплакивают. Ибо они видят необычайное диво: умерщвленных – живыми и даже ходящими, слепых – мнящих, что они видят, и поистине глухих – думающих, что они прекрасно слышат. Но живут ведь они, и видят, и слышат, как скоты, мыслят, как неразумные, с чувством бесчувственным, в умерщвленной жизни. Ибо можно жить и не живому, можно и зрячему не видеть, и слышащему не слышать.

Как же это, скажи мне? – скоро скажу. Те, которые живут по плоти, те, которые смотрят [только] на здешние (предметы) и слушают Божественные глаголы одними только плотскими ушами, – все они по Духу глухие, слепые и мертвые. Ибо они совершенно не от Бога родились, чтобы (могли) и жить; да и Духа они не восприняли, ни очами не прозрели, ни Божественного Света не видели; а так как Он (ничуть) не сотворенный, то они остались и совершенно глухими. Как же, скажи мне, таковые называются христианами? – Послушай Божественного Павла, ясно раскрывающего тебе это, лучше же Христа говорящего: первый человек от земли создан, конечно, перстным, второй же человек с небес сошел (I Кор. 15, 47). Внимай сказанному. Итак, каков первый, перстный, (таковыми) все и рождаются от него – перстными. А каков Христос, небесный Владыка, (таковыми) – небесными (являются) и все уверовавшие в Него (I Кор. 15, 48), свыше родившиеся и крестившиеся также Духом Всесвятым.

Божествен – родивший и воистину Бог, таковы и рождающиеся от Него, от Бога Боги по усыновлению «и сынове Вышнего вси» (Псал. 81, 6), как говорят Божественные уста. Слышал ли слова Бога? слышал ли, как Он различает верных от прочих? как Он дал рабам Своим знак и примету, чтобы они не обольщались речами чуждых учителей? Первый, говорит, от земли, так как он создан перстным, второй же человек, Владыка всех, сошел с небес. Первый своим преступлением для всех людей сделался причиною смерти и тления. Второй даровал миру, да и ныне всем верным подает свет, жизнь и нетление. Слышал ли, что говорит тебе таинник небесных (вещей). Слышал ли Христа, говорящего чрез него и научающего людей, каковы уверовавшие в Него и показывающие веру от дел? Итак, после этого (нисколько) не сомневайся, если ты христианин, что каков Христос небесный, таковым и ты именно должен быть. Не будучи же таковым, как станешь ты называться христианином? Ибо если каков Владыка, (то есть) небесный, таковы, говорит, и уверовавшие в Него, совершенно небесные (разумеется); то мудрствующие о мирском и живущие по плоти – не от Бога Слова, свьше нисшедшего, но, конечно, от перстного человека, из земли образованного. Так мудрствуй, так будь (настроен), так веруй и ищи того, чтобы и тебе стать таковым – небесным, как сказал пришедший с небес и дающий жизнь миру. Он есть хлеб, нисходящий оттуда; ядущие его отнюдь никогда не увидят смерти (Иоан. 6, 33; 50 – 51). Ибо, будучи небесными, они вечно, конечно, пребудут совлекшимися тления, отрясшими смерть, облекшимися же в нетление и прилепившимися к жизни; так как они делаются бессмертными и нетленными, то поэтому и называются небесными. Ибо кто от века, из сынов, говорю, Адамовых, назван был таковым, прежде чем не сошел с небес Владыка всех небесных и земных? Он воспринял плоть нашу и дал (нам) Божественного Духа, как мы многократно говорили, и этот-то (Дух), как Бог, все и подает нам. Что же это все? – то, о чем я неоднократно говорил ²⁹¹, да и теперь скажу.

Он [Дух] бывает как бы Божественною и световиднейшею купелью; найдя достойных, Он всецело объемлет их (и заключает) внутри. Но как я изреку это, как опять достойным образом выскажу то, что бывает? Дай мне слово Ты, даровавший мне душу, Боже мой. (Итак), кого Божественный Дух воспримет внутрь Себя, тех Он, как Бог, всецело воссозидает, возобновляет и чудным образом делает новою тварью. Как и каким образом? – Подобно тому как огонь не перенимает от железа черноты, но сообщает ему все, что сам имеет, так и Божественный Дух, совершенно не приобщаясь их нечистоты, как нетленный и бессмертный,

уделяет (им) нетление и бессмертие. Будучи светом незаходимым, Он соделывает светом всех, в ком вселится; являясь жизнью, Он всем им подает жизнь. Как соестественный Христу и единосущный также, как единославный и соединенный с Ним, Он и их (также) соделывает совершенно подобными Христу. Ибо Владыка не завидует тому, чтобы смертные чрез Божественную благодать являлись равными Ему, и не считает (Своих) рабов недостойными уподобиться Ему; но утешается и радуется, когда видит нас, происшедших от людей, таковыми по благодати, каковым Он был и есть по естеству. Так как Он благодетель, то хочет, чтобы и мы были таковыми, каков и Он. Ибо если мы не таковы, не в точности подобны Ему, то как соединимся с Ним, как сказал Он? как пребудем в Нем, не будучи таковыми? и как Он в нас пребудет, если мы не подобны Ему? Итак, точно зная это, потщитесь воспринять Божественного Духа от Бога, дабы вам сделаться таковыми, каких показало это слово, – небесными и Божественными, как сказал Владыка, дабы и царства небесного наследниками соделаться на веки. Если же вы не будете или не сделаетесь здесь таковыми, небесными, как сказал я, то как думаете обитать с Ним на небе? как (думаете) войти в царствие с небожителями, и воцариться и сопребывать с Царем всех и Владыкою? Итак, ревностно подвизайтесь все, дабы сподобиться нам быть внутри царства небесного и соцарствовать со Христом, Владыкою всех, Которому подобает всякая слава со Отцом и Св. Духом во веки веков. Аминь.

Гимн 35. Просительная и вместе благодарственная молитва (св. Отца) к Богу за излитые на него (благодаяния) ²⁹².

Дай мне, Господи, разумение, дай мне ведение, научи и меня, Господи, творить Твои заповеди. Хотя и согрешил я, как человек, и даже более, чем человек, как Ты знаешь, но Ты по свойственному Тебе, Боже мой, благоутробию помиловал меня нищего и сирого в мире и соделал, Владыко, то, что одному Тебе ведомо. Отделив и восприняв меня, Благоутробне, от отца и братьев, сродников и друзей, от земли происхождения и родительского дома моего, как бы из мрачного Египта и преисподних ада (ибо так Ты дал мне худому рабу Твоему помышлять о них и говорить с разумением), и держа Твоею страшною рукою, Ты привел меня к тому, кому благоволил стать отцом моим (на земле), и повергнул к стопам и объятиям его. А он привел меня к Отцу Твоему, Христе мой, и чрез Духа к Тебе, о Троица – Боже мой! Когда я с плачем, подобно блудному (сыну), припал (к Тебе), Слове, – как Сам Ты знаешь, так как Ты научил меня, – то Ты и меня (также) не счел недостойным назвать Твоим сыном. О недостойные и нечистые уста! о бедный словами язык, затрудняющийся славословить Тебя и благодарить и повествовать о Твоих благодеяниях, которые Ты сотворил со мною сирым и странным, странником на земле! ибо Твои (суть) странники мира. А что Твое и Твоих, того ни очи не видят, ни язык не может изречь, ни мир – вместить. Поэтому, Владыко, и ненавидит нас мир, гонит, злословит, завидует, неистовствует, убивает и на все способен против нас, когда попадает на таких. Мы же, по благоволению Твоему смиренные рабы Твои, в немощи – сильны, в бедности богаты и во всякой скорби радуемся, будучи вне мира. Мы – с Тобою, Владыко, тела же (наши) удерживает мир. Итак, обольщается он – слепой, удерживая одно брение, так как и его не приобретет он, ибо при последней трубе (I Кор. 15, 52) Ты сделаешь, как обещал, и его духовным, и тогда он один с единомысленными и слепыми миролюбцами своими приобретет собственное зло.

Гимн 36. Богословие о единстве во всем триипостасного Божества; и как (св. Отец), смиряя себя, (этим исповеданием) посрамляет самомнение мнящих о себе, что они нечто 293.

Каким образом, Боже мой, страсти, которые Ты некогда истребил во мне, снова оживают и наполняют меня мраком и скорбью? страсти (говорю) ярости и гнева, от которых во мне происходит парение и помрачение в голове моей, и которые ослепляют мои умные очи. Ибо они, увы мне, как бы принуждены бывают закрываться и смежаться, и я лишаюсь Тебя – Света, которого всякий желает, но немногие взыскуют, даже из тех, которые удостоились приобщиться Твоих неизреченных (откровений), и вещественно с неизреченным чувством причаститься (Твоих) страшных и для всех несказанных таинств, и познать невидимую среди видимого славу и необычайное таинство, в мире соделанное (только очень немного таких, как я хорошо знаю, которые пришли в ясное созерцание этого), таинство, соделанное Тем, Кто был в начале, прежде всех веков от Отца со Духом – Сыном Божиим и Словом ²⁹⁴, Светом тройственным в едином и едином в трех. Ибо оба ²⁹⁵ суть один свет, Отец, Сын и Дух, существующий нераздельно в трех неслиянных лицах, которые однако соединены по Божественному естеству, а также началу, славе, силе и воле. Ибо три видятся мне, как бы на одном лице два прекрасных ока, исполненных света. Каким образом, скажи мне, очи без лица могут смотреть? а лицо без очей не должно, конечно, (и лицом) называться, ибо оно лишается главнейшего, или лучше сказать всего. Ведь если солнце лишится красоты света, то прежде (всего) само погибнет ²⁹⁶, а потом и вся тварь, которой определено получать от него освещение и зрение. Так и Бог среди мысленных (вещей) если бы лишился одного, Сына или Духа, то Он не будет более Отцом; даже и живым бы Он не был, отвергнув Духа, от Которого всем подается жизнь и бытие. Итак, да почитит всякая поистине разумная природа (естество), какая (есть) под солнцем, да и какая над ним, Естество триипостасное, совершенно неизъяснимое. Ибо ни имени Бога, ни естества, ни вида, ни образа, ни ипостаси никто из людей не познал, чтобы изречь и описать и сообщить прочим. Но подобно тому как сияющее солнце, заходя за тучи, ни само не бывает видно, ни полным

светом не светит, но испускает находящимся на земле неясный свет; таким же образом помышляй и о Боге, что (когда) Он скрывается от нас, всех нас содержит великая и густая тьма. Но более дивное усматривай, конечно, (вот) здесь: ибо свет Божий не умалется, как (свет) солнца, но светит везде и все освещает; и (однако) я, (находясь) среди всего, одержим бываю тьмой и лишаясь сотворившего меня Света. Кто поэтому не восплачет обо мне и не возрыдает? кто не воздохнет обо мне и не прослезится, что [в то время как] Бог везде и во всем пребывает и Сам весь свет есть, в котором вовсе нет ни тени перемены (Иак. 1, 17), ни наступления ночи, ни тьма совершенно не бывает (для него) препятствием, но (который) разлит во всем и неприступно сияет, и достойным видим бывает, (как) приступный и уловимый, с одной стороны, немного, как мы сказали, по сравнению со всем сиянием и самим Солнцем, когда Оно все воссияет, с другой же – много по отношению к самим сидящим во тьме, так как они удостоились увидеть малый свет; я же [между тем] несчастный предпочитаю тьму и, заботясь о том, что во тьме, увеличиваю мрак, и он еще плотнее облагает мою презренную душу. От него питаются и оживают во мне страсти, и происходят во мне ²⁹⁷ (звери, и рождаются) драконы, гады и змеи, всегда возмущающие части (τὰ μέλη) души моей. Ибо меня угрызает пустая и суетная слава, вонзая зубы в мое сердце; за нею на меня изнемогшего и совершенно обессилевшего восстали свирепые псы, множество (диких) зверей, и найдя меня лежащим, сожрали меня. Ибо наслаждения и похвалы (человеческие) расстроили мозг и нервы, отняв у меня бодрость и крепость души моей. Увы мне! как я опишу все? – самомнение и леность, как разбойников напавших на меня, (чувственное) удовольствие и заботу нравиться людям, которые, таща в противные стороны, расхитили у меня: одно – целомудрие мое и трезвость, а другая – добрые дела и Божественные деяния, которые, выказывая самих себя, соделали меня мертвым, оставив ²⁹⁸ во мне оскверненном странное, удивительное и великое самомнение. Ибо как, скажи, не изумительно и не исполнено жалости то, что столько страстей, внезапно напав на меня, соделали меня обнаженным от всякой добродетели и мертвым? Я же наоборот, не зная себя самого и не уразумев ничего из случившегося, ставлю себя выше всех, и (считаю себя) бесстрастным, и святым, и премудрым богословом, и праведником, почитаемым всеми людьми. Но и будучи хвалим, как достойный похвал, я, приглашая всех, думаю, что снискиваю (от них себе) честь. Когда же они собираются, я еще более надмеваюсь и часто оглядываюсь, быть может, кто-либо отсутствует, кто не пришел и не видит меня. И если окажется, что кто-либо пренебрег мною, то я злопамятно

поношу и злословлю его, чтобы и он, услышав и не вынося моих порицаний, пришел, приветствовал меня и оказался моим сторонником, словно и он нуждается в моих молитвах и любви. И я говорю [тогда] всем прочим: и такой-то посещает (меня) и получает (мое) благословение и слушает беседы и учение мое. Увы моей глупости! Итак, как не вижу я наготы и убожества своего, не чувствую язв, не печалюсь и не плачу, и лежа в больнице, не ищу врачевания, и не призываю врачей, показывая (им) свои струпы, обнажая пред ними свои скрытые страсти, дабы они наложили ланцеты, пластыри и прижигания, и я мужественно перенес бы (их) ради своего врачевания? Но я напротив повседневно прилагаю (себе) язвы.

Но, о Боже мой, сжался надо мною заблудшим и страх твой насади в сердце моем, чтобы я, благоразумно стягнув себя (спасительным страхом), бежал мира и возненавидел его. Не попусти мне, Христе, скитаться среди него, так как Тебя одного, (доселе) еще не любимого, люблю я, и Твои только заповеди надеюсь хранить, [хотя и] весь я в страстях и не познал (еще) Тебя. Ибо кто из познавших Тебя нуждается в мирской славе? или кто из любящих Тебя более (чем Тебя) взыщет того, чтобы либо приглашать (к себе) всех, либо льстить некоторым, либо станет стараться быть другом всех людей? Этого не делал никто из истинных рабов Твоих. И потому-то скорблю и печалюсь я, Боже мой, так как вижу себя самого поработанным этому, и ни покориться не могу, ни смириться не хочу, ни искать одной Твоей славы, чрез которую мне указывается быть верным и рабом Твоим, и благодаря которой (особенно в бедности, нищете и трудах) я могу быть выше не только вельмож, но и царей. Итак, приклонись на милость к презренной душе моей, Боже и Творче всех, благобытие мне даровавший, и дай мне истинное ведение, чтобы я благоразумно держался одних Твоих вечных благ, и славу Твою от души возлюбил и взыскал, отнюдь не заботясь о человеческой, земной (славе), дабы я соединен был с Тобою ныне и по смерти, и сподобился соцарствовать с Тобою, Христе, претерпевшим ради меня позорную смерть и исполнившим все домостроительство. И тогда я буду славнее всех смертных ²⁹⁹. Да будет (так), Господи, ныне и во веки Аминь.

Гимн 37. Учение с богословием о действиях святой любви, т. е. самого света Духа Святого 300.

Кто возможет, Владыко, поведать о Тебе?
Заблуждаются неведущие (Тебя), ничего совершенно не зная;
Познавшие же верою Божество Твое
Великим страхом одержимы бывают и ужасаются от трепета,
Не зная, что сказать им (о Тебе), ибо Ты – превыше ума,
И все (у Тебя) недомысленно и непостижимо:
Дела, и слава Твоя, и познание Твое.
Мы знаем, что Ты Бог, и свет Твой видим,
Но каков Ты и какого рода – (этого) никто решительно не знает.
Однако мы имеем надежду, обладаем верою
И знаем ту любовь, которую Ты даровал нам,
Беспредельную, неизреченную, никоим образом ³⁰¹ невместимую,
Которая есть свет, свет непрístupный и все совершающий.
Он называется то рукою Твоею, то оком,
То пресвятыми устами, то силою, то славою ³⁰²,
То познается, (как) лицо наипрекраснейшее.
Он – солнце незаходимое для высоких в Божественных (вещах),
Он – звезда вечно сияющая для тех, которые не вмещают (ничего)
более. Он противоположен печали, прогоняет неприязнь
И совершенно истребляет сатанинскую зависть.
В начале он умягчает и, очищая, утончает,
Прогоняет помыслы и сокращает движения.
Он сокровенно научает смиряться
И отнюдь не позволяет рассеиваться и шататься.
С другой стороны, он явно отделяет от мира
И производит забвение всего скорбного в жизни.
Он и многообразно питает и жажду утоляет,
И силу дарует добре трудящимся.
Он погашает раздражение и печаль сердечную,
Совершенно не позволяя гневаться или возмущаться.
(Когда) он убегает, уязвленные (им) гонятся за ним
И с великою любовью от сердца ищут его.
(Когда) же он возвратится, и явится, и человеколюбно воссияет,

То внушает гонящимся уклоняться (от него) и смиряться;
И будучи многократно взыскуем, (побуждает) удаляться от страха,
Как недостойным такого блага, превосходящего всякую тварь.
О неизреченный и непостижимый дар!
Ибо чего (только) не делает он и чем не бывает?
Он – наслаждение и радость, кротость и мир,
Милосердие неисчетное, бездна благоутробия.
Он видится невидимо, вмещается неместимо
И содержится в уме моем неприкосновенно и неосязуемо.
Имея его, я не созерцаю, созерцая же, пока он не ушел,
Стремлюсь быстро схватить (его), но он весь улетает.
Недоумеваю и воспаляюсь, я научаюсь просить
И искать (его) с плачем ³⁰³ и великим смирением
И не думать, что сверхъестественное возможно
Для моей силы или старания человеческого,
Но – для благоутробия Божия и беспредельной милости.
Являясь на краткое время и скрываясь, он
Одну за одной изгоняет страсти из сердца.
Ибо человек не может победить страсти,
Если он не придет на помощь;
И опять же не все от разу изгоняет,
Ибо невозможно сразу воспринять всего Духа
Человеку душевному и сделаться бесстрастным.
Но когда он сделает все, что может:
Нестяжание, беспристрастие, удаление от своих,
Отсечение воли и отречение от мира,
Терпение искушений, молитву и плач,
Нищету и смирение, насколько есть силы у него;
Тогда на краткое (время) как бы тонкий и наималейший свет,
Внезапно окружив ум его, восхитит в исступление,
Но, чтобы не умер он, скоро оставит (его),
С такою великою быстротою, что ни помыслить,
Ни вспомнить о красоте (света) невозможно увидевшему,
Дабы, будучи младенцем, не вкусил он пищи мужей совершенных
И тотчас не расторгся или не получил вреда, изbleвав (ее).
Итак, оттоле (свет) руководствует, укрепляет и наставляет;
Когда мы нуждаемся в нем, он показывается и убегает;
Не тогда, когда мы желаем, ибо это (дело) совершенных,
Но когда мы находимся в затруднении и совершенно обезсиляем,

Он приходит на помощь, восходя издали,
И дает мне почувствовать его в моем сердце.
Пораженный и задыхаясь, я хочу удержать его.
Но [вокруг] все – ночь. С пустыми и жалкими руками,
Забывал все, я сижу и плачу,
Не надеясь в другой раз таким же образом увидеть его.
Когда, вдоволь наплакавшись, я хочу перестать,
Тогда он, придя, таинственно касается моего темени.
Я заливаюсь слезами, не зная, кто это; И [тогда] он озаряет мой ум
весьма сладостным светом.

Когда же узнаю я, кто это, он тотчас улетает,
Оставляя во мне огонь Божественной любви к себе,
Который не позволяет ни смеяться, ни смотреть на людей,
Ни принимать (в себе) желания чего-либо из видимого.
Мало-по-малу чрез терпение он разгорается и раздувается,
Делаясь великим пламенем, достигающим до небес.
Его угашает расслабление и развлечение домашними (вещами),
Ибо в начале бывает и забота о житейских (делах);
Возвращает же молчание и ненависть ко всякой славе,
Скитание по земле и поправление себя, подобно навозу,
Ибо этим он услаждается и благоволит соприсутствовать,
Научая [чрез то] всемогущему смирению.
Итак, когда я стяжаваю это и делаюсь смиренным,
Тогда он бывает неразлучен со мною:
Беседует со мною, просвещает меня, взирает на меня, и я на него
взираю.

Он и в сердце моем находится и на небе пребывает.
Он изъясняет мне Писания и умножает во мне знание,
Он научает меня таинствам, которых я не могу изречь.
Он показывает, как он восхитил меня от мира,
И повелевает мне быть милосердным ко всем находящимся в мире.
Итак, меня содержат стены и удерживает тело,
Но я поистине, не сомневайся, нахожусь вне их.
Я не ощущаю звуков и не слышу голосов.
Я не боюсь смерти, ибо я превзошел и ее.
Я не знаю, что такое скорбь, хотя все опечаливают меня.
Удовольствия горьки для меня, все страсти бежат [от меня],
И я постоянно ночью и днем вижу свет.
День для меня является ночью, и ночь есть день.

Я и спать не хочу, ибо это потеря для меня. Когда же меня окружают всякие беды

И, казалось бы, низвергнут и преодолению меня,
Тогда я, внезапно оказываясь с ним (светом) вне всего
Радостного и печального, и мирских наслаждений,
Наслаждаюсь неизреченной и Божественной радостью,
Увеселяюсь красотой его, часто обнимаю его,
Целую и поклоняюсь, питая великую благодарность
К тем, кто дал мне (возможность) видеть то, чего я желал,
И причаститься неизреченного света, и сделаться светом,
И дара его приобщиться отселе,

И стяжать Подателя всех благ,
И оказаться не лишенным и дарований душевных.

Кто, привлекая, направил меня к этим благам?

Кто возвел меня из глубины мирской прелести?

Кто отделил (меня) от отца и братьев, друзей

И сродников, наслаждений и радостей мира?

Кто показал мне путь покаяния и плача,

По которому я нашел день, не имеющий конца?

(То) был Ангел, а не человек ³⁰⁴. Однако то такой человек,

Который посмеивается над миром и попирает дракона,

Присутствия которого трепещут демоны.

Как я поведаю тебе, брате, о том, что я видел в Египте,

О совершенных им чудесах и знамениях?

Расскажу тебе покамест одно (вот) это, ибо всего поведать я не в силах.

Он сошел и нашел меня рабом и пришельцем [в Египте].

(Иди) сюда, чадо мое – сказал он – я поведу тебя к Богу.

Я же от великого неверия ответил ему:

Какое знамение ты мне покажешь, чтобы уверить меня,

Что ты сам можешь освободить меня из Египта

И исхитить из рук лстивого фараона, Дабы, последовав за тобою, я не подвергся еще большей опасности?

Возжги, сказал он, великий огонь, чтобы я мог войти в середину,

И если я не останусь неопаленным, то не последуй мне.

Слова эти поразили меня. Я сделал приказанное.

Разжено было пламя, и он сам стал посредине.

Целый и невредимый, он и меня (еще) приглашал.

Боюсь, владыко, сказал я, (ибо) я грешник.

Выйдя [из огня], он подошел ко мне и поцеловал меня.
Отчего ты боишься, сказал он мне, отчего робеешь и трепещешь?
Велико и страшно это чудо? – большее сего узришь.
Я в ужасе, господине, сказал я, и не смею приблизиться к тебе,
Не желая оказаться дерзким более огня.
Ибо я вижу, что ты человек, превосходящий человека,
И не дерзаю смотреть на тебя, которого огонь устыдился.
Привлекши меня ближе, он заключил меня в объятия
И снова облобызал меня лобзанием святым,
Сам благоухая весь благоуханием бессмертия.
[После этого] я поверил и с любовью последовал за ним.
Вожелав сделаться рабом его одного.
Фараон держал меня (в своей власти), и страшные приставники (его)
Принуждали меня заботиться о кирпичах и соломе.
Я один не мог убежать, так как не имел и оружия.
Моисей ³⁰⁵ молил Бога оказать помощь.
Христос поражает Египет десятичными язвами.
Но не покорился фараон и не освободил меня.
Молится отец, и Бог внимлет (ему)
И говорит рабу (Своему), чтобы он взял меня за руку,
Обещая (Сам) идти вместе с нами,
(Дабы) избавить (меня) от фараона и от бедствий египетских. Он
вложил дерзновение в сердце мое
И дал (мне) смелость не бояться фараона.
Так и сделал раб Божий:
Держа меня за руку, он пошел впереди меня,
И таким образом мы начали совершать путь.
Дай мне, Господи, по молитвам отца моего, разумение
И слово, (чтобы) поведать о дивных (делах) руки Твоей,
Которые Ты соделал ради меня заблудшего и блудного,
Рукою раба Твоего изводя (меня) из Египта.
Узнав о (моем) уходе, царь египетский ³⁰⁶
Пренебрег (мною), как одним, и сам не вышел,
Но послал подвластных ему рабов.
Побежали они и настигли (меня) в пределах египетских,
(Но) все возвратились ни с чем и разбитыми:
Мечи свои изломали, стрелы повытрясли,
Руки их ослабели, действуя ³⁰⁷ против нас,
И мы остались ни в чем невредимыми.

[Пред нами] горел столп огненный, и [над нами] было облако;
И мы одни проходили в чужой стране,
Среди разбойников, среди великих народов и царей.
(Когда) узнал и царь о поражении людей своих,
То пришел в бешенство, считая великим бесчестием
Быть поруганным и побежденным одним человеком.
Запряг он свои колесницы, поднял народ
И погнался сам с большим хвастовством.
Придя, он нашел меня одного лежащим от усталости;
Моисей же бодрствовал и беседовал с Богом.
Приказал он связать меня по рукам и ногам,
И, удерживая меня чрез мнение, они покушались вязать;
Я же, лежа, смеялся и, вооружившись молитвою
И крестным знамением, всех их отражал.
Не смея прикоснуться или приблизиться ко мне,
Они, стоя кое-где поодаль, думали утратить меня: Держа в руках
огонь, они грозили сжечь меня,
Поднимали громкий крик и производили шум.
Дабы не хвастались они, что сделали нечто великое,
Увидели они, что и я сделался светом, по молитвам отца моего,
И, посрамленные, внезапно (все) вместе удалились.
Вышел от Бога Моисей и, найдя меня дерзновенным,
Обрадованным и трепещущим от этого чудотворения,
Спросил: что случилось? Я возвестил ему все это:
Что был фараон, царь египетский,
Придя ныне с бесчисленным народом,
И не мог связать меня; хотел он сжечь меня,
И все пришедшие с ним сделались пламенем,
Испуская против меня огонь из уст своих;
Но так как они увидели, что я сделался светом, по молитвам твоим,
То превратились все в тьму; и [вот] теперь я один.
Смотри – ответил мне Моисей – не будь самонадеянным,
Не смотри на явное, (тем) более бойся тайного,
Скорей! воспользуемся бегством, так Бог повелевает;
И Христос вместо нас будет поборать египтян.
Пойдем, господине, – сказал я, – я не разлучусь от тебя,
Не преступлю твоих заповедей, но все сохраню. Аминь.

Гимн 38. Учение с богословием, в котором (говорится) о священстве и вместе о бесстрастном созерцании 308.

Как расскажу я, Владыко, о Твоих дивных и чудных (делах)?
Как поведаю словом о глубине судеб Твоих,
Которые Ты повседневно совершаешь на нас, рабах Твоих?
Как презираешь Ты бесчисленное множество согрешений моих
И не вменяешь, Владыко, злых деяний моих? Но милуешь и питаешь
меня, Спасителю мой, просвещаешь и покрываешь,
Как исполняющего все Твои заповеди?
И не только милуешь, но и более того,
Сподобляешь меня предстоять пред Твоею
Славою и силою и величием,
И изрекая глаголы бессмертия, беседуешь со мною
Немощным и презренным и недостойным жизни?
Как просветляешь Ты оскверненную мою душу,
Соделывая ее чистым и Божественным светом?
Как делаешь светоносными мои жалкие руки,
Которые, греша, я осквернил греховными сквернами?
Как изменяешь руки мои блистанием Божества Своего,
Из нечистых претворяя их в святые?
Как очищаешь Ты, Христе, скверный язык мой,
Соделывая меня причастником вкушения плоти Твоей?
Как достаиваешь и (Сам) меня видеть и мною быть видимым,
И быть держимым руками моими, Ты – содержащий всю (вселенную),
Незримый для всех небесных чинов
И неприступный (даже) для Моисея, первого во пророках?
Ибо увидеть лицо Твое не сподобился ни он,
Ни кто другой из людей, дабы не умереть.
Итак, каким образом Тебя непостижимого и единого неизреченного,
Тебя для всякого неместимого и для всех неприступного
И держать, и целовать, и видеть, и вкушать,
И иметь в сердце своем, Христе, сподобляюсь я,
И остаюсь неопалимым, радуясь вместе и трепеща,
И воспевая великое Твое, Христе, человеколюбие?
Итак, как (люди) слепые и плотские, неведущие Тебя,

Не чувствуя, лучше же показывая свою
Болезнь и помрачение и всех благ
Лишение, дерзают говорить:
Какая нужда иметь человеку священство,
Если он не приобретает чего-либо одного из трех: Либо пищи
телесной, либо дохода золота,
Либо (одной) из высоких и богатых епископских кафедр?
О помрачение! о ослепление! о крайнее безумие!
О большое несчастье! о великое неведение!
О земные и пустые, суетные слова!
О дерзость! о мудрование Иуды предателя!
Ибо как тот страшную Владычную вечерю
И пречистое тело вменил в ничто,
И даже лучшими счел немного сребреников;
Так и эти тленное нетленному и Божественному
Предпочитая, избирают душевное удушение.
Скажите мне, о суетные (люди), если то знаете:
Кто, стяжав Христа, станет более нуждаться в ином
Каком-либо из благ настоящего века?
Кто, имея в сердце благодать Духа,
Не стяжал честную Троицу, в нем обитающую,
Просвещающую и Богом содевающую?
Кто, сделавшись Богом по благодати (Св.) Троицы
И сподобившись вышней и первой славы,
Счел бы что-либо более славным (того),
Чтобы литургисать и видеть высочайшее Естество,
Все совершающее, неизреченное и неприступное для всех?
Или пожелал бы чего-либо более блестящего в жизни,
В этой ли, помысли, кратковременной,
Или в иной, согласишься со мною, не имеющей конца?
Если бы знал ты сокровенную глубину таинств,
То не понудил бы меня говорить об этом или писать.
Ибо я трепещу и боюсь, начертывая (нечто) Божественное
И (как тень) изображая письменами для всех неизреченное.
Если бы ты увидел Христа и получил Духа,
И чрез Них обоих приведен был бы ко Отцу,
То знал бы, что говорю я и о чем повествую тебе,
И что велико и страшно, и превыше всякой
Славы и блеска, начальства и власти,

Богатства и могущества и всякого царства –
С чистою совестью сердца литургисать
Чистой и святой и непорочной Троице. Не говори мне о безгрешности
тела

И о тех действиях и свидетельствах, глубины которых не разумеешь,
Но (послушай), что сказал Бог чрез Апостолов,
И чрез премудрого и огнеязычного Василия,
И чрез простые свидетельства Златоустого Отца,
И чрез Григория, хорошо богословствующего об этом;
Послушай и уверься, каковым должен быть
Литургисающий Богу, Творцу всех;
И от твоего благоговения и добродетели
Ты удивишься и величию этого достоинства.
Не обольщайтесь, братие, и отнюдь не дерзайте
Прикоснуться или приступить к Неприступному естеством.
Ибо кто не отречется мира и того, что в мире,
И не отвержется души своей и тела,
И весь, всеми чувствами, не сделается мертвым,
Ни на что из приятного в мире сем не взирая с пристрастием,
Ничего совершенно не желая из вещей мира
И не услаждаясь никакими речами человеческими,
Кто не сделается глухим и слепым для мирских
Дел и обычаев, действий и слов,
Хотя и видя то, что оку свойственно видеть,
Но не позволяя ничему войти внутрь, в сердце,
И запечатлеваться в нем чертам и образам этих (предметов),
Равно и слушая то, что воспринимает слух человеческий,
Но пребывая как бы бездушным и бесчувственным камнем
И не помня ни звуков, ни значения слов;
Тот не может таинственную и бескровную жертву
Приносить чисто по естеству чистому Богу.
Ибо если поистине на деле восчувствует это,
То удалится от всего мира и того, что в мире,
И познает и поверит мне (в том), о чем я снова хочу писать.
Всяк, (кто) перешел тот темный воздух, который Давид называет
стеною (Пс. 17, 29 – 30) И Отцы наименовали морем житейским,
И вступил в пристань,
Тот, придя в нее, находит всякое благо.
Ибо там рай, там древо жизни,

Там сладкий хлеб, там питье Божественное,
Там неисчерпаемое богатство дарований.
Там купина горит неопалимая,
И сапоги на ногах моих ³⁰⁹ разуваятся тотчас.
Там расступается море, и я прохожу ³¹⁰ один
И вижу в водах врагов потопляемых.
Там созерцаю я древо, в мое сердце
Ввергаемое, и все горькое (в нем) претворяется.
Там обрел я скалу, мед источающую,
И оттоле душа моя не была скорби причастна.
Там нашел я Христа – Подателя этих (благ),
И от всей души своей последовал за Ним.
Там ел я манну – хлеб ангельский,
И не возжелал более ничего человеческого.
Там увидел я сухой жезл Ааронов процветающим,
И подивился чудодействиям Божиим.
Там бесплодную душу свою я увидел плодоносящую,
И как сухое дерево дает прекрасный плод.
Там нечистое и блудное сердце свое
Я узрел чистым, целомудренным и девственным,
И слышал [в душе своей]: радуйся, благодатная ³¹¹,
Ибо Бог с тобою и в тебе во веки!
Там услышал я [повеление]: омойся в купели слез,
И сделав, уверовал и внезапно прозрел.
Там я погребся во гробе чрез совершенное смирение,
И Христос, придя с безмерною милостью,
Отвалил оттуда тяжелый камень пороков моих
И сказал: сюда гряди как бы из рова – от мира сего!
Там увидел я, как бесстрастно пострадал Бог мой
И как, будучи бессмертным, Он сделался мертвым И воскрес от гроба,
не рушив печатей.
Там увидел я будущую жизнь и нетление,
Которое Христос дарует взыскующим Его.
И обрел царство небесное, внутри меня находящееся,
Которое есть Отец, Сын и Дух –
Божество нераздельное в трех лицах.
Не предпочевшие Его всему миру,
Не счевшие славою, честью и богатством
Одного только поклонения, служения и предстояния (Ему)

Недостойны и этого чистого видения,
И наслаждения, и радости, и всех благ,
Которых не приобщатся не стяжавшие покаяния,
Если не научатся и не вкусят, как сказали мы, всего (этого),
И тщательно не совершат всего того, что сказано Богом моим.
И тогда едва кто [достоин] с великим страхом и благоговением,
Если бы Бог повелел, коснуться неприкасаемого.
Ибо не всем позволительно служить таковым (вещам),
Но если (кто) примет всякую благодать Духа
И от [утробы] матери чист будет от греха.
Помимо же повеления от Бога и Его избрания,
Удостоверяющего душу человека чрез Божественное озарение
И возжигающего ее желанием Божественной любви,
Неблагоразумно, думается мне, священнодействовать Божественные
(вещи)
И прикасаться к неприкасаемым и страшным Тайнам,
Которым подобает всякая слава, честь и поклонение,
Ныне и всегда, непрестанно во все веки.

Гимн 39. Благодарение и исповедание с богословием, и о даре и причастии Св. Духа

312

Ты ради меня явился на земле от Девы,
Прежде всех веков пребывающий невидимым, И соделался плотью и человеком показался,
Неприступным светом одеянный,
И всеми считался ограниченным,
Ты совершенно невместимый,
Которого никакое слово не в состоянии выразить.
Ум же, напрягаясь, схватывает (Тебя) чрез любовь,
И не может удержать, поражаемый страхом,
И снова ищет, палимый внутри.
Вообразив же (Тебя) на мгновение в сиянии Твоём,
Он с трепетом убегает и радуется радостью.
Ибо не может человеческая природа выносить того,
Чтобы ясно созерцать всего Тебя – Христа моего,
Хотя и веруем мы, что всего Тебя воспринимаем
Чрез Духа, которого подаешь Ты, Боже мой,
И пречистую кровь и плоть Твою,
Приобщаясь которых, мы исповедуем, что держим
И вкушаем Тебя, Боже, нераздельно
И неслиянно; ибо Ты не причастен
Тления или скверны, но и мне сообщаяешь
Нетленную чистоту Твою, Слове,
И отмываешь скверну пороков моих,
И прогоняешь мрак беззаконий моих,
И очищаешь позор сердца моего,
И утончаешь грубость злобы (моей),
И светом творишь меня, прежде омраченного,
Соделывая меня обоюду ³¹³ прекрасным
И осиявая меня светом бессмертия.
И я изумляюсь и возгораюсь внутри,
Желая Тебе Самому поклониться.
Когда же я, несчастный, помышляю об этом,
То, о чудо, нахожу Тебя в себе

Пребывающим, движущимся, говорящим
И делающим меня тогда безгласным
От изумления пред неприступною славою.
Итак, меня обнимает ужас и недоумение,
Так как содержащего все деланию
Я вижу в сердце своем содержимым.
Но, о чудная милость Твоя, Христе мой! Сколь безмерно
снисхождение (Твое), Слове!

Зачем пришел Ты к нищете моей?
И как вошел в оскверненную храмину
Ты, во свете неприступном обитающий, Боже мой?
Как Ты сохраняешь ее неопалимою,
Будучи огнем нестерпимым для смертной природы?
Что же сотворю я достойное Твоей славы
И что найду для столь великой любви?
Что принесу Тебе, таковою славою
И честью прославившему меня недостойного?
Ибо меня, на которого люди не считают достойным смотреть,
А (тем более) ни говорить, ни сотрапезовать
Совершенно не хотят со мною несчастнейшим,
Ты, питающий всякое дыхание и естество,
Неприступный для Серафимов,
Создатель, Творец и Владыка всех,
Не только зришь, и говоришь со мною, и питаешь (меня),
Но и плоть Твою существенным образом
Сподобил меня и держать и вкушать,
И пить кровь Твою всесвятую,
Которую ради меня изливал Ты закланный,
Поставив меня служителем и литургом и таинником
Этих (Таин), меня, которого Ты знаешь,
Всеведущий, прежде нежели веки сотворил
И прежде чем произвел что-либо из невидимого,
Ибо видимое Ты составил впоследствии,
(Знаешь, как) грешника, блудника, мытаря,
Разбойника, сделавшегося самоубийцей ³¹⁴,
Презрителя добра, делателя беззакония
И преступника всех Твоих заповедей.
Итак, Ты знаешь, что это истинно.
Как явлюсь я пред Тобою, Христе мой? Как приближусь к трапезе

Твоей?

Как буду держать пречистое тело Твое,
Имея руки совершенно оскверненные?
Как воспую Тебя? как буду ходатаем за других,
Не имея ни добрых дел от веры,
Ни любви к Тебе, ни дерзновения,
Но будучи сам должником, как Ты знаешь,
Многими талантами, многими беззакониями.
Недоумевает ум, бессилен язык,
И никакого слова не нахожу я, Спасителю,
Чтобы поведать о делах Твоей благодати,
Которые Ты сотворил на мне, рабе Твоем.
Ибо внутри меня горит как бы огонь,
И я не могу молчать, не вынося
Великого бремени даров Твоих.
Ты, сотворивший птиц щебечущих (разными) голосами,
Даруй и мне недостойному слово,
Дабы всем письменно и не письменно
Поведал я о том, что Ты соделал на мне
По беспредельной милости, Боже мой,
И по одному человеколюбию Твоему.
Ибо превыше ума, страшно и велико то,
Что подал Ты мне страннику,
Неученому, нищему, лишенному дерзновения
И всяким человеком отверженному.
Родители (мои) не питали ко мне естественной любви.
Братья и друзья мои все насмеялись надо мною;
Утверждая, что любят меня, они говорили совершенно ложно.
Сродники, посторонние и мирские начальники
Тем более отвращались от меня, не вынося (меня) видеть,
Чем более [хотели] погубить меня со своими беззакониями.
Часто желал я безгрешной славы,
Но не нашел еще ее в настоящей жизни.
Ибо мирская слава, как я убедился,
Без (всякого) другого деяния есть (уже) грех.
Сколько раз я хотел быть любимым людьми
И стать к ним близким и откровенным, Но из благомыслящих никто
не терпел меня.
Другие же напротив желали видеть и знать меня,

Но я убегал от них, как от делателей зла.
Итак, все это, Владыко, и иное большее того,
Чего не могу я ни рассказать, ни припомнить,
Ты, промышляя, соделал на мне блудном,
Дабы извлечь меня из пропасти и мирской тьмы
И страшной прелести наслаждений сей жизни.
Добрые (люди) бегали от меня по причине (моего) внешнего вида,
А злых я убегал по своему произволению.
Ибо они любили, как сказано, мирскую славу и богатство,
Великолепные одежды и изнеженные нравы.
[О себе] же я не знаю и не ведаю, что мне изречь и сказать Тебе,
Ибо боюсь и говорить и писать о таковых (вещах),
Чтобы не впасть в [противоречие] словам своим и не согрешить,
И будет (тогда) неизгладимым ложно написанное.
Когда призывал меня кто-либо к делам безумия
И грехам поистине прелестного мира сего,
Сердце мое все сжималось внутри
И как бы скрывалось, стыдясь себя самого,
Будучи твердо сдерживаемо Твоею, конечно, Божественною рукою.
Любил и я все прочее житейское,
Что увеселяет зрение и услаждает гортань,
И украшает это тленное тело;
Но мерзкие деяния и сладострастные желания
Ты изгладил из сердца моего, Боже мой,
И ненависть к ним вложил в мою душу.
Хотя произволением своим я и прилежал к ним,
Но Ты делал так, что или желания мои были неисполнимы,
Или напротив действия мои нежеланными, [что было] величайшим,
конечно, чудом.

По Божественному смотрению (Своему) Ты отделил меня от всех:
От царей, князей и богатых мира сего. Много, много раз, когда я и
склонялся (уже) волею к этим (вещам),

Сам Ты не попускал состояться соизволению (моему) на что-либо из
этого.

Иных, говоривших мне о прославлении и обогащении в жизни,
Я ненавистью, Владыко, возненавидел от сердца,
Так что даже в беседу никогда не вступал с ними;
И (тогда) они напротив, взбесившись, сильно били меня палками.
Другие же укоряли и злословили меня пред всеми.

Называя меня делателем всякого беззакония
И желая отворотить меня от правого пути.
Ибо я избегал (этих) деяний чтобы не быть злословимым,
А они злословили меня, чтобы я пришел к (таковым) деяниям.
Обещающим же дать (мне) славу мира сего
Ты дал мне, Спасителю мой, отвечать таким образом:
Если бы ты обладал, говорил я, всею славою мира,
И на главе твоей был бы царский венец,
А на ногах твоих пурпуровая обувь,
И над всем этим ты внезапно сделал бы меня господином,
Сам же стал простецом, желая быть рабом моим;
То к лукавому мудрованию твоему
Я отнюдь не приобщился бы и не снизошел в сей жизни.
Но какая хартия вместила бы Твои благодеяния
И великие Твои блага, которые Ты соделал на мне?
Ибо если бы мне даны были тьмы языков и рук,
То (и тогда) я не мог бы изречь или описать все,
Потому что их бездна, конечно, по бесчисленному множеству,
И они недомысленны по величию славы;
И я изнемогаю мыслью и надрываюсь сердцем своим,
Что не могу поведать о Тебе, Боже мой.
Ибо когда помышлю я несчастный, что сделал я,
И сколько (раз) Ты помогал мне, от чего избавлял меня И от сколь
великих бед, Спасителю мой, человеколюбно спасал,
Не вспоминая зол, которые я соделал,
Но, как бы сотворившего много и великого добра
И чистого от святой матери – купели,
Так воспринял меня, так почтил,
Так украсил меня царскою одеждою;
То весь объят бываю трепетом и прихожу в исступление от радости,
Становлюсь безгласным и сильно расслабеваю,
Так как Бог – Творец мира дан мне,
Человеку мерзкому и отвратительному для всех
Людей и бесов, как соделавшемуся уже
И превзошедшему совершением непристойнейших дел
И этих (последних). Увы мне постыдному и скверному! и как я буду
говорить (еще)?
По безмерному благоутробию Ты соединился со мною,
Человеколюбче,

Великий в непорочности, (еще) большой святостию,
Несравненный в могуществе и неизобразимый в славе,
И снизошел свыше от безмерной высоты
До последних врат ада грехов моих,
До мрака нищеты моей и ниспадшей (моей) храмины,
От многих беззаконий и величайшего нерадения
Совершенно запущенной и оскверненной, –
Ты, Который сперва воскресил меня, долу лежащего,
И поставил на камне Божественных заповедей Твоих,
И омыв, очистил от тины пороков моих,
И облек в хитон светлейший снега,
И вымел загрязненную храмину
И, войдя (в нее), стал обитать, о Христе Боже мой!
Потом Ты соделал меня престолом Божества Твоего,
Жилищем неприступной Твоей славы и царства,
Светильником, имеющим внутри неугасимый и Божественный свет,
Сосудом поистине доброго бисера,
Подем, на котором скрыто сокровище мира,
Источником, пьющие из которого никогда не жаждут, И который
десятикратно источает весьма (обильную) воду
И с верою пьющих (ее) соделывает бессмертными,
Раем, имеющим к тому же посреди древо жизни,
И землю, объемлющую Тебя, для всех невместимого,
Которого я взыскал некогда от всего сердца своего,
Желая всегда слушать Твое слово.
Ибо если и прежде ум мой не мог вообразить
Тебя чисто, будучи совершенно осквернен,
Ни глаза (не могли) увидеть, ни слух – услышать,
Ни сердце мое воспринять Божественных восхождений,
Но от одного слуха душа моя вся приходила в изумление,
Поражаясь страхом и трепетом;
То и теперь она изумляется, видя Тебя внутри себя
И созерцая Тебя (как бы в зеркале), поскольку даешь Ты ей (видеть)
Всего (Себя) во всей вселенной и всего вне ее,
И напротив внутри себя всего (Тебя) усматривая,
Всего непостижимого в Божественном Божестве (Твоем),
Для всех невидимого и сокровенного,
Тебя неприступного и доступного, для кого Ты изволил,
Подобно тому как Сам Ты восхотел человеколюбиво явиться [на

земле],

(Тебя), для Херувимов и Серафимов и всех Ангелов
Неприступного и страшного сиянием Божественного естества, –
Среди людей (видя) доступным, она вся совершенно приходит в
исступление.

Но еще более она изумляется Твоей благодати и человеколюбью,
Так как Ты очищаешь нечистые души, и ум просвещаешь,
И обнимаешь земную и вещественную сущность,
И возжигашь великое пламя Божественной любви,
И, как бы огонь, ввергаешь в меня Божественное желание любви,
И уготовляешь меня достигать до третьего неба,
И делаешь, Спасителю, (способным) восхищаться в рай, В котором я
слышу неизреченные и страшные глаголы,
Коих невозможно пересказать смертным или поведать словесно.
Тебе же, Христе, подобает честь, слава и величие,
И вечная держава, (как) Владыке всего (мира),
Со Отцом и Духом – по естеству Пресвятым,
Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Гимн 40. Благодарение с богословием, и о тех действиях, по которым наименована Божественная благодать Духа 315.

Что это за новое таинство, Владыко всех,
Которое Ты показал на мне заблудшем и блудном?
Что это за великое чудо, внутри меня замечаемое
И непостижимое, но сокровенное?
Ибо во мне видится как бы звезда, восходящая вдали,
И содельвается опять как бы великим солнцем,
Не имеющим ни меры, ни веса, ни предела величине (своей),
И становясь малым сиянием, снова видится, (как) свет,
В середине сердца моего и во внутренностях моих,
Часто обращающийся и сожигающий все,
Что во глубине моих внутренностей, и делающий их светом,
И таким образом любезно учащий и вещающий
(Мне), совершенно недоумевающему и ищущему на учения:
Я – та звезда прекрасная (υλुकύ), которая некогда, (как) ты слышал,
Взошла от Иакова, это Я – не сомневайся.
Я показываюсь тебе и солнцем, вдали восходящим,
Которое для всех праведных есть свет
Неприступный в будущем веке и жизни вечной;
Я и сиянием (также) являюсь и, (как) свет, тобою созерцаюсь,
Неопалимо пожигая страсти сердца твоего,
И росую сладости и Божественной благодати Моей
Омывая скверну твою и совершенно угашая
Телесные угли греховных сластей,
И содельвая все то по человеколюбию Своему,
Что и древле творил Я во всех святых.
Помилуй сетующего, сжался над сокрушенным
И не прогневайся на меня, что я снова хочу сказать:
Как ты, совершенно неместимый, звездой от Иакова и являешься
И (даже) доньне бываешь для всех?
Как, подобно восходящему солнцу, показываешься Ты,
Нигде не находящийся и везде, и превыше всякой твари,
И проповедуемый невидимым для всех?
Как и сиянием Ты бываешь, и светом мне видишься,

И пожигаешь вещество, будучи по существу невестественным?
Как, орошая, Ты омываешь телесную скверну мою,
Весь будучи огнем неприступным и нестерпимым для Ангелов?
Как обнимаешься тленной сущностью тела моего
И без смешения смешиваешься с душою человеческою?
Как, бывая чрез нее во всем теле неслиянно,
Ты, неосязаемый, всего меня обоготворяешь? –
Скажи и не отошли меня печальным и скорбным.
О дерзость! о несмыслие! о неразумные речи!
Как не трепещешь ты так дерзко вопрошать об этом?
Как не сознаешь, что спрашиваешь о том, что тебе известно?
Но дерзаешь говорить о Боге, как бы искушая,
И как бы неведущий, притворяясь, вопрошаешь Меня о том, что
знаешь,

Желая со (всею) ясностью описать всем свое знание.
Но однако, будучи человеколюбив, Я снисхожу к тебе
И снова (стану) учить тебя, так говоря тебе следующее:
Я по естеству невыразим, будучи неместим,
Неоскудевающ, неприступен, невидим для всех,
Неприкосновен, неосязаем и по существу неизменен; Один в единой
вселенной и один со всеми

Познающими Меня во тьме сей жизни,
Но вне всего мира, вне видимых (вещей),
Вне чувственного света, и солнца, и тьмы,
И места мучения и страшной кары,
В которое попали гордые рабы,
Злобно поднявшие выю против Меня – Владыки (своего).
Я неподвижен, ибо где Меня нет.
Чтобы через перемещение я достиг Своего места?
Я и приснодвижен безгранично,
Ибо куда ты пойдешь искать Меня, чтобы найти Меня там?
Небо, как ничто, произведено словом Моим;
Солнце, звезды и земля как бы малым поделием для Меня
Были, и все прочее также, что видишь ты.
Ангелы, видящие славу славы, а не самое естество (Мое),
Задолго прежде них произведены Мною.
Ибо (лишь) только помыслил Я произвести (небесные) силы,
И они тотчас предстали, славословя державу Мою.
Ты же, сидящий в той самой юдоли изгнания,

Куда ниспали все первые преступники:
То есть Адам и с ним Ева, прама́терь твоя,
И злой диавол, их обольстивший,
Где глубокая тьма, где великий ров,
Где змеи, всегда жалящие вас в пятау,
Где плач, горе и непрестанное рыдание,
Где всякая теснота, беспокойство и печаль,
Смерть вместе и тление всех вас содержит,
Как ты остаешься спокойным и беззаботным? Как нерадишь, скажи
Мне?

Как не печешься о злых (делах), которые ты в мире соделал?
И не ценишь высоко одного только покаяния?
И не стараешься показать его истинным?
И не вопрошаешь о нем с великою мольбою?
И тщательно не исследуешь, как тебе исправить его,
Дабы чрез него по человеколюбию Моему мог
Получить ты и великое оставление беззаконий твоих? Но, оставив его,
спрашиваешь о том, что превыше естества,
Исследуешь то, что на небесах, лучше же и не то (даже),
Но испытуешь (самое) естество Мое, Того, Кто произвел,
Как сказано, небо и все (прочее), как ничто ³¹⁶, веруй, что Я – свет
совершенно неизобразимый,
Весь простой, несложный, нераздельный естеством,
Неисследимый и вместе доступный недоступным образом.
Ибо поистине Я видим бываю и человеколюбно являюсь,
Преобразуясь сообразно восприятию каждого из людей;
Не со Мною [впрочем] это бывает,
Но видящие так сподобляются Меня видеть,
Ибо иначе не могут, не вмещая больше.
И поэтому одни и те же иногда видят (Меня)
Солнцем, когда имеют ум очищенным,
Иногда же звездою, когда окажутся
Под мраком и ночью этого тела.
Ибо горение любви делает Меня огнем и светом,
Потому что когда возжжется в тебе уголь любви,
Тогда и Я, видя ревность сердца твоего,
Оказываюсь в соединении с тобою, и подаю свет
И показываюсь как бы огнем, Я – словом создавший огонь.
Ибо душевные добродетели являются как бы веществом,

Охватывая которые, Божественный свет Духа
И называется соответственно подлежащему веществу, Ибо
собственного имени у людей он не имеет.

Поэтому когда человек придет в умиление и прослезится,
Тогда и он называется водою, ибо очищает,
И соединяясь со слезами, омывает всякую скверну.
Когда же плач угасит раздражительность сердца,
При его содействии, то он именуется кротостью.
Возгораясь же опять против нечестия,
Что делается чрез него же, он называется ревностью.
Миром же напротив, и радостью, и благостью он именуется,
Потому что плачущему подается и то и другое,
И он производит в сердце, как бы источник, обильную благодать,
От которой изливается всякое сострадание и милосердие,
Истекающее вне от души на всех (окружающих),
В особенности на желающих каяться и спастись.
Ибо (хотя) и всех он милует, но этим и помогает,
И содействует, и одобряет, и состраждет во всем,
Соединяясь с душевным произволением их;
И усматривая в (их) уме красоту покаяния,
Приобретает к ним более искреннюю любовь.
Смирением же он называется потому, что все мирское,
И даже самую душу, и собственное тело,
И всякое совершаемое действие человек считает
Как бы ничем, вкусив его сладости
И узрев неизъяснимую красоту этого света.
Зная это, ты отнюдь более не просил бы Меня
Говорит о таковых (вещах) или точно изъяснить тебе,
Ибо они по природе невыразимы и совершенно неизглаголанны,
Для людей неизреченны, неведомы и для Ангелов,
И для всякой иной тварной сущности поистине непостижимы.
Познай же лучше то, что касается тебя, или гораздо более себя самого,
И тогда познаешь, что Я совершенно непостижим,
И сопребываю и люблю одних любящих Меня, И всегда горячо
помнящих Мои заповеди,
И никоим образом не предпочитающих им чего-либо скоротечного,
С каковыми ³¹⁷, беседуя, Я и буду сопребывать ныне и во веки.
Аминь.

Гимн 41. Точное богословие о неуловимом и неопиcуемом ³¹⁸ Божестве, и о том, что Божественное еcтество, будучи неопиcуемо (неограниченно), не находится ни внутри ни вне вселенной, но и внутри и вне есть, как причина всего, и что Божество только в уме уловимо для человека неуловимым образом, как лучи солнца для глаз ³¹⁹.

О Троица Создательница всех, о Единица начальнейшая!
О Боже мой единый, единым по еcтеству неопиcуемый,
Непостижимый в славе, неизъяснимый в делах,
Существо неизменное, о Боже – жизнь всех!
О превысший всех благ, о Начало безначального Слова,
Пребезначальный Боже мой, Который никоим образом не произошел
(γέγονας),
Но был (ἦς) не имеющим начала, как найду я всего Тебя,
Носящего меня внутри? кто даст мне удержатъ Тебя,
Которого и я ношу внутри себя? как Ты и вне тварей,
И напротив внутри их, (если) Ты – ни внутри ни вне?
Как неуловимый, Я ³²⁰ не внутри, а как уловимый, не вне нахожусь;
Будучи же неограничен, – ни внутри ни вне.
Ибо Творец внутри чего (может быть), или же вне чего, скажи мне? Я
все ношу внутри, как содержащий всю тварь,
А нахожусь вне всего, будучи отделен от всего.
Ибо Творец тварей как не будет вне всего?
Существова прежде всего и наполняя все, как исполненный [всем],
Как не буду (существовать) Я, и создав (все)? пойми, о чем Я вещаю
тебе.
Создав всю тварь, Я отнюдь не переменял места
И не соединился с созданиями. (Если) же Я неограничен,
То где, скажешь ты, нахожусь Я когда-либо, не телесно, говорю тебе,
Но, пойми Меня, мысленно? Ища же Меня духовно,
Ты найдешь Меня неограниченным, а потому опять – нигде,
Ни внутри, ни вне, хотя и везде во всем,

Бесстрастно и неслиянно, а потому вне всего,
Так как Я был прежде всего.
Но оставим ³²¹ всю эту тварь,
Какую видишь ты, потому что она не причастна разума (слова),
И справедливо не имеет близости к Слову,
Будучи лишена всякого ума. Итак, сродное животное дадим
Слову премудрости, дабы как ум к премудрости
И слово сродно и близко к Слову,
Превыше слова; (так) и это создание имело благое общение
С Создателем, как являющееся по образу Создателя
И по подобию. Какое же это я разумею животное?
Я сказал тебе, конечно, о человеке, словесном (разумном) среди
бессловесных,
Так как он двояк из двух: чувственного и умопостигаемого.
Он один среди тварей знает Бога; Для него же одного в силу ума (κατὰ
νοῦν) Бог уловим неуловимо,
Видится невидимо и держится недержимо.
Как (это) уловимо и неуловимо? и как в смешении без смешения?
Каким образом, скажи и изъясни мне это? – Как изъясню я тебе
неизъяснимое?
Как изреку неизреченное? Однако внимай, и я скажу.
Солнце испускает лучи, – я говорю тебе о чувственном солнце,
Ибо другого ты еще не увидел; итак, ты смотришь на лучи его,
И они уловимы для глаз твоих; свет же очей твоих
Пусть будет соединен с твоими очами. Теперь ответь мне на вопрос:
Как свет твой соединен с лучами?
В несмешанном ли смешении, или они слились друг с другом?
Знаю, ты назовешь (их) и не смешанными и признаешь смешанными.
Свет этот – скажи мне – и уловим, когда глаза открыты
И хорошо очищены; но он же, если ты закроешь (их),
Тотчас и неуловим: в слепых он не пребывает,
Зрячим же соприсутствует; когда же заходит, то и последних
Оставляет как бы слепыми, ибо ночью человеческия
Глаза не видят. Итак, выглядывая чрез них, душа
Видит, свет. А когда нет света,
Она находится совершенно как бы во тьме; когда же восходит он,
Тогда она видит, во-первых, свет, а во свете и все (прочее).
Но имея свет, ты [собственно] не имеешь, ибо потому и имеешь, что
видишь.

Не будучи же в состоянии удержать или взять его руками своими,
Ты отнюдь не думаешь, что нечто имеешь. Ты простираешь свои ладони,

Их освещает солнце, и ты думаешь, что держишь его. Я утверждаю, что (тогда) ты имеешь его; вдруг ты снова сжимаешь их,

Но оно не удержиимо, и таким образом ты опять ничего не имеешь.

Простое просто удерживается, но его нельзя сжать, удержавши.

Хотя и телом по природе мыслится этот свет

Видимого солнца, однако он неделим.

Итак, скажи мне, как бы ты ввел его в дом свой?

Как сможешь удержать, как удержишь неуловимое?

Как все его приобретешь, отчасти или всецело?

Как часть его получишь и в недре сокроешь?

Конечно, скажи мне, (это) никоим образом и никогда невозможно.

Итак, если природу того, о котором говорю я, и (которое) Творец повелением

Произвел, как светильник, чтобы оно светило всем в мире,

Ты совершенно не можешь изречь или исследовать,

Каким образом оно есть тело, – не бестелесно же оно, разумеется?

Как оно уловимо неуловимым образом и как смешивается без смешения?

Как чрез лучи видимо бывает и освещает тебя ими?

То, на которое если ты ясно посмотришь на все, то оно скорее ослепит тебя;

Даже и о свете очей твоих ты затруднишься сказать мне,

Как без другого света он совершенно не может видеть?

А соединяясь со всяким светом, видит все, как свет;

Отделяясь же от (других) светов, он пребывает, совершенно бесстрастным,

Так же как и соединяясь со светом, весь светом бывает;

И это соединение их невыразимо и неслиянно,

Подобно же и отделение неуловимо; –

То как же [можно] всецело исследовать природу Творца всех?

Как изречь мне? как выразить? как посредством слова представить?

Воспринимай все верою, ибо вера не сомневается; Вера поистине не колеблется. Однако, как говорю я,

Он есть все, Ясно говорю тебе – все и никоим образом ничто из всего.

Творец всего есть Божественное естество и премудрость;

И как ведь не будет во всем то, что есть ничто из всего?

Будучи же причиною всего, Он везде есть во всем,
И весь все наполняет по существу и по естеству,
Равно и по ипостаси Бог везде есть,
Как жизнь и податель жизни. И в самом деле произошло ли что-либо,
Чего Сам Он не произвел, (вплоть) до комара, согласишься со мною,
И паутины паука? ибо откуда, скажи, таковою
Тканью снабжается тот, кто не прядет, но неутомимо
Каждый день выпрядает, будучи мудрее рыбаков
И всех птицеловов? распростирая свои нити
И издали завязывая их, он среди них, наконец,
Как бы сеть, тчет на воздухе западню;
И сидя, сам поджидает добычу,
Не поймается ли откуда-либо попавшее нечто крылатое.
Итак, Тот, Кто простирается промыслом даже до всего этого,
Как не есть во всем? как не находится со всеми?
Подлинно Он и среди всего есть и вне всего,
Подлинно, Сам будучи светом, куда бы Он скрылся, наполняющий
все?

Если же ты не видишь Его, то познай, что ты слеп
И среди света весь наполнен тьмой.
Ибо Он видим бывает для достойных, видится же не вполне,
Но видится невидимо, как один луч солнца;
И уловимым для них бывает, будучи по существу неуловим.
Луч ведь видится, солнце же скорее ослепляет;
И луч его уловим для тебя, как сказали мы, неуловимо.
Поэтому я говорю: кто даст мне то, что я имею?
То есть кто покажет мне все то, что я вижу?
Ибо луч я вижу, но Солнца не вижу. Луч же не солнцем ли для тебя и
кажется и видится?

Видя его, я желаю увидеть и всего Родителя (его).
Таким образом, видя, я опять говорю: кто покажет мне то, что я вижу?
И наоборот, имея лучи все внутри дома,
Я снова говорю: где найду я источник лучей?
Луч же с своей стороны другим источником во мне ясно является.
О необычайное чудо чудес! Солнце вверху блистает,
Луч же солнца напротив – на земле другим солнцем для меня
Является, и освещает поистине подобно первому,
И это есть второе (солнце); имея его, я и говорю, что имею;
Но созерцая точно также это другое солнце вдали от себя, я кричу:

Кто даст мне того, кого я имею? ибо они не отделены друг от друга,
Но и совершенно неразлучны и разделены несказанно.

По сравнению со всем много ли я имею? – зерно одно или искру,
И желаю получить все, хотя и все, конечно, имею.

О чем это по сравнению со всем ты говоришь мне? как над
неразумным, ты глумишься;

Перестань глумиться надо мною и не говори: но я все имею,
Хотя отнюдь ничего не имею. – Удивляюсь, как или к чему ты
говоришь (это)?

Послушай, снова скажу я: помысли о великом море

И нарисуй в уме моря морей и бездну бездн.

Итак, если ты стоишь [лицом] к ним

На морском берегу, то, конечно, ты скажешь мне, что хорошо

Видишь воду, хотя всю отнюдь не видишь.

Ибо как бы ты увидел всю (воду), когда она без предельна для глаз
твоих

И неудержима для рук твоих? – Сколько видно тебе, конечно,
(столько) и видишь ты.

Если бы кто спросил тебя: видишь ли ты все моря?

Никоим образом, ответишь ты. А держишь ли все (их) в горсти? Нет,
скажешь ты, ибо как могу я (держат их)? Но если бы он снова спросил
тебя:

Не вполне ли ты видишь их? – да, скажешь ты, нечто небольшое вижу

И держу морскую воду. Итак, в то время, когда

Ты держишь руку в воде, имеешь в руке своей и все

В совокупности бездны, ибо они не разделены друг от друга;

И не все, но лишь немного (воды).

Итак, по сравнению со всеми много ли ты имеешь?

Как бы каплю одну, скажи; но всех (бездн) ты не имеешь ³²².

Так и я говорю тебе, что, имея, я ничего не имею.

Я нищ, (хотя) и вижу лежащее предо мною богатство;

Когда я насыщусь, (тогда) голоден; когда же беден, (тогда) богат;

Когда пью, (тогда) жажду; и питье весьма сладко;

Одно вкушение (его) тысячекратно утоляет всякую жажду.

И я всегда жажду пить, пия совершенно без насыщения;

Ибо желаю удержать все и выпить, если бы возможно было,

Все вместе бездны; но так как это невозможно,

То я всегда жажду, говорю тебе, хотя в устах моих

Всегда находится вода, текущая, изливающаяся и омывающая.

Но, видя бездны, я вовсе не думаю, что пью нечто,
Желая удержать всю (воду); и обильно опять имея
Всю всецело в руке своей, я всегда нищ,
Имея с малым (количеством) всю, конечно, в совокупности (воду)
Итак, море – в капле, и в ней же опять бездны
Бездн в совокупности. Поэтому, имея одну каплю,
Я имею все в совокупности (бездны). Капля же эта опять,
Которую, говорю тебе, приобрел я, вся нераздельна,
Неосязаема, совершенно неуловима, неопишуема также,
Неудобозрима вовсе, или она и есть Бог весь. Если же так и такова для
меня эта Божественная капля,

То могу ли я думать, что всецело имею нечто? поистине, имея, я
ничего не имею.

Скажу тебе снова об этом иначе: (вот) с высоты светит солнце;
Входя в лучи (его), лучше же обладая лучами,
Я бегом поднимаюсь вверх, (чтобы) приблизиться к солнцу.
Когда же, достаточно приблизившись, я думаю прикоснуться,
Луч ускользает из рук моих, и я тотчас ослепляюсь,
И лишаюсь того и другого, и солнца и лучей.

Ниспав с высоты, я сию и опять плачу,
Ища прежнего луча. Итак, когда я нахожусь в таком состоянии,
Он (луч), вес мрак ночи разнявши, ко мне,
Как вервь, с высоты небесной нисходит.

Я тотчас хватаюсь за него, как за уловимый, и сжимаю, (чтобы)
удержать,

Но он не удержи́м; однако же неуловимо
Я держу его и иду вверх. Итак, когда таким образом восхожу я,
И лучи совосходят (со мною). Превосходя небеса
И небеса небес, я опять вижу солнце.

Оно гораздо выше их, но бежит ли оно, не знаю,
Или стоит, – не ведаю. Дотоле я иду, дотоле бегу,

И между тем не могу достигнуть. Когда же я превосхожу высоты
ВЫСОТ

И бываю, как мне кажется, превыше всякой высоты;
Лучи (вместе) с солнцем исчезают из рук моих,
И я, падая, несчастный, тотчас низвергаюсь во ад.
Таково дело, таково делание у духовных.

У них непрестанный бег сверху вниз и снизу вверх:
Когда упал, тогда бежит, когда бежит, то стоит;

Склонившись весь книзу, весь есть вверху,
Обтекая же небеса, снова утверждается внизу.
Начало этого течения конец есть, конец же – начало.
Совершенствование бесконечно, начало же это – опять конец. Как же
конец? – как сказал богословски Григорий:

Озарение есть конец (предел) всех вожделевающих ³²³,
И Божественный свет – упокоение от всякого созерцания.
Поэтому достигший видения его упокоивается от всего,
И отделяется от тварей, ибо он видит Творца их.
Видящий Его вне всего есть, один с Единым,
Ничего из всего не видя. Да молчит же то, что в нем,
Ибо оно неясно видится и отчасти познается.
Итак, ты поражен, услышав о том, что внутри видимого.
Если же ты поражен этим, то как не покажусь я тебе баснословом,
Изъясняя тебе то, что вне [видимого]? Ибо совершенно неизреченны
И невыразимы вовсе Божественные (вещи) и то, что в них.
Да и (настоящее) слово разве (может быть) любовью принуждаемо
говорить

О вещах Божественных и человеческих? Поэтому, оставив
Божественные (вещи)

И поведав тебе нечто из своих [переживаний], я в этом слове покажу
тебе

Путь и закончу. Познай себя, что ты двояк,
И двоякие имеешь очи, чувственные и умные,
Так как два есть солнца и два также света,
Чувственный и умный. Если ты видишь их, как и создан ты
В начале, то будешь человеком; если же чувственное видишь,
А умного Солнца – отнюдь нет, то ты полумертв, конечно.
Полумертвый же и мертвый во всем бездействен. Ибо если
бездействен всяк не видящий чувственно,

То не тем ли более не видящий умного света мира?

Он мертв и хуже мертвого: мертвый (ничего) не чувствует,

Но какое мучение будет иметь умерший чувством?

Лучше же (сказать) он будет как бы вечно умирающим в муках.

Но видящие Творца разве не пребывают живыми вне всего?

Ей, они и вне всего живут и среди всего суть,

И видимы бывают всеми, но не для всех видимы.

Ощущая настоящее, хотя и находятся они среди всего,

Но бывают вне всего, являясь превыше чувства к нему;

Сочетавшись с невещественным, они не ощущают чувственного,
Ибо очи (их хотя) и видят, но с нечувственным ощущением.

Каким образом? скажи мне, скоро скажи. – Как видящий огонь не обжигается,

Так и я вижу нечувственно. Ты видишь огонь, каков он,

И пламя, конечно, видишь, но не чувствуешь боли;

Но ты находишься вне его, и видя, не обжигаешься;

Однако видишь с ощущением. То же самое, пойми меня, испытывает

И видящий духовно, ибо ум (его), созерцая все,

Рассуждает бесстрастно. Какую дивную красоту видит он!

Но без похоти. Итак, огонь есть красота,

Прикосновение – похоть: если ты не коснешься огня,

Как почувствуешь боль? – никоим образом.

Точно также и ум, пока не возымеет худого желанья, видя золото,

Будет смотреть (на него) совершенно как на грязь, и на славу не как на славу,

Но как на один из воздушных призраков,

И на богатство – как на (сухие) деревья в пустыне,

Долу лежащие (вместо) ложа. Но зачем пытаюсь я все это
Рассказывать и изъяснять? Если опытом не постигнешь,

То не можешь познать этого. Недоумевая же в познании, будешь
говорить:

Увы мне, как не знаю я этого! увы мне, скольких благ я лишаясь

В неведении! и будешь стараться познать это,

Дабы называться гностиком (ведущим). Ибо если себя самого ты не
знаешь,

Какого рода и каков ты, то как познаешь Творца?

Как наименуешься верным? как даже человеком назовешься,

Будучи волком, или зверем, или подобным какому-либо бессловесному
животному?

А то и хуже его будешь, не ведая Создавшего тебя.

Кто, не зная Его, посмеет сказать, что он разумен,

Не будучи (таковым)? ибо как (разумен) тот, кто лишен разума?

Лишенный же разума (слова) находится в разряде бессловесных.

Но упасенный людьми, он всеконечно будет спасен.

Если же не желает, но удаляется в горы и ущелья,

То добычею зверей будет, как заблудший ягненок.

Это делай и (об этом), чадце, заботься, да не отпадешь.

Гимн 42. О богословии и о том, что Божественное естество неисследимо и совершенно непостижимо для людей ³²⁴.

Господи Боже наш, Отче, Сыне и Душе,
Ты по образу безвидный, для созерцания же прекраснейший,
Своею неизъяснимою красотой помрачающий всякое видение,
Прекрасный превьше зрения, ибо Ты превосходишь все,
Бесколичественный в количестве, видимый для тех, кому Ты изволишь,
Сущность пресущественная, неведомая и Ангелам;
Ибо бытие Твое они познают из действий Твоих.
Ведь Ты наименовал Себя Самого Богом поистине сущим (Исх. 3, 14);
Это мы и зовем сущностью, называем ипостасию,
Воипостасным (ἐνυπόστατον) именуя Того, Которого никто никогда не видел, –

Триипостасного Бога, единое безначальное Начало.
Иначе же как посмеем мы назвать Тебя сущностью,
Или прославлять в Тебе три отдельных ипостаси?
И каково соединение (их), – кто совершенно уразумеет?
Ибо если Отец в Тебе, и Ты во Отце Твоем,
И от Него происходит Св. Дух Твой,
И Сам Ты, Господи, – Дух Твой,
Дух же Господом назван и Богом моим,
И Отец Твой есть и называется Духом;
То никто однако ни из Ангелов, ни из людей никогда не видел,
Ни созерцал этого, ни образа не познал;
(Да и) как изречь (это)? как выразить? как дерзнуть наименовать:
отделением,

Или соединением, или слиянием, или смешением, или растворением?
Как едино (назвать) тремя, три же – единым?
И поэтому, Владыко, на основании того, что Ты сказал
И чему научил, всяк верный верует и славословит державу Твою,
Так как все в Тебе совершенно непостижимо,
Неведомо и невыразимо ³²⁵ для созданий Твоих.
Ибо недомысленно уже бытие Твое,
Так как Ты существуешь несозданным, равно как и родил Ты
(несозданно).

Да и как созданный уразумет образ бытия Твоего?
Или рождения Сына Твоего, Бога и Слова,
Или исхождения Божественного Духа Твоего, Чтобы и соединение
Твое он познал, и разделение уразумел,
И точно изучил вид Твоей сущности?
Никто еще не увидел ничего Твоего из того, о чем я сказал.
Ибо невозможно Богу быть иным по естеству,
Чтобы и Твоего естества можно было исследовать
Сущность, вид и образ, и ипостась также.
Но Ты Сам в Себе Самом существуешь один только Бог Троица,
Один зная Себя Самого, Сына Твоего и Духа
И Ими одними знаемый, как соестественными.
Прочие же, как бы лучи чувственного солнца,
И [то если] они добре видящие и ясно зрячие,
Сидя внутри дома, видят входящие,
Солнца же этого совершенно не видят;
Так свет славы Твоей, так озарения (Твои),
И их (даже) гадательно, очищенным умом
Сподобляются видеть от души Тебя ищущие.
Тебя же (Самого), каков Ты по существу и какого рода,
Или как Ты родил однажды, или вечно рождаешь
И не отделяешься от рождаемого от Тебя, но Он
Весь есть в Тебе, весь все наполняя Божеством;
Ты же, Отец, весь пребываешь в Самом Сыне
И имеешь исходящего от Тебя Божественного Духа,
Всеведущего и (все) исполняющего; как Бог по существу,
И Он не отделяется от Тебя, ибо от Тебя истекает
(Ты – источник благ, всякое же благо – Сын Твой,
Через Духа уделяющий их всем достойно,
Благоутробно и человеколюбно, и Ангелам и человекам),
Никто (говоря) никогда ни из Ангелов, ни из людей не увидел
Или не познал бытия Твоего, ибо Ты – несозданный.
Все же (прочее) Ты произвел, и может ли оно знать,
Как Ты рождаешь Сына Твоего и как всегда источаешь?
И как происходит от Тебя Дух Твой Божественный?
И Ты отнюдь не рождаешь когда-либо, родив, конечно, однажды, Ни
источая, Ты не потерпел оскудения или умаления,
Ибо Ты пребываешь преисполненным, неоскудевающим превыше
всего,

Весь во всем мире, видимом и мысленном,
И наоборот вне их находишься, Боже мой,
Совершенно не допуская ни приращения, ни убавления,
Весь хотя и недвижимый, всегда так пребывая,
Но действиями Ты всегда приснодвижен.
Ибо и Ты – Отец имеешь непрестанное делание,
И Сын Твой соделывает спасение всех,
И промышляет, и усовершенствует, и содержит, и питает,
Животворит и возрождает Духом Святым.
Ибо что видит Сын Отца творящим,
То и Сам также совершает, как сказал Он (Иоан. 5, 19).
Таким образом, будучи и недвижим и как-то приснодвижен,
Ты ни движешься, ни стоишь, ни сидишь наоборот;
Но, всегда сидя, совершенно всегда стоишь;
Стоя же, напротив весь всегда движешься,
Никогда не переходя, ибо куда Ты уйдешь?
Все, как сказано, наполняя и будучи превыше всего,
В какое иное место или страну перейдешь Ты?
Но ты и не стоишь, ибо Ты бестелесен.
Простой, все наполняющий, совершенно неизобразимый,
Невещественный, неописанный, Ты весь непостижим;
И как скажем мы, что Ты сидишь, или наоборот, что Ты стоишь?
Как станем утверждать, что Ты восседаешь или на каком престоле,
Когда в руке (Своей) Ты содержишь небо и землю,
И все, что под землю, Твоею же держится силою?
Какой престол вместил бы (Тебя) или какого рода храмина?
Или как или где ³²⁶ она построена? или на каких основаниях,
На каких столбах поднимается? – кто совершенно уразумеет (Тебя)?
Горе людям и всякой тварной природе,
Дерзающей исследовать таковое о Боге,
Прежде чем не будет она озарена, просвещена, прежде чем не узрит
Божественных (вещей),
И не сделается созерцательницей таинств Христовых.
Которых даже Павел, увидев, совершенно не мог высказать.
О самом же Боге он не удостоился ничего большого услышать,
Уразуметь или совершенно научиться,
Кроме того, что Он есть сущий Бог всех и Создатель,
Творец и Податель всех произведенных (вещей).
Мы же, несчастнейшие, заключенные во тьме,

И совершенно будучи тьмой чрез наслаждение удовольствиями,
И не знающие самих себя, как и каким образом одержимы бывают
Погребенные страстями, слепые и мертвые,
Исследуя истинно Сущего, безначального, несозданного Бога,
Единого бессмертного и для всех невидимого,
Говорим о Боге, как точно знающие,
Будучи (сами) удалены от Бога.
Ибо если бы соединились с Ним, то никогда не дерзали бы
Говорить о Нем, видя, что все у Него
Неизреченно и непостижимо;
И не только касающееся Его (Самого), но и
Дел Его в большей части неведомо для всех.
Ибо кто бы изъяснил (даже) то, как Он образовал меня от начала?
Какими руками взяв персть, Он – совершенно безтелесный,
И как не имеющий уст, подобно нам, вдунул в меня (дыхание)?
И как я стал душою бессмертною (Быт. 2, 7)?
Скажи мне, как из брения (образовались) кости, нервы,
Мясо, жилы, кожа, волосы,
Глаза и уши, губы и язык? Как голосовые органы и твердые зубы
Чрез дыхание внятно образуют членораздельную речь?
Из сухого и влажного, теплого и холодного вещества,
Чрез смешение противоположных (стихий), Он соделал меня живым
(существом).

Итак, как ум связан с плотью, и как плоть
Срастворена с невещественным умом без смешения и слияния?
Ум же и душа, не смешиваясь, произносят
Внутреннее слово для людей, и остаются такими же
Нераздельными, неизменными и совершенно неслитными.
Итак, зная, братие, что это неизъяснимо
И для всех непостижимо – то, что касается нас,
Как не трепещем мы исследовать Того, кто из несущего
Сотворил нас таковыми, или помышлять и говорить
О том, что превьше слова и превьше ума нашего?
Итак, будучи тварями, убойтесь же Творца
И исследуйте одни только заповеди Его;
Старайтесь соблюдать их изо всей вашей силы,
Если хотите сделаться и наследниками той жизни.
Если же вознерадите о Его повелениях,
И презрите волю Его, как сказал Он ³²⁷,

И не поверите Ему по одному, конечно, слову;
То ни слава, ни достоинство, ни богатство мира сего,
Даже ни знание буге внешних наук,
Ни сочинение, ни составление красноречивых слов,
Ни что другое из земных дел и вещей
Не принесет (вам) никакой пользы тогда,
Когда все и всех будет судить Бог мой.
Но то слово Владыки, которое мы презрели,
Станет тогда пред лицом каждого в отдельности
И осудит всякого, не сохранившего его.
Ибо оно не слово праздное, но живое слово Бога
Живого и пребывающего во веки веков. Итак, суд будет [происходить]
так, как сказал Он, 1)
Когда заповедь одновременно, увы мне, встретит
И обличит верного и совершенно неверного,
Покорного и непокорного словам Владыки,
Того, кто был старательным, и нерадивого.
И таким образом отделены будут неправедные от праведных,
Непокоривые от совершенно послушных Христу,
Любящие ныне мир сей от боголюбцев,
Жестокосердные от благосердных, и от милостивых
Немилостивые; и станут все они вместе
Обнаженными от богатства, чести и власти, которыми
Насладились в мире, и сами себя, увы мне, осудят,
Став самосудьями дел своих;
И услышат: отыдите, малые и великие,
Не покорившиеся Мне Владыке – Человеколюбцу.
Какового праведного осуждения да избавимся мы, Владыко,
И да уллучим часть овец Твоих, Слове,
Туне, как не имеющие надежды спасения
От дел и осужденные, ныне и во веки.

Гимн 43. О богословии и о том, что сохранившие образ (Божий) попирают злые силы князя тьмы; прочие же, у которых жизнь проходит в страстях, находятся в его власти и царстве 328.

Свет – Отец, свет Сын, свет и Дух Святой.
Смотри, что говоришь ты, брате, смотри, чтобы не погрешить.
Ибо три суть один свет, один не разделенный,
Но соединенный в трех лицах неслитно.
Ибо Бог весь неразделен естеством,
И существом поистине превыше всякой сущности.
Не разделяется Он ни силою, ни образом, ни славою, Ни видом, ибо
весь Он простой и созерцается (как) свет.
В Них лица – едино, три ипостаси – едино,
Ибо три в едином, лучше же три едино.
Три эти – одна сила, три – одна слава,
Три – одно естество, существо и Божество.
Они и суть единый Свет, (который) просвещает мир,
Не этот видимый мир, да не будет,
Так как не познал Его и не может познать
Сей видимый мир, ни друзья мира,
Ибо любяй мир сей враг Божий бывает (Иак. 4, 4);
Но человека, которого Сам Он сотворил по образу
Своему и по подобию, мы называем миром (κόσμος),
Потому что он украшается (κοσμεῖται) добродетелями, господствует
над земными (тварями),
Подобно тому как и (Сам) Он имеет власть над вселенной,
И царствует над страстями – это и есть то, что по образу –
И покоряет демонов, виновников зла,
Попирая великого древнего дракона,
Как ничтожную птичку. А каким образом – послушай, чадо.
Князь этот, падший чрез лишение света,
Тотчас оказался во тьме, и со всеми
Вместе с ним падшими с неба (духами) находится во тьме,
И в ней, во тьме, говорю, царствует над всеми

Держимыми в ней бесами и людьми.
Всякая душа, не видящая света жизни, светящего
И днем и ночью, мучима им бывает,
Уязвляема, томима, восхищаема и связываема,
И повседневно искалывается стрелами удовольствий,
Хотя и мнит, что сопротивляется и не падает.
Но в поте [лица], с одним великим трудом и подвигом
Она всегда ведет с ним непримиримую брань.
Всякая же душа, видящая Божественный свет,
От которого он ниспал, презирает его,
И будучи осияваема самим неприступным Светом, Попирает этого
князя тьмы, как листья,
Ниспадшие на землю с высокого дерева;
Ибо силу и власть он имеет во тьме,
Во свете же делается совершенно мертвым трупом.
Слыша же о свете, внимай, о каком свете говорю я тебе.
Не подумай, что я говорю об этом солнечном свете,
Ибо во свете его ты видишь многих людей,
Согрешающих, как и я, ужасно бичуемых,
Падающих и испускающих пену среди дня,
И невидимо страждущих от злых духов.
И хотя светит солнце, но никакой от него больше
Пользы не бывает тем, которые преданы бесам.
Итак, я говорю тебе не о свете чувственного солнца,
Ни о дневном, да не будет, отнюдь ни о светильничном,
Ни о свете многих звезд и луны,
Вообще не о сиянии видимой красоты
Я разъясняю тебе, что оно всецело имеет такое действие света.
Ибо чувственные светов освещают и озаряют
Одни только чувственные очи, давая видеть
Только чувственное, а не мысленное, разумеется.
Поэтому все, видящие только чувственное,
Слепы умными очами сердца.
Умные же очи умного сердца
И освещаться должны умным светом.
Ибо если имеющий телесные зеницы угасшими
Весь омрачен и не знает, где находится;
То насколько же более тот, у кого слепо око души,
Омрачен будет и телом и в действии,

Да и духом не будет ли почти омертвевшим?
Итак, точно уразумей, о каком свете я говорю тебе.
Ибо не о вере говорю я тебе, ни о совершении дел,
Ни о покаянии, ни о посте, конечно,
Ни о нестяжании отнюдь, ни о мудрости, ни о знании,
Даже ни о науке, ибо ничто из этого не есть
Свет ни отблеск того света, о котором говорю тебе;
Ни внешнее благоговение, ни наружность Смиренная и простая, ибо
все это деяния

И исполнение заповедей: если они хорошо совершаются
И исполняются, как Сам Создатель заповедует,
То многообразно изливаются слезы,
(Которые) или полезны бывают или наоборот вредны;
Покамест сами по себе, они совершенно бесполезны.
Бдение же не есть, конечно, только (дело) монахов,
Но и вообще людей занятых делами.
Женщины – ткачихи, золотари и медники
Более бодрствуют, нежели весьма многие монахи.
И поэтому мы говорим, что ничто из всех этих
Добродетельных деяний не называется светом.
Поэтому и собранные во едино все деяния
И добродетели без исключения не суть Божественный свет,
Ибо все человеческие деяния далеки от него.
Впрочем и эти деяния, совершаемые нами,
Называются нашим светом для живущих во зле,
Наставляя и их добру (Мф. 5, 16);
И та тьма, которая находится во мне и ослепляет меня,
Бывает светом для ближнего и светит для видящих.
И чтобы ты не подумал, что я говорю тебе (нечто) невероятное,
Послушай, я скажу тебе и решение загадки:
Положим, я пощусь ради тебя, чтобы явиться постящимся,
И хотя этот рожон в глазах моих является
Как бы бревном, конечно, воткнутым в них посредине (Мф. 7, 3–5),
Но ты просвещаешься, видя меня (постящимся), если не осуждаешь
меня,

Но совершенно порицаешь себя, как чревоугодника;
Ибо этим ты наставляешься к воздержанию чрева
И явственно научаешься презирать наслаждение.
(Или) еще – одевшись в худую и оборванную (одежду)

И ходя везде в одном хитоне, я думаю
Снискивать славу и похвалу от видящих меня
И казаться для них как бы другим, новым апостолом, И (хотя) это
бывает для меня причиною всякого вреда
И поистине тьмой и густым облаком в душе моей,
Но видящих меня просвещает и научает
Презирать уборы и богатство
И одеваться в простую и грубую одежду,
Что и есть поистине апостольское одеяние.
Так и все прочие добродетельные деяния
Суть действия вне света, дела без луча.
Ибо, будучи собраны вместе, как раньше сказал я,
И соединены воедино, добродетельные деяния –
Ежели (это) и возможно в человеке –
Подобны светильнику, лишенному света.
В самом деле, как нельзя называть огнем одни уголья,
Даже и (горящие) еще уголья, или пламенем – дрова,
Так ни вся вера, ни дела, ни деяния,
Ни исполнение заповедей недостойны называться огнем, пламенем
Или Божественным светом, ибо в действительности они не суть
(свет).

Но так как они могут воспринять этот огонь, приблизиться к свету
И возжечься чрез неизреченное соединение,
То это и служит похвалою и славой добродетелей.
И ради этого всякое подвижничество и всякие деяния
Совершаются нами, чтобы мы, как свеча, приобщились
Божественного света, когда душа, как один воск,
Вся предлагается неприступному свету;
Лучше же подобно тому, как бумага обмакивается в воске,
Так и душа, утучненная всякими добродетелями,
Вся возжжется от него, насколько возможет увидеть,
Насколько вместит ввести в свою храмину.
И тогда, просвещаясь, добродетели, как приобщившиеся
Божественного света, и сами называются светом,
Лучше же и они суть свет, срастворившись со светом;
И (как) свет, просвещают самую душу и тело
И поистине светят, во-первых, тому, кто стяжал (их),
А затем и всем прочим, находящимся во тьме жизни.
Каковых просвети, Христе, Духом Всесвятым И соделай

наследниками царства небесного,
Со всеми святыми Твоими ныне и во веки.

Гимн 44. О богословии и о том, что ум, очистившись от вещества, неведественно созерцает Неведественного и Невидимого 329

Каким путем мне пойти? на какую стезю уклониться? на какую лестницу взойти? какими вратами войти? как и в каком чертоге открыть дверь? в каком или каковом жилище найти Того, Кто в руке и длани (Своей) содержит вселенную? На какую мне гору взойти и с какой стороны? и какую отыскать там пещеру? или какое болото пройдя, я несчастный сподоблюсь узреть и удержать Вездесущего, Неуловимого и Невидимого? В какую преисподнюю мне низойти, на какое небо взойти и пределов какого моря достигнуть, (чтобы) найти совершенно Неприступного, совершенно беспредельного и совершенно Неосязаемого? Скажи, как найти мне в вещественном Неведественного, в создании Создателя, в тленном Нетленного? Каким образом, находясь в мире, могу стать я вне мира? связанный с веществом, как соприкоснусь я с Неведественным? весь будучи тленным, как соединюсь с Нетленным? (пребывая) в смерти, как совершенно приближусь к Жизни? как, мертвый, приступлю я к бессмертному? будучи весь сеном, как дерзну прикоснуться к огню? Однако выслушай теперь и разрешение этих таинств.

Прежде чем сотворено небо, прежде чем произведена земля, был Бог Троица, один уединенный, Свет безначальный, Свет несозданный, Свет совершенно неизреченный, однако Бог бессмертный, один бесконечный, постоянный, вечный и весьма благостнейший. Хорошо уразумей единого Бога в начале, Троицу пребезначально сущую, превыше всякого начала, Неизобразимого, Неизмеримого по высоте, глубине и широте, не имеющего предела величия и света. (В начале) не было ни воздуха, как ныне, ни тьмы не было вовсе, ни света, ни воды, ни эфира, ни чего-либо другого, но был один Бог – Дух совершенно световидный и вместе всемогущий и неведественный. Он сотворил Ангелов, Начала и Власти, Херувимов и Серафимов, Господства, Престолы и неименуемые чины, служащие Ему и предстоящие со страхом и трепетом. После же того Он произвел небо, как свод, вещественное и видимое, чувственное и грубое, и как один Он ведает, распростер его во мгновение (ока). И вместе землю, воды и все бездны посреди него (неба) тою же мыслью одною Он сотворил такими, как и ныне мы все видим. И внутри (их) остался тот

невещественный Свет, непричастный (ничего из этого). Небо распростертое, чувственное, как сказал я, не пресекло сияния невещественного Света. Ибо, будучи, как сказано, вещественным, оно оказалось вне невещественного не местом, конечно, но природою и сущностью. Ведь Невещественный отделен от вещественного, не имея собственного места. Ибо, будучи Сам неограничен, Он словом в Себе Самом все производит, и отделенный по естеству от всех тварей и все нося в Себе, вне всего пребывает. Ибо подобно тому, как ум и Ангел стенами или дверями ни вне жилища не бывают удаляемы, ни внутри удерживаемы; так и Творец их никоим образом не находится ни вне, ни внутри неба, ни в ином месте, но совершенно везде пребывает Богом, удаленным от всего вещественного и от произведенных Им тварей. Итак, небо сотворено было вещественным и, различаясь по природе от невещественного света, оставалось как бы большим домом без света; но Владыка вселенной возжег солнце и луну, дабы для чувственных (созданий) они и светили чувственным образом. Он дал (нам) в руки даже и (такой род) света, удивительно извлекаемый из железа и кремня, который светил бы и ночью. (Сам) же Он далек от всякого (вещественного) света и будучи светлее света и блистательнее (всякого) сияния, нестерпим для всякой твари. Ибо как при свете солнца не видно звезд; так если и Владыка солнца восхощет воссиять, то никто живой не стерпит Его восхода. Поэтому он совокупил ум с вещественным прахом и всех нас людей поместил среди вещественного, дабы мы, твердою верою и соблюдением заповедей снова очистив невещественный ум, который мы залили мраком преступления чрез пожелание вещественных страстей и вкушение удовольствий, в вещественном невещественно узрели тот невещественный Свет, который, я сказал, пребезначально был Богом, (Свет) невидимый для чувственных и вещественных очей и неприступный для умных очей сердца. В самом деле, дивлюсь я, каким образом душа, будучи вся невещественна и имея умное око света, пользуется однако чувственным образом и телесными очами, как бы двумя окнами, и выглядывая чрез них, видит все видимое, и поворачиваясь обратно, невещественным образом созерцает мысленное и невещественное; будучи же неизреченным образом ³³⁰ удерживаема посреди нетленного и тленного, одним она влечется вниз к удовольствиям и страстям, другим же окрыляясь к небу, понуждается пребывать там; однако низвлекается и снова горячо стремится всегда возноситься, желая от видимого быть небошественной (и видеть под собою все, что ощущается зрением) ³³¹. Ибо, смотря на все в этом мире, как на сети, она боится всецело ступить

или сесть на землю, чтобы, будучи удержанной, не увязнуть, конечно, в них и не сделаться добычею диких зверей. Такова жизнь благочестивых, верных и всех святых, которой всем должно подражать, дабы с ними (также) предстать непорочными Судии всех, Христу Богу, и быть общниками славы и царства Его во веки.

Гимн 45. О точнейшем богословии и о том, что не видящий света славы Божией хуже слепых 332.

О щедролюбивый Боже мой, Творче мой, воссияй мне более неприступным светом Твоим, дабы исполнить радостью сердце мое. Ей, не гневайся, ей не остави (меня), но озари светом Твоим душу мою, ибо свет Твой (это) – Ты, Боже мой. В самом деле, Ты хотя и называешься многими и различными именами, но Сам Ты – едино. Это же Единое для всякой природы неведомо, невидимо и неизъяснимо, Которое, будучи уясняемо (через сравнение), называется всякими именами). Итак, это Единое есть триипостасное Естество, единое Божество, единое царство, единая сила, ибо Троица есть едино. Ведь Троица едина – Бог мой, а не три. Однако это Единое есть три по ипостасям, однородным друг другу по естеству, равномошным и совершенно единосущным, с одной стороны неслитно превыше ума соединенным, с другой наоборот нераздельно разделяемым, в едином три, и в трех едино. Ибо един есть сотворивший все Иисус Христос с безначальным Отцом и собезначальным Духом Святым.

Итак, Троица есть совершенно нераздельное единство: в едином три, и в трех едино; лучше же три эти едино, и едино наоборот – три. Разумей, поклоняйся и веруй ныне и во веки. Ибо это Единое, когда явится, воссияет и озарит, когда сообщится и преподастся, то бывает всяким благом. Поэтому оно и называется нами не одним, но многими (именами): светом, миром и радостью, жизнью, пищей и питием, одеянием, покровом, скинией и божественным жилищем, востоком, воскресением, упокоением и купелью, огнем, водою, рекою, источником жизни и потоком, хлебом и вином, и общим услаждением верных, роскошным пиром и наслаждением, которым мы таинственно наслаждаемся, поистине солнцем незаходимым, звездою вечно сияющей и светильником, светящим внутри душевной храмины. Это Единое есть и многое, Оно и разрушает и созидает. Это Единое Словом произвело все и Духом силы содержит все это. Это Единое из ничего создало небо и землю, дало (им) бытие и неизреченно составило. Это Единое волею (одною) сотворило солнце, луну и звезды – чудо новое и необычайное. Это Единое повелением (своим) произвело четвероногих, гадов и зверей, всякий род пернатых и все в море (живущее), как все мы видим. Наконец, Оно сотворило и меня, как царя, и все это дало мне для служения, как рабов, рабски исполняющих мои потребности. Итак, (в то

время как) все (прочее) сохранило и доселе хранит повеление этого Единого, Бога, говорю, всех, один я несчастный оказался неблагодарным, непризнательным и непослушным Богу, создавшему меня и изобильно подавшему все эти блага. Преступив заповедь, я сделался непотребным и оказался, жалкий, хуже всех скотов, хуже зверей, гадов и птиц. Уклонившись от правого и божественного пути, я жалким образом потерял данную мне славу, совлекся светлой и божественной одежды, и родившись во тьме, ныне лежу в ней, не зная, что я лишен света. Вот, говорю, солнце светит днем, и я вижу его, с наступлением же ночи я возжигаю для себя свечи и светильник, и вижу. И (кто) другой из людей имеет [в этом отношении] что-либо большее меня? Ибо так (только), конечно, люди и (могут) видеть в сем мире, и (иначе или) более этого никто из людей не видит. Говоря это, я лгу, глумлюсь над собою, самого себя прельщаю, Спасителю, и противоречу себе, не желая познать себя, что я слеп, не желая трудиться, не желая прозреть, не желая, осужденный, признать свою слепоту.

Кто же видел Бога, свет мира? – говорю я, и говорю, Владыко, совершенно бесчувственно, не разумея, что худо мыслю и говорю. Ибо говорящий, что он совершенно не видит и не созерцает света Твоего, а тем более утверждающий, что это и невозможно – видеть, Владыко, свет Божественной славы Твоей, отвергает все Писания Пророков и Апостолов и слова Твои, Иисусе, и домостроительство. Ибо если, воссияв с высоты, Ты явился во тьме и пришел в мир, Благоутробне, восхотев подобно нам человеколюбно пожить с людьми, и неложно сказал, что Ты свет мира (Иоан. 8, 12; 9, 5), мы же не видим Тебя; то (разве) не слепы мы совершенно и не являемся ли, Христе мой, еще более жалкими, чем слепые? – Подлинно так, поистине мы мертвые и слепые, потому что не видим Тебя – животворящего Света. Слепцы не видят чувственного солнца, но и живут, Владыко, и как-то движутся. Ибо оно не дарует жизни, но только (возможность) видеть. Ты же, будучи всеми благами, всегда даешь их рабам Твоим, видящим свет Твой. Так как Ты – жизнь, то и подаешь жизнь со всеми другими, говорю, благами, которыми Сам Ты являешься. Имеющий Тебя поистине обладает в Тебе всем. Да не лишусь же и я Тебя, Владыко, да не лишусь Тебя, Творче, да не лишусь Тебя, Благоутробне, я презренный и странник. Ибо странником и пришельцем здесь, как благоугодно было Тебе, я сделался не произвольно, не по своей воле, но по благодати Твоей я познал себя самого странником между этими видимыми (вещами); умно озаренный Твоим светом, я познал, что Ты переводишь человеческий род в невещественный и невидимый мир и

поселяешь (в нем), разделяя и распределяя достойным обитания, каждому сообразно тому, как сохранил он, Спасе, Твои заповеди. Поэтому молю и меня учинить с Тобою, хотя и много согрешил я, более всех людей, и достоин муки и казни. По приими меня, Владыко, припадающего, как мытаря и блудницу, хотя и не одинаково я плачу, хотя и не так же отираю, ноги Твои Христе, власами своими, хотя и не подобно воздыхаю и рыдаю. Но Ты изливаешь милость, точишь благоутробие и источаешь благодать, имиже и помилуй меня. (О Ты, руками и ногами на кресте пригвожденный и в ребра копьем прободенный, о Ты милосерднейший) ³³³, помилуй и избави меня от огня вечного, сподобив меня отныне добре послужить Тебе, тогда же неосужденно стать пред Тобою и быть воспринятым внутрь чертога Твоего, Спасе, где я буду радоваться с Тобою, благим Владыкою, неизреченною радостью во все веки.

**Гимн 46. О созерцании Бога или вещей
Божественных, о необычайном действии
Духа Святого и о свойствах (περὶ τῶν ἰδίῳν)
Святой и единосущной Троицы. И о том, что
не достигший вступления в царство
небесное не получит никакой пользы, хотя
бы он был и вне адских мук 334.**

Что это соделано Тобою во мне,
О всевиновный Боже и Царю?
Ибо что мне сказать или что помыслить? Хотя и велико видимое мне
чудо,
Но оно неведомо и невидимо для всех.
Какое же это (чудо)? – скажи мне. Достоверно скажу:
Тьмой и тенью, чувственным и чувством,
Вещественною тварью, кровью и плотью
Держим я, несчастный, и (с ними) смешан, Спасителю,
Находящегося же в них несчастно и жалостно,
Меня обнимает ужас, когда я хочу сказать [о том чуде].
Я вижу умно, но где, что и как – не знаю.
Ибо совершенно невыразимо, как я [вижу].
Где же [вижу] – это, думается мне, и известно и не известно:
Известно потому, что во мне (нечто) видится,
И наоборот вдали показывается;
Однако же и неизвестно, так как оно вводит меня
В (некое) место, никоим образом и совершенно нигде (не
находящееся),
И производит во мне забвение чувственного,
И обнаженным от всего вещественного и видимого
И (даже) от тела вне изводит меня.
Что же производит во мне это,
Что и вижу я, сказал, и не могу высказать?
Однако слушай и уразумеешь эту вещь.
Итак, она совершенно недержима для всех,
А для достойных и уловима, и сообщима,

И преподаваема, быв совокуплена неуловимо,
И соединена с чистыми неслитно,
И срастворена в несмесном смешении –
Вся со всеми непорочно живущими.
Она светит во мне наподобие лампы,
Скорее она видится сперва на небе,
Будучи неизмеримо выше небес,
Видится весьма неясно, незримо;
Когда же я с трудом взыщу (ее)
И неотступно стану просить, чтобы воссияла,
То она или яснее видится там же,
Отделяя меня от дольного
И неизречно соединяя со светлостью ее,
Или вся сполна внутри меня показывается, (Как) шаровидный, тихий
и Божественный свет,
Безобразный и безвидный, во образе безобразном
Видимый и говорящий мне следующее:
Зачем ты ограничиваешь Мое присутствие небесами
И там ищешь Меня, думая, что Я (там) обитаю?
Зачем полагаешь, что Я нахожусь на земле
И разглашаешь, что Я пребываю со всеми,
Определяя, что Я везде нахожусь?
Итак, это «везде» приписывает Мне величину,
Но Я совершенно не имею величины,
Ибо знай, что естество Мое превьще величины;
А то «на земле» показывает ограничение,
Но Я, конечно, совершенно неограничен.
Ты слышал ведь, что Я пребываю со святыми,
Сам весь существом (Своим) ощутительно,
Чрез созерцание и даже приобщение,
Со Отцом Моим и Божественным Духом,
И явно почиваю в них?
Итак, если ты скажешь, что Мы вместе сопребываем в каждом,
То сделаешь (из Нас) многих, разделив на многих;
Если же скажешь, что один, то как один и тот же в каждом,
Лучше же как этот один и вверху и внизу?
Как один и тот же будет сопребывать со всеми?
Как все исполняющий будет обитать в одном?
Находясь же в одном, как будет и все наполнять?

Послушай о неизреченных таинствах неизреченного Бога,
(Таинствах) предивных и совершенно невероятных.
Есть Бог истинный, поистине есть.
Это исповедуют все благочестивые.
Но Он ни что не есть из того, что мы вообще знаем,
Даже ни что из того, что знают Ангелы.
В этом [мире] Бог, говорю, ни что не есть,
Ни что из всего, как Творец всего,
Но превыше всего. Ибо кто бы мог сказать,
Что есть Бог, то есть, чтобы сказать,
Что Он есть то-то или то-то? я совершенно не знаю, Какой Он, каков,
какого рода или Он различен.
Итак, не знал Бога, каков Он
По образу и виду, по величине и красоте,
Как я изъясню Его действия:
Как Он видится, будучи невидим для всех?
Как пребывает со всякой тварной природой?
Как обитает во всех святых?
Как наполняет все и нигде не наполняется?
Как Он превыше всего и везде находится?
Ведь этого никто совершенно не может сказать.
Но о Ты, Которого никто из людей совершенно не видел,
О Всецарю, единый преблагоутробный,
Благодарю Тебя от всего сердца своего,
Что Ты не презрел меня, во тьме долу
Лежащего, но коснулся меня Своею Божественною рукою,
Увидев которую, я тотчас восстал, радуясь,
Ибо она сияла светлее солнца.
Я старался удержать ее, несчастный,
Но она тотчас исчезла из глаз моих.
И я снова весь оказался во тьме,
Упал на землю, плача и рыдая,
Валяясь и тяжело вздыхая,
Желая снова увидеть Твою Божественную руку.
Ты простер ее и явился мне яснее,
И я, обняв, облобызал ее.
О благодать, о великое благоутробие!
Творец дал (мне) поцеловать руку,
Содержащую все (своею) силою.

О дарование, о неизреченный дар!
И снова Создатель взял ее обратно,
Испытывая, конечно, произволение мое,
Люблю ли я ее и ее Подателя,
Презираю ли все, предпочитал ее,
И пребываю ли в любви к ней.
Я тотчас оставил мир и то, что в мире,
Закрыв все вместе чувства:
Очи, уши, ноздри, рот и уста,
Умер для всех сродников и друзей,
Ей, поистине я умер волею, И взыскал одну только руку Божию.
Она же, увидев, что я так сделал,
Тайно коснувшись руки моей, взяла (ее)
И повела меня, находящегося среди тьмы.
Ощувив (это), я с радостью последовал:
Быстро бежал я ночью и днем,
Шествуя бодро и со усердием.
Идя же, напротив я был недвижим,
И тогда более успевал (простираюсь) вперед.
О таинства, о победные награды, о почести!
Когда таким образом я бежал среди ристалища,
Та неизреченная рука (Божия) настигла (меня) –
Так как мой святой отец молился –
И коснувшись жалкой головы моей,
Дала мне венец победы,
Лучше же (сама) она стала для меня венцом.
Видя ее, я ощутил неизреченное веселие,
Неизреченную радость и благодушие.
Ибо как (мне было) не (радоваться), победив весь мир,
Посрамив князя мира сего
И от руки Божией Божественный венец,
Лучше же саму руку Владыки всех
Получив, о чудо, вместо венца?
Изливая свет, она выделась мне невестественно,
Непрестанно и невечерне.
Она простирала мне как бы сосец
И сосать молоко нетления
Обильно давала мне, как сыну Божию.
О сладость, о неизреченное наслаждение!

Она и чашею Божественного Духа
И бессмертного потока сделалась для меня,
От которой причастившись, я насытился тою пищей
Небесной, которою одни Ангелы
Питаются и сохраняются нетленными,
(Являясь) вторыми светами чрез причастие первого (Света).
Так и мы все Божественного и неизреченного
Естества соделались причастниками,
Чадами Отца, братьями же Христа, Крестившись Всесвятым Духом.
Но, конечно, не все мы познали благодать,
Озарение и приобщение, потому что не (все)
Таким образом родились, но это едва
Один из тысячи или десятка тысяч
Познал в таинственной созерцании;
Все же прочие дети – выкидьши,
Не знающие Родившего их.
Ибо как дети (νεχροί), крестившись водою
Или и огнем, совершенно не ощущают (того);
Так и они, будучи мертвы (νεκροί) по неверию
И скудны по причине неделания заповедей,
Не знают, что с ними было;
Так как – страшное диво, чтобы прельщенною верою
Мнить себя сыном Божиим
И не знать Отца своего.
Итак, если ты говоришь, что верою знаешь Его,
И думаешь, что верою являешься сыном Божиим;
То пусть и воплощение Бога будет «верою».
А не делом, скажи, Он соделался человеком
И не чувственно родился.
Если же поистине. Он стал сыном человеческим,
То и тебя, конечно, сыном Божиим Он делает на (самом) деле.
Поэтому если Он не призрачно сделался телом,
То и мы, конечно, не мысленно (делаемся) духом.
Но как Слово поистине было плотью,
Так и нас Оно неизреченно преображает
И поистине соделывает чадами Божиими.
Пребыв неизменным в Божестве, Слово
Сделалось человеком чрез восприятие плоти;
Сохранив неизменным человеком по плоти и по душе,

Оно и меня всего соделало Богом.
Восприняв мою осужденную плоть,
Оно облекло меня во все Божество.
Ибо, крестившись, я облекся во Христа,
Не чувственно, конечно, но умно.
И как не – Бог по благодати и усыновлению
Тот, кто с чувством, знанием и созерцанием Облекся в Сына Божия?
Если Бог-Слово в неведении сделался
Человеком, то естественно следует думать,
Что и я в неведении сделался Богом.
Если же в ведении, действии и созерцании
Бог был всем человеком;
То должно мудрствовать православно,
Что и я весь чрез общение с Богом,
С чувством и знанием, не существом,
Но по причастью, конечно, сделался Богом.
Подобно тому как Бог неизменно родился
Человеком в теле и виден был всем,
Так неизреченно и меня Он рождает духовно
И, (хотя) я остаюсь человек, делает меня Богом.
И как Он, видимый во плоти,
Не был знаем народом, что Он Бог;
Так и мы [видимся такими], какими были для всех,
О чудо, видимыми, конечно, человеками,
Тем же, чем стали мы по Божественной благодати,
Мы обыкновенно не бываем видимы многими,
Но одним тем, у которых очищено око души,
Мы являемся, как в зеркале;
Не очистившимся же ни Бог, ни мы
Не бываем видимы, и для них совершенно невероятно,
Чтобы мы когда-либо всецело соделались таковыми.
Ибо неверные – те, которые утверждают
На одной вере без дел.
Если же пока не неверные, то совершенно мертвые,
Как показал Божественный Павел ³³⁵.
Не окажись же неверным, но скажи мне и мудро отвечай:
Что из этих двух предпочтешь ты:
Мертвую ли веру, лишенную дел,
Или неверие с делами веры?

Конечно, ты скажешь: какая польза дел
Без правой и совершенной веры?
А я напротив возражу тебе: какая непременно
Польза веры без дел? Итак, если ты желаешь познать то, о чем мы
прежде сказали,

И сделаться Богом по благодати,
Не словом, не мнением, не мыслью,
Не одною только верою, лишенною дел,
Но опытом, делом и созерцанием
Умным, и таинственнейшим познанием;
То делай, что Христос тебе повелевает
И что Он ради тебя претерпел.
И тогда ты увидишь блистательнейший свет, явившийся
В совершенно просветленном воздухе души,
Невещественным образом ясно (увидишь) невещественную сущность,
Всю поистине проникающую сквозь все,
От нее же (души) – сквозь все тело, так как душа находится
Во всем (теле) и сама бестелесна;
И тело твоё просияет, как и душа твоя.
Душа же с своей стороны, как воссиявшая благодать,
Будет блистать подобно Богу.
Если же ты не станешь подражать смирению,
Страданиям и поруганиям Создателя
И не пожелаешь претерпеть их,
То либо мысленно, лучше же чувственно
Ты (сам) остался, о безумие,
Во мраке и тартаре своей плоти,
Которая есть тление. Ибо что иное,
Как не смерть в бессмертном сосуде [быть]
Заклоченным (в нем), конечно, на веки,
Лишаясь всех благ, которые во свете,
И самого света? я ведь не говорю уже
О предании огню и скрежету Зубов, и рыданию и червю,
Но (об одном) обитании в теле, как в бочке,
После воскресения, как и прежде этого,
И (чтобы) никуда ни вне не выглядывать,
Ни внутрь совершенно не воспринимать света,
Но лежать таким образом, лишаясь
Всех здешних наслаждений и будущих,

Как и прежде сказал я. Итак, скажи, слушатель, Говорящий: я не хочу
быть

Внутри самого царствия,
Ни наслаждаться теми благами,
Но мне бы только быть вне мучения
И хотя бы не принять совершенно огненного испытания.
Какая тебе будет польза (от этого), как сказал я?
Отвечай мне, мудрейший, и скажи:
Полагаешь ли ты, что есть или будет
Другое большее наказание?
Да не будет; в самом деле, ты утверждаешь, что, будучи одним,
Ты и будешь тогда находиться в муках и мучиться.
Ведь если бы ты сказал, что и духовное тело
Тогда получишь, то разве может душа
Быть заключена в нем, как в бочке?
Послушай и поучись, как это будет.
Подобно тому как семя сеется по роду
Пшеницы, говорю тебе, ячменя и прочих (злаков),
И по роду опять дает и всход;
Так и тела умирающих
Падают в землю, какими случится им быть.
Души же, разрешившись от них,
В будущем воскресении мертвых
Каждая из них по достоинству находит
Покров полный света или тьмы.
Чистые и приобщившиеся света,
И возжегшие свои светильники
Будут, конечно, в невечернем свете;
Нечистые же, имеющие очи сердца
Слепыми и полными тьмы,
Как увидят Божественный свет?
Никоим образом – скажи. Итак, ответь мне,
Когда они (станут) просить по смерти, кто услышит их,
И отверзет им очи, увы мне,
Когда они добровольно не хотели прозреть
И возжечь душевный светильник?
Поэтому их ожидает беспросветная тьма.
Тела же, как сказали мы, равно
Тлеют и гниют и у святых, Но восстают, какими они посеяны.

Пшеница чистая, пшеница освященная –
Святые сосуды Святого Духа,
Так как они были наичистейшими,
То и восстают также прославленными,
Сияющими, блистающими, как Божественный свет.
Вселившись в них, души святых
Воссияют тогда светлее солнца,
И будут подобны Владыке,
Божественные законы Которого они сохранили.
(Тела) же грешных также восстают (такими),
Какими и они посеяны в землю:
Грязевидными, зловонными, полными гниения,
Сосудами оскверненными, плевелами зла,
Совершенно мрачными, как соделавшие дела тьмы
И бывшие орудиями всевозможного
Зла лукавого сеятеля.
Но и они восстают бессмертными
И духовными, однако подобными тьме.
Несчастливые же души, соединившись с ними,
Будучи и сами мрачны и нечисты,
Сделаются подобными диаволу,
Как подражавшие делам его
И сохранившие его повеления.
С ним они и будут помещены в неугасимом огне,
Быв преданы тьме и тартару;
Лучше же они низведены будут
По достоинству, соразмерно тяжести
Грехов, которые каждый носит,
И там будут пребывать во веки веков.
Святые же напротив, как сказали мы,
Поднявшись каждый на крыльях (своих) добродетелей,
Взыдут в сретение Владыки,
И они каждый по достоинству:
Как кто предуготовил себя, конечно,
Так ближе или дальше и будет от Создателя,
И с Ним пребудет в бесконечные веки,
Играя и веселясь непостижимым веселием. Аминь.

Гимн 47. О богословии и о том, что не изменившемуся чрез причастие Св. Духа и не сделавшемуся с познанием Богом по усыновлению непозволительно учить людей (вещам) Божественным 336.

Кто утешит скорбь сердца моего? сказав – скорбь, я показал любовь (λόθου) к Спасителю. Любовь же эта есть действие Духа, или лучше существенное Его присутствие, ипостасно (ἐνυποστάτως) видимое внутри меня, (как) свет. Свет же этот несравним и весь невыразим. Кто отделит (и разлучит) меня от чувственных (вещей), от которых я избавился однажды и скрылся от них, ставши вне мира ³³⁷? кто даст мне тишину и спокойствие от всего, дабы я насытился красотой и созерцанием Того, непостижимость Которого воспламеняет (во мне) эту любовь (τὸν λόθου)? ипостасная же любовь (ἐνυποστάτος λόθος) есть несколько постижимое [в Нем]. Ибо любовь (ἀγάπη) есть не имя, но Божественная сущность, сообщающая и непостижимая и совершенно Божеская. Сообщимое постижимо, а что выше его, то – никоим образом. Поэтому я и сказал тебе, что та любовь (τὸν λόθου) постижима и что она ипостасна, как сообщающая и постижимая. Ибо все постижимое и сообщимое есть, конечно, сущность ипостасно сообщающая и точно также постижимая, так как не имеющее сущности и есть ничто и называется (ничем). Божественное же и несозданное естество пресущественно, так как оно превосходит сущность всего тварного; называясь пресущественным, оно однако имеет сущность (ἐνούσιος) и ипостась (ἐνυποστάτος), будучи мыслимо превыше всякой сущности и совершенно несравнимо с тварной ипостасью, ибо оно все неограниченно по природе. Не ограничиваемое же как ты назовешь ипостасью? а не имеющее ипостаси есть ничто; как же оно сообщимо мне? Если же ты не веришь, то я приведу тебе свидетелем Павла, утверждающего, что и то и другое верно. Ибо когда он говорит, что имеет внутри Христа, говорящего и вещающего ему Пресвятым Духом, то утверждает, что Божество сообщимо и ограничиваемо, Которое (однако) соприсутствовало в нем неограниченно и непостижимо. Когда же представляет обитающим во свете неприступном и свидетельствует, что Оно никогда не было видимо человеком (1 Тим. 6, 16); тогда показывает неограниченность (Его) и непостижимость. Ибо как он приобщился или

всецело прикоснулся того, Кого никто из людей никогда не видел? – никоим образом, конечно, – скажешь ты мне, если ты не желаешь спорить (со мною). Когда же опять он говорит тебе: «Бог (древле прежде) рекий из тьмы свету воссияти, иже воссия» внутри меня (II Кор. 4, 6), то какого иного Бога, скажи, дает разуметь тебе, как не Того, Который обитает во свете неприступном, и Которого никоим образом никто из людей никогда не видел? Ибо Сам пресущественный, будучи исперва несозданным, воспринял плоть и видим был для меня сотворенным, Сам всего меня, (Им) воспринятого, дивно обожив. Веруешь ли этому, скажи мне, и ничуть ли не сомневаешься? Итак, если Бог, соделавшись человеком, как веруешь ты, обожил меня – человека, которого Он воспринял, то я, соделавшись Богом по усыновлению, вижу Бога по естеству, Того, Кого никто из людей никогда не мог, да и совершенно не может увидеть. Те же, которые восприняли Бога делами веры и, быв возрождены Духом, наименовались Богами, видят Его Самого – Отца их, всегда обитающего во свете неприступном, имея Его обитателем, живущим в них самих, и сами (взаимно) обитают в Нем – совершенно неприступном.

Это есть истинная вера, это дело Божие, это печать христиан, это Божественное общение, это сопричастие и Божественный залог, это есть жизнь, это царство, это одеяние, это хитон Господень, в который облакаются крещающиеся верою, не в неведении, говорю тебе, и не в бесчувствии, но чрез веру с чувством и знанием, чтобы ты не сказал, что я (лишь) верую, что облекся во Христа. Я не говорю: веруй этому, но дело веры (и утверждение веры, и правое исповедание веры) ³³⁸ и несомненное совершенство [полноту] веры имей, оттого что ты с чувством и знанием облекся во Христа, сияющего, блистающего славою Божества и в яснейшем свете всего тебя изменяющего, (между тем как) ты неизменно остаешься двояким из того и другого: по усыновлению – Богом, по природе же весь являешься (ничем иным, как) человеком. Когда же ты соделаешься таковым, как сказал я тебе, тогда приди и стань с нами, о брате мой, на горе Божественного ведения и Божественного созерцания, и мы услышим вместе Отчий глас.

Увы, насколько лишены мы Божественного достоинства! насколько удалены от жизни вечной! Сколь небо отстоит от земли преисподних и несчастным образом некогда там удержанных, настолько или даже еще более все мы поистине отстоим от достоинства Божия и Божественного созерцания, хотя, сверх ожидания, говорим, что обитаем с Ним и имеем в себе пребывающим и обитающим всего Того, Кто живет в неприступном свете; и сидя в преисподней, хотим (еще) философствовать о том, что над

землею и на небе, и превыше небес, как точно знающие, и рассказывать (о том) всем и называться знатоками (γνώστικοί) ³³⁹ и основательными богословами и таинниками неизреченных (откровений), что и есть, конечно, признак бесчувствия. В самом деле, неужели не бесчувствен и даже более того тот, кто, родившись несчастно в преисподней и обитая в совершенном мраке настоящего мира, и не узрев света будущего века, который совершенно воссиял на земле и непрестанно сияет, утверждает, что знает и понимает то, что на небе, и видит все тамошнее, и прочих (тому) учит? Ибо подобно тому, как слепец, захотевший спорить со зрячими и утверждать, что эта монета – медная, и эта печать (кого-то) другого, [а не царя], и (вычеканенные) на монете буквы означают то-то и то-то, поистине был бы необычайным чудищем для слышащих и видящих, что монета эта – золотая и весьма звонкая, и печать поистине царская, показывающая (ничуть) неподдельный образ царя, а начертание означает его имя; так (то же самое) и с нами бывает, но мы не допускаем, чтобы нечто (подобное) могло случиться, и никого не стыдимся: ни самих святых ни Ангелов, сверху взирающих на наши (дела). Но на нас исполняется слово Господне, говорящее, что видящие не видят, и опять слышащие затыкают скорее душевные уши, и отнюдь не слышат глаголов Духа (Мф. 13, 13). Хотя телесными, плотскими ушами они и слышат, но духовные уши сердца имеют покрытыми, и совершенно не могут слышать Бога. Ибо они никоим образом не в состоянии снять с самих себя покрывала гордости и нечувствия, потому что сами на себя возложили его добровольно и хотят (иметь) очи и уши покрытыми, и потому думают, что видят и слышат. Если же кто скажет им, послушайте, чада мои, снимите покрывало с сердец ваших (II Кор. 3, 15), то они раздражаются за эти самые слова, что он назвал их не отцами, но чадами, и возымев к нему от этих слов (тем) большую ненависть, не могут понять находящуюся в них страсть, лучше же – страсти, помрачающие ум и сердце и удаляющие от Бога уже воспринятых (Им). Рабы самомнения и гордости, добровольно ставшие (ими) и отдавшиеся в плен, они всегда исполняют свою волю; оставив Божии законы, они сами себе суть закон, и не Богу, но себе самим они служат, о дерзость, вместо славы Божией ища своей (славы) и стараясь создать ее всякими делами и способами. Итак, слава Христова есть крест и страсти, которые Он подъял ради нас, дабы нас прославить. Но они не хотят этого претерпеть, как Он претерпел, и отказываются сделаться участниками славы Божией ³⁴⁰, предпочитая, о нечестие, славу от людей, и избирают добровольное отлучение от Бога. Но Ты, Христе мой, избавь надеющихся на Тебя от гордости и скверного пристрастия к

суетной славе, и соделай причастниками Твоих страданий и славы, и сподоби нас быть нераздельно Твоими ныне и в будущие веки веков. Аминь.

Гимн 48. Кто есть монах и какое его делание. И на какую высоту созерцания взошел этот Божественный Отец 341.

Монах – тот, кто не смешивается с миром
И с одним Богом непрестанно беседует;
Видя (Его), он и (Им) видим бывает и, любя, – любим,
И соделывается светом, неизреченно сияющим.
Будучи прославляем, он (тем) более считает себя нищим,
И принимаемый в домах ³⁴², является как бы странником.
О совершенно необычайное и несказанное чудо!
От безмерного богатства я беден,
И обладая многим, думаю, что ничего не имею,
И от обилия вод, говорю, я жажду.
Кто даст мне то, что я изобильно имею?
И где найду я Того, Кого повседневно вижу?
Как удержу я то, что и внутри меня есть,
И вне мира, ибо оно совершенно невидимо?
Имеющий уши слышать да слышит,
Правильно понимая слова неученого.

Гимн 49. Моление к Богу, и как этот Отец, соединяясь с Богом и видя славу Божию, в нем самом действующую, приходил в изумление ³⁴³.

Как я внутри себя поклоняюсь Тебе и как вдали Тебя созерцаю?
Как в себе усматриваю и на небе вижу Тебя?
Ты один знаешь, делающий это и сияющий, как ³⁴⁴
Солнце, невещественно в моем вещественном сердце.
Ты воссиявший мне светом славы Твоей, Боже мой,
Через Апостола Твоего и ученика и раба,
Всесвятого Симеона, Сам и ныне воссияй мне
И научи Духом петь ему гимны,
Новые вместе и древние, Божественные и сокровенные,
Дабы чрез меня дивились знанию Твоему, Боже мой, (Псал. 138, 6)
И (тем) более проявлялась великая премудрость (Твоя),
И все, услышав, восхвалили Тебя, Христе мой,
Так как и я говорю новыми языками по благодати Твоей.
Аминь, да будет, Господи, по воле Твоей.
Я болезную, я страдаю смиренною душою своею,
Когда внутри ее явится ясно сияющий свет Твой.
Любовь называется у меня болезнью и является
Страданием, оттого что я не могу всего Тебя обнять
И насытиться, насколько мне желательно, и [потому] я въздыхаю.
Однако, так как я вижу Тебя, то для меня довольно и этого,
(Что) и будет (мне) славою, и радостью, и венцом царствия,
И превьше всего сладостного и вожделенного в мире;
Это покажет меня и подобным Ангелам,
А быть может, и большим их соделает меня, Владыко. Ибо ³⁴⁵ если Ты
невидим для них существом
И естеством неприступен, мне же Ты видишься
И совершенно смешиваешься со мною сущностью естества (Своего),
Ибо они не отделены в Тебе и совершенно не разделяются,
Но естество (есть) существо Твое и существо – естество;
То поэтому, причастившись плоти Твоей, я приобщаюсь естества
(Твоего)
И поистине бываю причастником существа Твоего,

(Делаясь) соучастником и даже наследником Божества
И бывая в теле выше бестелесных,
Я полагаю, (что) и сыном Божиим соделываюсь, как сказал Ты
Не к Ангелам, но к нам, Богами так (нас) назвав: «Аз рех: Бози есте и
сынове Вышнего вси» (Псал. 81, 6; Иоан. 10, 34).

Так как Ты соделался человеком, будучи Богом по естеству,
Неизменно и неслиянно, пребыв тем и другим,
То и меня, человека по природе, соделал Богом
По усыновлению и по благодати Твоей чрез Духа Твоего,
Чудным образом, как Бог, соединив разделенное.

**Гимн 50. Общее наставление с обличением
ко всем: царям, архиереям, священникам,
монахам и мирянам, изреченное и
изрекаемое от уст Божиих 346.**

О Христе, подай мне слова мудрости,
Слова ведения и Божественного разумения,
Ибо ты знаешь бессилие моего слова
И непричастность (мою) ко внешней науке.
Ты знаешь, что Тебя одного я имею Жизнью, и разумом (словом), и
знанием, и мудростью,
Спасителем, Богом и защитником в жизни,
И дыханием смиренной души моей.
Я странник и беден словом;
Ты же – надежда моя и помощь моя,
Ты похвала, богатство мое и слава.
Ты от мира восхотел, Слове,
По благоутробию воспринять меня странного,
Недостойного, ничтожного и худшего
Всякого человека и всякого бессловесного животного.
Потому и уповаю я на милость Твою,
И прошу Тебя, и припадаю, и говорю:
Дай правое слово, дай силу, дай мне крепость
Сказать ко всем посвященным Тебе
И служащим Тебе, Царю всех,
Сказать тайносовершителям, и начальникам, и служителям,
Мнящим, что они видят Тебя и служат,
И подлинно работают Тебе, как Владыке.
Все люди: цари и вельможи,
Священники, епископы, монахи и разночинцы,
Не сочтите недостойным послушать гласа
И слов моих – человека ничтожного,
Но откройте мне уши сердца (вашего)
И услышите и уразумейте, что говорит
Бог всех и прежде всех веков,
Неприступный, единый Вседержитель,
В руке Которого дыхание всего существующего.

Цари, вы хорошо делаете, что ведете войны против язычников,
Если сами не творите языческих
Дел и обычаев, советов и решений
И многими делами своими и словами
Не отвергаетесь меня – Царя вашего.
Лучше вам было бы хранить Мои слова
И право соблюдать все заповеди Мои,
В блаженной нищете
Проводя безмятежную жизнь.
Ибо какая вам польза защищать мир
От смерти и временного рабства, Самим же повседневно быть рабами
Страстей и бесов чрез дела (свои)
И наследниками огня неугасимого.
Ибо хороши все дела, какие кто ни делает
Ради Меня и сострадания
И милосердия к ближнему,
Если прежде всего он себя самого милует,
И слова Мои хранит со всяким тщанием,
И показывает искреннее раскаяние
В том, что сделано (им), без сомнения, раньше,
И после не возвращается более к тому,
Но пребывает (твердым) в Моих Владычных словах
И истинных законах и повелениях;
И так без нарушения делает все
Даже до смерти, ни одним словом,
Ни одной чертой из написанного
Не пренебрегая. (Вот) это – Мне жертва,
Это Мне фимиам и приношение, и дар;
Без этого же вы – хуже язычников.
Епископы – председатели, разумеете!
Вы – отпечаток Моего образа,
Вы достойно поставлены собеседовать со Мною,
Вы имеете предвозлежание над всеми праведниками,
Как именующиеся учениками Моими ³⁴⁷
И носящие Мой Божественный образ;
Вы даже над малейшим общим собранием
Восприняли таковую власть,
Каковую получил Я от Отца – Слово,
Которое воплотилось, будучи Богом по естеству

И соделавшись двояким в действиях,
Волях и естествах также;
Я, Который нераздельно и неслитно есмь
Бог, и наоборот человек и Бог.
Как человек, Я сподобил (вас) держать Меня вашими руками,
Как Бог же, Я совершенно Неуловим для бранных рук,
И невидим для не видящих,
И неприступен, [когда бываю] закланым за всех,
Я – двоякий в одной ипостаси.
Из епископов есть такие, которые по причине этого
Превозносятся над всеми малейшими,
Как над презренными и внизу сидящими.
Из епископов есть такие, которые далеки от этого достоинства,
Не из тех, у которых со словом согласуется и жизнь,
Являясь печатью их Боговдохновенного
Учения и Боговещания,
Но из тех, у которых жизнь противоположна слову,
И которым неведомы страшные Мои и Божественные (таинства):
Они думают, что держат [в евхаристии] хлеб, который есть огонь,
И, как простой, презирают Мой хлеб,
И мнят, что видят и едят кусок (хлеба),
Не видя Моей невидимой славы.
Из епископов есть многие из немногих,
Которые высоки и смиренны
Худым и противным смирением,
Которые гоняются за славою человеческою,
А Меня – Творца всех презирают,
Как нищего и презренного бедняка;
Они недостойно прикасаются к Моему телу
И, ища превосходства над многими,
Незванно входят внутрь Моего святилища,
И (внутри) чертога неизреченных [таинств]
Вступают без хитона
Благодати Моей, которой они никоим образом не восприняли,
[Приступая] к тому, на что и совне взирать им не подобает;
Но Я долготерплю, (будучи) весьма человеколюбив.
Входя же, они беседуют со Мною, как с другом,
И не пребывая там в страхе, как рабы,
Показывают себя близкими [Мне лицами]. Не разумея Моей

благодати,

Они и за других (еще) ходатайствовать обещаются,
Будучи сами повинны во многих грехах.
Совне хорошо одевая тело,
Они кажутся блистающими и видятся чистыми;
Души же хуже грязи и тины,
Лучше же (хуже) всякого смертоносного яда
Имеют эти лукавые праведники.
Ибо как некогда Иуда предатель,
Приняв хлеб от Меня недостойно,
Съел его, как часть обыкновенного хлеба,
И потому сатана вошел
В него тотчас и бесстыдным предателем
Меня – учителя (своего) соделал,
Воспользовавшись им, как слугою и рабом,
И исполнителем своей воли;
Так случается в неведении и с теми,
Которые недостойно, дерзко и самонадеянно
Прикасаются к Моим Божественным тайнам.
В особенности (таковы) возвышающиеся на престолах над святыми

348,

Над жертвенником и священством,
Имеющие совесть и прежде поврежденную
И после того совершенно осужденную;
Они, входя в Мой Божественный двор,
Бесстыдно стоят во святилищах,
Открыто разговаривая предо Мною
И совершенно не видя Моей Божественной славы,
Которую если бы видели они, то не делали бы этого
И (даже) в преддверия Моего Божественного храма
Так дерзко не смели бы войти.
Итак, что все это, что написано,
Истинно и верно, всякий желающий (может) узнать
Из тех самых дел, которые мы иереи творим;
И отнюдь не найдя никакой лжи,
Убедится и признает,
Что Сам Бог чрез меня изрек это,
Если (только) он не кто-либо из творящих это И не старается хитрыми
словами рассеять

И скрыть (свой) собственный стыд,
Который пред Ангелами и людьми
Будет открыт тем, Кто откроет
«Тайная тьмы» (I Кор. 4, 5), Господь Бог всех.
Кто из нас, нынешних иереев,
Предочистив себя от беззаконий,
Так дерзнул (приступить) ко священству?
Кто мог бы сказать это с дерзновением,
Что он презрел славу земную
И ради одной небесной священнодействует?
Кто довольствовался одним только необходимым
И не утаил чего-либо, (принадлежащего) ближнему?
Кого совесть своя
Не осуждала за взятки,
Чрез которые он старался сделаться и сделать [священнослужителем],
Купив или продав благодать?
Кто не предпочел друга пред достойным,
Поставив скорее недостойного?
Кто не старается своих близких
Друзей сделать епископами,
Чтобы пользоваться властью во всем
Чуждом? ведь это (еще одно) из посредственных (дел),
Считающиеся даже безгрешным теми,
Которые вмешиваются в дела другой церкви.
Кто по просьбе мирских (людей):
Вельмож, друзей, богатых и начальников
Не рукоположил (кого-либо) и вопреки достоинству?
Поистине нет ныне никого из
Всех их, имеющего чистое сердце,
Кого бы не колола совесть,
Так как он непременно сделал одно из того, о чем я сказал.
Но мы все бесстрашно грешим,
Не заботясь ни о пресечении зла,
Ни добра не делая;
Поэтому и не каемся,
Погрузившись во глубину зол И бесчувственно пребывая в этом.
Ибо, не вкусив Божественной славы,
Мы не можем презреть земную славу.
Любовь же к славе, говорю, человеческой

Совершенно не позволяет душе ни смиряться,
Ни добровольно порицать себя самое.
Если это так, то как, скажи мне,
Гоняющийся за славою человеческою
И нуждающийся в тленном богатстве,
Желающий иметь множество золота,
И ненасытный в похищении,
И злопамятный к тем, которые не часто дают,
Дерзнет сказать, что имеет Бога обитателем (в себе)?
Не воспринявший же Христа
И Его Отца и Духа Святого,
Известно живущего и ходящего,
Единого Бога в сердце своем,
Как покажет истинное служение?
От кого иного он научится смирению?
Или как наставлен будет Божественной воле?
Кто будет ходатаем для него или примирит (его) с Богом
И представит непостыдным служителем
Единому чистому и непорочному Богу,
На Которого Херувимы не смеют воззреть,
И Который неприступен для всех Ангелов?
Кто укрепит его безгрешно править
И неосужденно священнодействовать
Страшную службу непорочной жертвы?
Какой Ангел, какой человек может
Изречь это или возможет сделать?
Ибо я говорю и свидетельствую всем:
(Никто не заблуждайся и не обольщайся словами)
Кто прежде не оставит мира
И от души не возненавидит (всего) мирского,
И искренно не возлюбит единого Христа,
И ради Него не погубит душу свою,
Не заботясь ни о чем для человеческой жизни,
Но как бы ежечасно умирая, Не будет много плакать о себе и рыдать,
И не будет иметь желания только к Нему одному,
И чрез многие скорби и труды
Не сподобится воспринять Божественного Духа,
Которого дал Он Божественным Апостолам,
Дабы чрез Него изгнать всякую страсть,

И легко исправить всякую добродетель,
И стяжать обильные источники слез,
Откуда очищение и созерцание души,
Откуда познание Божественной воли,
Откуда просвещение Божественным озарением
И созерцание неприступного света,
Откуда бесстрашие и святость
Дается всем сподобившимся
Видеть и иметь Бога в сердце,
И быть Им хранимыми и хранить
Неповрежденными Его Божественные заповеди;
Тот да не дерзнет принимать священство
И предстояние над душами или стать начальником.
Ибо как Христос Богу Отцу Своему
И приносится и Сам Себя приносит;
Так и нас Сам Он и приносит
И Сам же опять и принимает нас.
Ибо [иначе] в суд и в осуждение будет
Предприятие таковых дел;
(Это) хуже убийства, хуже прелюбодеяния и блуда
И всех других грехов.
Все эти (грехи) ныне совершаются против людей,
Ибо мы грешим, конечно, друг против друга.
Торгующий же нагло Божественными [таинствами]
И продающий благодать Духа
Грешит, конечно, против Самого Бога.
Ибо представляющий лицо Слова
И жить должен так, как Оно,
И, следуя Ему, так говорить:
Лисицы, без сомнения, имеют норы,
И все птицы – гнезда,
Я же не имею, где главу приклонить (Мф. 8, 20).
Ибо сподобившийся быть служителем Христовым Сам совершенно не
должен иметь ничего своего,
Ни приобретать чего-либо мирского,
Кроме необходимого для тела и только;
Все же прочее принадлежит бедным и странникам,
И его церкви [в которой он служит].
Если же напротив он дерзнет для своих расходов

Безвременно пользоваться этим со властью
И принадлежащее странникам раздавать сродникам,
И строить дома, и покупать поля,
И набирать толпу рабов;
То, увы, какой суд (ожидает) его?
Без сомнения, он подобен человеку,
Все приданое жены своей
Худо расточившему по неразумию,
Который, будучи схвачен и не имея (чем) уплатить,
Когда с него требуют для нее денег, конечно,
Для возмещения его супруги,
Предается в темницу на заключение.
Так будет и с нами, священниками и священнослужителями,
Которые ради себя самих и сродников и друзей
Злоупотребляют церковными доходами
И совершенно не пекутся о бедных,
Но строят дома, бани, монастыри, башни,
Дают приданое и устраивают браки,
Церкви же свои, как чужие,
Презирают и не радят о них.
Отлучаясь на долгое время,
Мы проживаем в чужой стране,
Оставляя жен своих вдовыми
И не имея о них никакого попечения.
Иные же (из нас) пребываем в них и живем
Не потому, чтобы нас удерживала любовь к ним,
Но чтобы только жить от богатых доходов
С них и роскошествовать.
О красоте же души невесты Христовой
Кто из нас иереев заботится?
Укажи мне (хотя) одного только, и я удовольствуюсь им.
Но горе нам, священникам, монахам, Епископам и
священнослужителям седьмого века ³⁴⁹,
Так как законы Бога и Спасителя
Мы попираем, как ничего не стоящие.
И если бы где оказался один малый пред людьми,
Пред Богом же великий, как познанный Им,
Не снисходящий к нашим страстям,
То он тотчас прогоняем бывает, как один из злодеев,

И изгоняется нами из (нашей) среды,
И отлучаем бывает от собрания, как некогда
Христос наш – (от синагоги) тогдашними
Архиереями и грозными Иудеями,
Как Сам Он сказал ³⁵⁰ и всегда говорит то
Ясным гласом величия Своего.
Но есть Бог, Который вознесет его
И восприимет как в нынешней жизни,
Так и в будущей, и прославит
Со всеми святыми, которых Он возлюбил.
Но что говорит и к нам Слово?
Те из монахов, которые мните (себя) ревностными,
Изобразите благочестием внутреннее,
Тогда и внешнее, конечно, предо Мною чисто будет ³⁵¹.
Ибо это будет на пользу вам
И видящим ваши добрые дела,
А то вожделенно для Меня, Творца всех,
И для умных и Божественных чинов Моих.
Если же вы украшаете внешнее подобие человека
Одною обычною ему одеждою
И видящим вас кажетесь любезными
Чрез внешнее упражнение в трудах,
О любезном же Моем образе совершенно
Не заботитесь, об очищении и украшении
Со тщанием, слезами и трудами
Того, чрез который для Меня и для всех вы и являетесь
Людьми, понятно, разумными и Божественными; То поистине вы
уподобляетесь предо Мною гниющим гробам,
Как некогда фарисеи, как сказал Я,
Говоря и обличая их безумие:
Совне вы блистаете, будучи внутри гнилы, полны
Мертвых костей и исполнены в гнилом
Сердце злых помышлений, слов,
Страстей, мыслей и лукавой заботы (Мф. 23, 27 – 28).
Ибо кто из вас взыскал этого:
Поста, говорю, жестокого жития, трудов,
Запущенных волос, железных вериг,
Власяницы, множества мозолей на коленях,
Твердого ложа, сена для постлания ложа

И всякого другого злострадания в жизни?
(Все) это хорошо, если хорошо совершаемо бывает,
[Как принадлежность] умного и сокровенного делания
Вашего, со знанием, мудростью и разумом;
Если же – без него, то что великого в этом вы полагаете,
Мня себя нечем, будучи ничем;
Без внутреннего делания вы подобны, пожалуй, прокаженным,
Одевшимися в светлые одежды к обману видящих (их).
Но приветствуя всех внешних [пожеланием] радоваться,
Ревностно старайтесь стать [делателями] одного
Внутреннего делания, с потом и трудами
В божественных добродетелях и священных подвигах,
Дабы явиться предо Мною девственниками в мыслях,
Просвещенными всяким разумением,
И соединиться со Мною – Словом в слове
Премудрости Моей и ведения лучшего.
Все множество священного народа Моего,
Иди поспешно ко Мне, Владыке своему,
Иди и разрешишь от уз мира сего;
Возненавидь всякий обман чувств,
Скоро беги от этих причин зла:
Похоти зрения и плоти, Гордости мысленной и житейской (1 Иоан. 2,

16).

Знай, что (все) несправедное в мире,
Ведет к гибели воспользовавшегося
Им страстно или пристрастно в жизни,
И несчастно делает врагом Моим.
Восприими в сердце любовь к Моим
Божественным вещам – вечным благам,
Которые, воплотившись, Я приготовил тебе, как другу,
Дабы ты всегда был со Мною, неизреченно свечеря
На трапезе царствия Моего
Небесного со всеми святыми.
Познай себя самого, что ты смертен и тленен,
Будучи малым останком жизни на свете,
И что ничто не последует за тобою из того, что есть в мире
Блестящего или увеселительного и приятного,
Когда ты отойдешь отсюда к тамошним селениям,
Кроме одних только дел, соделанных

Тобою в жизни, злых или добрых.
И познав тленность и смертность всего
И оставив долнее, иди горе, Я зову тебя
К Себе – Богу всего и Спасителю,
Дабы ты поистине жил во веки веков
И наслаждался благами Моими,
Которые Я приготовил любящим Меня
Всегда, ныне и во веки. Аминь.

**Гимн 51. О том, что славные земли и гордые
богатством прельщаются тенью видимого;
презревшие же настоящее не обманчиво
делаются причастниками Божественного
Духа 352.**

Видя меня, Владыко, злословимого верными,
Как обольстителя и прежде обольщенного,
Так как я говорю, что по человеколюбию Твоему
И по молитвам отца моего я получил Духа Святого,
Помилуй и даруй (мне) слово, знание и мудрость,
Чтобы все противящиеся мне познали, Что внутри меня говорит Дух
Твой Божественный.

Дай мне сказать, как изрек Ты, дай и мне, как обещал Ты (о тех),
Которым никто из них, Спасителю, не возможет противоречить или
противостать (Лук. 21, 5);

Ибо Ты – Податель всех благ.

Хотя и говорят, Христе, что я, раб Твой, прельщаюсь,
Но я никогда не поверю, видя Тебя, Бога моего,
И созерцая пречистое и Божественное лицо Твое,
И воспринимая от него Твои Божественные озарения,
И будучи просвещаем Духом в умных очах своих.

Но не попусти, о Боже, прельститься всем

Ныне верующим в Тебя пагубною прелестью

Неверия в то, что Ты и ныне просвещаешь всех,

Озаряя лучами Божественного Божества Твоего.

Ибо Ты велик в милосердии, мы же – во грехах;

Ты обитаешь во свете непреступном, мы же все – во тьме;

Ты вне твари, а мы в твари;

Большинство же из нас чувством находятся

Вне (даже) и твари, будучи бесчувственны ко всему,

И противоестественно суть вне всего;

Смотря, они не смотрят, и видя, не видят,

И не могут умным чувством постигнуть

Чудес Божиих, но суть вне мира,

Лучше же в мире они находятся, как мертвые еще прежде смерти

И прежде смерти содержимые во аде преисподнейшем.
Итак, это суть те, конечно, о которых говорит Твое Писание:
Славные, богатые, гордые всем
И вообще мнящиеся быть чем-либо из таковых,
И не могущие понять стыда своего.
Ибо они приобрели себе мудрость мира сего
И славу, как одежду, и пустое самомнение,
Как жилище, создав прельщенным умом;
И в ту облекшись, в этом же обитая,
Они, как на дне, сидят во аде преисподнейшем
И не знают ни Бога, ни мира, Ни всех находящихся в мире творений
Создателя.

Ибо кто познает Творца, прежде чем не увидит Его,
В разуме, как разумный, в уме же умно
И в умном чувстве мысленно усматривая (Его)?
Кто видящий духовно чрез Божественного Духа,
Будучи таинственно озаряем и вместе наставляем,
Пришел к некоему неясному познанию Творца?
Ибо так очищающийся сподобится получить
Яснейшее познание, как говорит все Писание.
Те же, (живущие) в страстях, как сказал я, нося безумие, как одежду,
И облекшись в самомнение, как в славу,
Утешаются и смеются над прочими,
И играют с тенями по подобию щенков.
Если [последним] ты бросишь орех, и он, покотившись, загремит,
То они подскакивают, хватаются, ослабиваются на него
И с ним валяются и вместе играют;
И если кто протянет пред ногами (их) веревку,
То они свертываются [в клубок] и, падая и протягивая
Вверх лапы, бывают причиною смеха для всех
Видящих (их) людей, во время их падения.
Так и те бесчувственно утешают бесов
Таковыми же деяниями своими и нравами.
Итак, скажи мне на вопрос, как полагаешь ты,
Могут ли таковые поведать иным о таинствах Божиих?
Как будут они просвещены светом ведения хотя отчасти
И другим сообщат, либо праведно произведут
Правый суд с истинным рассуждением,
Будучи облечены во тьму, как в одежду,

С чувством (являясь) бесчувственными и мертвыми среди жизни?
Но о вы, боголюбцы. послушайте речений
Истинных и дивных, которые уста Господни
И прежде изрекли и ныне всем изрекают:
Если вы не отложите славы, если не отвергните богатства, Если
совершенно не совлечетесь пустого самомнения,
Если не сделаетесь последними из всех в делах
И в самых помыслах, лучше же в представлениях,
Считая себя самих последними из всех;
То не стяжете ни источников слез, ни очищения плоти,
Или не увидите, как это совершается.
Итак, плачьте о себе самих, кайтесь
И повседневно проливайте горячие слезы,
Дабы омыть умные очи сердца
И увидеть тот Свет, воссиявший в мире,
Который, сияя, вопиет и взывает: «Аз – свет миру» (Иоан. 8, 12; 9, 5)
Был, есмь и буду, и хочу быть видимым.
Ибо для того Я и в мир пришел телесно,
Единый соделавшись двояким и единым также оставшись,
Чтобы верно поклоняющиеся Мне, виденному, (как) Богу,
И хранящие заповеди Мои невидимо
Просвещались и умно тайнонаучались славе
Страшного Божества Моего и воспринятой (Мною) плоти,
И точно уразумевая двойственность естеств,
Несомненно воспевали Меня тогда, как единого Бога.
Ибо иначе невозможно хорошо познать домостроительство Мое
И снисхождение Мое, и прийти в страх,
И поклониться Мне, как Богу, бывшему во образе человека
И несказанно пребывшему Богом, –
Двум нераздельным, (как) единому ипостасью, а не естеством.
Итак, Я есмь един, Бог совершенный и человек
Всесовершенный, всецелый: плоть, душа, ум и Слово,
Весь человек и Бог в двух сущностях,
Двух также естествах, двух действиях
И двух волях, и в единой ипостаси,
Бог вместе и человек, един есмь от Троицы.
Уверовавшие ³⁵³, что Я так существую и познаю, И чрез очищение
прилежанием и покаянием
Возмогшие увидеть (Меня) в чистом сердце

И быть тайно наученными умно Моему домостроительству
Сами возлюбят Меня от всего сердца,
Сами же будут хранить и все заповеди Мои,
Изумленные Моим безмерным благоутробием;
Сами они и сопребывать будут со Мною и общниками славы
Отца Моего будут во веки веков.

Гимн 52. Блестящее исследование о мысленном рае и о древе жизни в нем ³⁵⁴.

Благословен Ты, Господи, благословен Ты единый, благословен благоутробный, преблагословенный, давший в сердце моем свет заповедей Твоих и насадивший во мне древо жизни Твоей. Ты показал меня другим раем в видимом: в чувственном – мысленным, мысленным же с чувством ³⁵⁵, (и другим духом) ³⁵⁶, ибо Ты соединил с душою (моею) иного Духа Твоего Божественного, Которого и вселил во утробе моей. Это древо жизни поистине есть одно. На какой земле оно будет насаждено, то есть в душе человека, и (если) укоренится в сердце, ту скоро показывает раем, наиболее украшенным всякими прекрасными растениями, деревьями и различными плодами, испещренным цветами и благоухающими лилиями. Это же есть смирение, радость, мир, кротость, сострадание, плач, дожди слез и необычайное услаждение в них, свет благодати Твоей, сияющий всем находящимся в раю. Ты – чаша, изливающая мне токи жизни Твоей и обильно подающая глаголы Божественного ведения. Если же Ты не восхощешь, но (напротив) отымешь это, то я становлюсь безумным и, как камень, бесчувственным. (Как) труба никогда не даст звука без вдыхания, так и я без Тебя – как бездушный. Тело без души совершенно не может действовать; так и душа без Духа Твоего не может ни двигаться, ни соблюдать заповеди Твои, Спасителю, ни видеть Тебя не может, ни предстоять Тебе, ни разумно воспевать славу Твою, о Боже мой! Поэтому я и вопию, поэтому и взываю к Тебе, Который вверху находишься со Отцом и (внизу) с нами, не одним действием, как рассуждают некоторые, и не одною волею или силою только Твоею, как думают многие, но (даже) и сущностью, если только позволительно говорить или мыслить о сущности в Тебе, единый бессмертный и пресущественный. Ибо если Ты поистине совершенно неизъясним ³⁵⁷, невидим, непреступен, недомыслен, неприкосновен, неосязаем и весь непостижим, Спасителю, то как мы назовем Тебя? как посмеем назвать Тебя сущностью и какого рода и какую? Ибо поистине Ты, о Боже мой, – ничто из всего (существующего в природе), но все дела Твои произведены из ничего, один только Ты несотворен, один безначален, Спасителю, – Троица Святая и честная, Бог всяческих. И Ты показал нам свет Твоей непорочной славы, который и ныне непрерывно подавай мне, Спасителю. Дай мне всегда чрез него, как бы в зеркале, видеть (и созерцать) Тебя, Слове, и хорошо (узреть и) уразуметь неизъяснимую красоту Твою, которая, будучи совершенно

недомысленна, более чем поражает ум мой, приводит в исступление мысли мои и возжигает в сердце моем огонь любви к Тебе; он же, содейваясь пламенем Божественного желания, яснее показывает мне славу Твою, Боже мой. Поклоняясь ей, молю Тебя, Сыне Божий, дай мне и ныне и в будущем (веке) непрестанно иметь ее и чрез нее вечно созерцать Тебя – Бога. Не дай мне, Владыко, суетной славы мира сего, ни богатства гбнущего, ни талантов золота, ни высокого престола, ни начальства над этими тленными (вещами); соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, (дабы и я также сделался смиренным и кротким) ³⁵⁸. И если это служение мое я прохожу не к пользе (своей), не к благоугождению Твоему и почитанию, то благоволи (мне) сподобиться его ³⁵⁹, и оплакивать одни только грехи свои, и иметь попечение об одном праведном суде Твоем и о том, как я буду отвечать (Тебе), много раз Тебя прогневлывший.

Ей, Пастырю сострадательный, добрый и кроткий, хотящий всем верующим в Тебя спастися, помилуй и услыши мольбу мою: не прогневайся и не отвори лица (Твоего) от меня, но научи меня исполнять Твою волю. Ибо я не ищу, чтобы была моя воля, но Твоя, дабы и я послужил Тебе, Милостиве. Заклинаю Тебя, помилуй (меня), по естеству милостивый (Псал. 85, 15), и сотвори полезное жалкой душе моей, ибо Ты – Бог человеколюбивый, один несозданный, бесконечный, поистине всемогущий, Ты – жизнь всех и свет всех возлюбивших Тебя и Тобою, Человеколюбче, весьма возлюбленных. О если бы и меня к ним сопричел Ты, Владыко, и соделал общником и сонаследником Твоей Божественной славы! Ибо Тебе подобает слава, Отцу с собезначальным Сыном и Божественным Духом во веки веков.

Гимн 53. Моление и молитва Преподобного к Богу о (даровании от) Него помощи 360.

Владыко Христе, Владыко Душеспасе, Владыко Боже всех видимых и невидимых сил, как Творец всего, что на небе и превыше неба и всех небес, равно и того, что на земле и под землею, Ты – Господь и Бог и Владыка (всего) этого, Ты в руке Своей содержишь тварь, так как ею объемлешь все. Рука Твоя, Владыко, есть та великая сила, которая исполняя волю Отца Твоего, производит, соделывает, творит и управляет нашими (делами) неизреченным образом. Итак, она и меня ныне, произведя из небытия, привела к бытию. Я же, родившись, был в этом мире совершенно неведущим Тебя, благого Владыку, Тебя – Создателя моего, Тебя, о Творче мой, и был как бы слепцом в мире и безбожником, не зная Бога моего. Итак, Ты Сам помиловал (меня), посетил и обратил, воссияв мне во тьме светом, и привлек меня к Себе Самому, о Создателю! и изведши из преисподнейшего рова – тьмы страстей, глубочайшей тьмы похотей и удовольствий житейских, показал мне путь и дал мне вождя, руководствующего к (соблюдению) заповедей Твоих, последуя которому, я жил беззаботно и радовался, Слове, неизреченною радостью, видя его последующим стопам Твоим и часто беседующим с Тобою. И даже видя Тебя, благого Владыку, (непосредственно) сопребывающим с вождем и отцом моим (духовным), я возымел невыразимую, превыше веры и надежды, любовь и желание (к Тебе). Вот я вижу будущее, говорил я, пришло царство небесное, и я вижу пред очами своими те блага, коих око не видело и ухо не слышало (I Кор. 2, 9); имея их, на что еще большее я буду надеяться? или на чем другом я покажу свою веру, ибо иного большого сверх этого не будет? Когда я был в таком (состоянии) и утешался им, Ты взял от земли, увы мне, отца моего, восхитил вождя моего от очей моих, Человеколюбче, и оставил меня одного, совершенно сирым, совершенно одиноким, совершенно лишенным всякой помощи, и предстоятелем, увы мне, и пастырем стада меня, поистине беззащитного странника, Сам поставил, имиже веси судьбами. Поэтому ныне Тебя (только) я умоляю, прошу и, припадая, взываю: не отвратись, не покинь меня и не оставь, о Владыко мой, меня одного. Ты знаешь трудность шествия по пути этому, знаешь неистовство разбойников, (злоумышляющих) против нас, знаешь множество злых зверей; Ты знаешь, Христе мой, немощь мою и неведение, которыми одержим я, как человек. Однако я совершенно не считаю себя и человеком, но далеко отстоящим от

людей. Ибо во всем я последний из всех и поистине малейший из всех людей. Излей на меня, прошу, Царю и Боже мой, великую Твою милость, которая да восполнит, Спасителю, лишения и недостатки мои и да соделает меня человеком целым, совершенным, (неповрежденным), не лишенным ничего необходимого, и так да поставит меня пред Тобою, Слове, неосужденным и непорочным рабом Твоим, воспевающим Тебя во веки веков.

Гимн 54. Молитва ко Святой Троице 361.

О Отче, Сыне и Душе, Троица Святая,
Благо неисчерпаемое, для всех текущее,
Красота многолюбезная, не имеющая насыщения,
Через веру одну и сверх надежды спаси меня.
О Свет трисиянный, о Троица Пресвятая,
Троица лицами и Единица существом,
Через веру одну и сверх надежды спаси меня.
Источник премудрости, изливание святыни,
Через веру одну и сверх надежды спаси меня.
О огонь, очистительный для грехов,
Душу мою очисти от прегрешений,
(Душу мою омой от неведения) 362,
Душу мою исхити от скверн,
Властвуй над помышлениями души моей,
Царствуй над представлениями ума (моего) 363,
Покажи меня всесильным царем над страстями,
Господством ума воссияй в сердце моем,
Освободи от всякого греха,
Просвети и украси омраченного, Воззри на меня оком
милостивейшим,
(Очисти и удобри потемненного).
О Отче, Сыне и Душе, Троица Святая,
Ты мне подай светоносного Ангела,
Уму помощника, пестуна, защитника,
(Хранителя души моей и тела),
Руководителя, направляющего ко спасению.
Очисти душу мою и плоть,
Ты меня смертного содейай освященным,
Ты меня устрани от земного мудрования,
Ты иссуши во мне источники злобы,
Ты мне источи дожди слез.
Ибо Ты – Бог сострадательный, благодетель,
Незлобивый ко всем беззаконновавшим,
Весьма доступный для всех согрешивших
И долготерпеливый ко всем отвергшимся.
Неправедным и освященным,

Не беспорочным и просвещенным ³⁶⁴
Ты определил спасение искупления.
Ты подал образы покаяния даже и
Мне нечистому и непотребному,
Мне лукавому и скверному,
Мне помраченному и оскверненному.
Ибо я беззаконничал более древних,
Весьма прогневал и раздражил Тебя;
Свыше числа бесчисленных звезд,
Свыше песка морского я согрешил пред Тобою;
Нет (такого) вида зла и лукавства,
Нет постыдной злобы и порока,
Которого я не совершил во всякое время и (на вся ком) месте,
Душою, помыслом, словами и делами.
Умножились мои пороки и мерзости,
(Без числа умножились мои злодеяния),
Увеличилось бремя грехов моих, (как бы железное) ³⁶⁵. Мысленными
цепями согбена шея моя,
Неизбежными узами сжато сердце мое,
Я не могу поднять голову,
И нет (мне) ослабления в совести.
Я недостойно взираю на высоту небесную,
Нестойно попираю прах земной,
Нестойно вижу видение смертных,
Нестойно беседуя с ближним.
Ибо я вконец разжег ярость Твою,
Непристойно воспламенил страшный гнев (Твой),
Весьма прогневал и раздражил Тебя,
Соделав пред Тобою всякую мерзость,
Ничего не возжелав из Твоих непорочных желаний,
Ничего не возлюбив из Твоих вожделенных судеб,
Ничего не сохранив из Твоих премудрых повелений,
Ничего не удержав из Твоих властных глаголов.
И ныне преклоняю пред Тобою колена сердца моего,
Склоняю главу омраченную,
Склоняю выю непотребную,
Пред благостью Твоею преклоняю выю,
Благости Твоей приношу моление:
Согрешил я, беззаконничал и развратился,

(Согрешил, сотворил неправду и преступил заповеди Твои),
Согрешил, соделал неправду и явился осужденным,
Согрешил, отвергся и не устыдился.
Но умоляю благодать Твою,
Но молю незлобие (Твое),
Но упрашиваю крайнее благоутробие,
Но взываю к Тебе: спаси и помилуй меня,
Остави множество грехов моих,
Остави ужасные долги мои,
Остави многие скверны мои,
Остави все мои мерзости,
И не сокруши меня со грехами,
И не умертви меня с беззакониями,
Не восхити меня со злыми помыслами,
Не сожги меня с мерзостями,
Не лиши меня вечных благ,
Не отвергни меня от бессмертной трапезы, Не устрани меня от радости святых,
Не лиши меня спасения моего.
И снова подай мне дар крещения –
Монашеский образ ³⁶⁶, Божественный и великий,
Ибо прежний я осквернил грехами,
Прежний сделал бесполезным мерзостями.
(Даруй мне покаяние, Владыко),
Сподоби священного причащения,
Хлеба жизни и чаши Боготочной крови,
Во изглаждение многих согрешений,
Во избавление, в очищение, во спасение.
В последний же горький час смерти,
Час тяжелый и мучительный
Час темный и мрачный,
Спаси, сжался и помилуй меня;
Душу кротко отдели от плоти,
От моей негодной плоти,
Мрачную душу покажи просвещенною
И избави от лукавых бесов.
Все рукописания грехов
И записи долгов моих
Разорви, рассыпь в бездну ада,

Расторгни, испепели, попали до конца.
Пошли тогда кротких и светлых Ангелов,
Отражающих толпы бесов,
Восхищающих душу от наказания,
Сострадательных к душе мучимой,
Возносящих (ее) горе без грехов
К трисветлому и единому Царю ³⁶⁷,
Соединяющих ее со всеми спасаемыми
И сподобляющих радости святых.
В (качестве) посредника прими благость Твою,
Избранной ходатаицей дай мне благодать Твою,
Благостыню, незлобие,
Сострадание и крайнее благоутробие. Прими вторую высочайшую
ходатаицу –

Радование мира, Матеродеву – Отроковицу,
Божественную лестницу, одушевленный жезл и престол.
Прими ходатаем молниблещущий чин:
Престолов, Херувимов и огненных Серафимов,
Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелов и Ангелов.
Прими ходатаем светлого и светоносного
Предтечу Твоего, освященного
Прежде пелен, провозвестника и Богопроповедника,
Прежде Владыки воссиявшего находящимся во тьме.
Прими ходатаями лики святых:
Сонмы пророков, патриархов, отцов,
Апостолов и венценосных мучеников
И всех других светоносных святых.
Прими ходатаицей Марию Египетскую,
Человека от земли, однако же небошественного
Прими ходатаем Онуфрия Великого,
Обнажившего тело, в Божественную же одежду
Добрых дел облекшегося чудно,
Прими ходатаем Марка Афинянина ³⁶⁸,
Ефрема Сирина ³⁶⁹ и всех святых.
Ибо Ты – Бог сострадательный, благодетель,
Бог кроткий для законопреступничавших,
Бог подающий искупление грехов,
Бог дарствующий всем спасение.
О если бы же и на мне Ты показал благость (Твою)!

О если бы и на меня Ты излил токи благоутробия Твоего!
Ибо я законопреступничал более всех,
От самой утробы (матери) и до нынешнего времени. Спаси меня
вопреки достоинству и сверх надежды,
Чрез одну Твою благодать и благодатьню,
Чтобы я благословлял и с любовью величал Тебя,
Дабы благодарил и искренно воспевал;
В будущем же спасительном веке
Чтобы и я благословил благословенного Владыку,
Которого благословляют силы небесные
Во все неисчислимые веки.

Гимн 55. Другая молитва ко Господу нашему Иисусу Христу о святом причащении 370.

От скверных уст, от мерзкого сердца,
От нечистого языка, от оскверненной души
Приими моление, Христе мой, и, не отвергнув
Ни слов моих, ни обращений, ни бесстыдства,
Дай мне с дерзновением говорить то, о чем вознамерился я, Христе
мой,

Лучше же научи, что мне должно делать и говорить
Я согрешил более блудницы, которая, узнав, куда Ты зашел,
Купив миро, смело пришла помазать
Ноги Твои, Христа моего, Владыки и Бога моего.
Как ты не отверг Ты, приступившую от сердца,
(Так) и мною не возгнушайся, Слове, но подай мне Твои ноги
И держать, и целовать, и струей слез,
Как бы драгоценным миром, их дерзновенно помазать,
Омой меня слезами моими, очисти меня ими, Слове,
Остави и грехи мои и подай мне прощение.
Ты знаешь множество зол (моих), знаешь и язвы мои,
И струпы мои видишь, но и веру (мою) знаешь,
И произволение видишь, и воздыхания слышишь. Не сокрыта от Тебя,
Боже мой, Творче мой, Искупителю мой,
Ни одна капля слез, ни (даже) часть некая капли.
«Несоделанное мое видесте очи Твои»,
И в книге Твоей не сделанное еще
Написано у Тебя (Псал. 138, 16). Виждь смирение мое,
Виждь труд мой, сколь велик он, и все грехи
Остави мне, Боже всяческих, дабы я с чистым сердцем,
Трепетною мыслью и с сокрушенною душою
Причастился пречистых Твоих и пресвятых таин,
Чрез которые обожается и оживляется всяк ядущий Тебя и пьющий
От чистого сердца. Ибо Ты, Владыко мой, сказал:
Всяк «ядый Мою плоть и пияй Мою кровь
Во Мне пребывает, и Аз в нем» есмь (Иоан. 6, 56).
Совершенно истинно это слово Владыки и Бога моего,
Ибо причащающийся Божественной и боготворящей благодати
Отнюдь не один есть, но с Тобою, Христе мой,

Трисолнечным Светом, просвещающим мир.
Итак, да не останусь и я один без Тебя – Жизнодавца,
Дыхания моего, жизни моей, радости моей,
Спасения мира. Поэтому и приступил я к Тебе,
Как видишь, со слезами и сокрушенной душою,
Умоляя (о том, чтобы) получить мне искупление моих грехов
И неосужденно причаститься Твоих жизнеподательных
И непорочных тайн, чтобы Ты пребывал, как сказал,
Со мною несчастнейшим, дабы обольститель, найдя меня без
Благодати Твоей, коварно не похитил меня
И, прельстив, не удалил от боготворящих Твоих слов.
Поэтому я припадаю к Тебе и горячо взываю:
Как принял Ты блудного (сына) и блудницу, пришедшую (к Тебе), Так
прими и меня блудного и распутного, Милостиве.
Ибо, приступая к Тебе ныне с сокрушенной душою,
Я знаю, Спасителю, что (никто) другой не согрешил пред Тобою так,
как я,
Ни деяний таких не соделал, какие я совершил.
Но я знаю также и то, что ни тяжесть преступлений,
Ни множество грехов не превосходят великого
Долготерпения и крайнего человеколюбия Бога моего.
Но горячо кающихся Ты елеем сострадания
И очищаешь, и просветляешь, и делаешь причастниками света,
Без зависти соделывая (их) общниками Божества Твоего,
И – что чудно для Ангелов и для человеческих умов –
Часто беседуешь с ними, как с искренними друзьями Твоими.
Это-то и делает меня дерзновенным, это окрыляет меня, Христе мой,
И я, уповая на Твои обильные благодеяния к нам,
Радуюсь вместе и трепеща, причащаюсь огня,
Будучи сеном и – дивное чудо – несказанно орошаем,
Как некогда купина неопалимо горевшая.
Итак, благодарным умом, благодарным сердцем,
Благодарными членами души и тела моего
Я поклоняюсь, величаю и славлю Тебя, Боже мой,
Как благословенного ныне и во веки.

Гимн 56. О том, что каждому из людей Бог дал прирожденное и полезное дарование чрез Духа Святого, чтобы действовать не так, как сам он желает, но как предопределено от Него, дабы не быть бесполезным среди (членов) Церкви Его 371.

Подобно тому, как каждый имеет свой (род) деятельности, но не сам от себя принял (его), а от [всех] нас, конечно; ибо мастер для всякого (дела), какого бы ни пожелал, изготавливает (свое) орудие и искусно действует (им); поэтому нельзя жать нивы лопатою, ни плотничать серпом, ни строить ножом, ни копать пилою, ни шить топором, ни рубить дрова палкой, ни копьем не должно пилить, ни мечом метать, ни луком резать, но каждым (орудием) приспособительно должно пользоваться для каждого (дела); если же ты будешь употреблять их не для того, для чего они сделаны, но иначе, то совершенно погибла жизнь твоя и всякое (твое) действие; таким же образом, пойми меня, и Бог сотворил нас, (чтобы) каждый верный совершал в жизни (свои) дела: одних Он поставил учить, других учиться, иных начальствовать над многими, других же подчиняться им, и одним Он дал премудрость, другим знание и слово, иным (дал) пророчествовать, другим говорить языками, иным творить чудеса и производить силы, других показал предстоятелями, – (все) это духовные (дарования). Но назовем и иныя дарования Творца, которые Он дал людям каждому по достоинству: (так) одного Он сотворил крепким по телу, другого же более красивым, а иного с лучшим голосом, чем другие. И вообще каждому из людей Он даровал по достоинству (свой) дар и преимущество, как один Он знает – Бог и Творец всех, неизреченным образом, для полезной деятельности в жизни. Поэтому каждый пригоден не к тому ремеслу, какого сам он желает, но для какого он создан, и к нему он имеет природную способность и свойства. И ты можешь увидеть

стоящего гимна взят из того же греческ. изд. твор. Симеона; но этот гимн присоединен к концу 47 гимна, о чем также было уже упомянуто в одном из примечаний. Таким образом, в греческ. издании этот гимн не имеет особого заглавия, а также, по-видимому, и начала. В л. п. этого гимна совершенно нет, а в П. р., где он известен, как 54 слово, для него сохранилось только заглавие, которым мы и воспользовались для своего

перевода. Алляцию гимн Симеона НБ. известны были в том же количестве и порядке, что и в П. р. Поэтому и в приведенном им оглавлении гимнов настоящий гимн стоит под тем же 54 номером. Замечательно, что и у Алляция этот гимн значится также без начала, но с тех же слов, какими он начинается и в греческ. печатном тексте и которыми он непосредственно примыкает к концу 47 гимна. См. MP. gr. t, CXX, L. Allacius de Symeonum scriptis, col. 304D. (как) пловца, искусно переплывающего морские пучины и веселящегося (от этого) гораздо более всадника-ездока на быстром коне, (так) и земледельца, режущего плугом борозды земли и пару рабочих волов считающего гораздо лучшею царской четверни; поэтому он и радуется, утешаясь (своими) благими надеждами. Воин же наоборот себя считает выше всех земледельцев и мореплавателей и ремесленников и, как обладающий славою, гордится, идя на заклятие и [имея] скончаться безвременною смертью. Поэтому ему совершенно несносно будет ни грести веслом, ни держать заступ, ни стать плотником, ни корабельщиком, ни земледельцем или землепашцем не пожелает он быть. Но каждый, как я сказал, будет действовать в том (роде) деятельности, который он получил от Бога. Иначе же человек совершенно не может в этой жизни ни сделать что-либо, ни [даже] пожелать начатия (дела). Ибо вот, снова говорю я тебе, о чем и раньше сказал, как никогда невозможно, чтобы (какое-либо) из всех названных орудий само собою пришло в движение для действия или действовало без руки человека, берущего и изготовляющего им что-либо; так и человек без руки Божественной не может помыслить или сделать что-либо доброе. Ибо и меня (также) Художник-Слово устроило, каковым Само пожелало, и поставило в мире.

Итак, скажи, как возмогу я помыслить что-либо, или сделать, или вообще действовать без Божественной силы? Даровавший мне ум, какой, конечно, Он восхотел, Сам дает и мыслить о том, что знает, (как) полезное, и подает мне силу действовать, что Ему угодно. Итак, если я сотворю это (последнее), то Он даст, конечно, большее и человеколюбно подаст мудрствовать и о более совершенном. Если же я пренебрегу и этим самым, немногим, то поистине праведно лишусь вверенного мне от Бога Подателя и сделаюсь бездейственным и негодным орудием, как не восхотевший творить заповеди Творца, но предавшийся лени и нерадению. Потому и отвержен я от рук Владыки, ибо, вкусив непослушания к Нему и непокорности, я изгнан из истинного рая, став далеким от Бога и от рук святых.

Итак, найдя меня лежащим и всего предавшимся бездействию в добре, вселукавый змей льстиво соделал (меня) непотребным чрез всякие

бесчестные дела, которыми я услаждался, казалось, и радовался, вместо чего мне должно было бы печалиться, плакать и рыдать, так как и добровольно, несчастный, отступил от того, для чего я создан действовать, и самопроизвольно предал себя всему противоестественному, впад в несчастнейшим образом в скверные руки врага, которым я всецело и держим и движим, не будучи в состоянии, жалкий, противиться ему. Ибо как бы я мог противиться, будучи мертвым? Хитро оболыщенный, я несчастный сделался органом всякого порока, всякого беззакония и искусным орудием злого делания. Ибо, держа меня в руке и сильно влеча, он (змей) осквернил меня злодеяниями и всевозможными нечистотами, ввергнув меня в острые зловония и заставив, о бесчувствие, увеселяться ими: хищениями, завистью и неправедными смертоубийствами, ругательствами, гневом и, говоря кратко – во всяком виде порока он нашел меня действующим, лучше же сам воспользовался мною, хотя и не хотел я. С тех пор ведь, как я добровольно отвергся руки Бога и святых Его, меня похитил страшный князь-душетлитель и держал меня в руке своей, и несмотря на то, что я хотел, не мог более не совершать (дел) его, но действовал по всем его желаниям. Ибо меч не может противоречить держащему, но где ни пожелает держащий, (там) и пользуется им.

Сотворивший же меня Бог, призрев свыше и увидев меня держимым в руке тирана, сжалился и исхитил меня из руки его, и снова ввел в Божественный рай, в виноградник Свой, и предал меня в руки земледельцев-святых, чтобы я совершал Божественные (дела), возделывал добродетели, хранил заповеди и не двигался без руки святых, дабы делатель зла, снова найдя меня пребывающим вне святой руки (Божией), не похитил и опять не заставил меня совершать (дела) его. Итак, те добрые и сострадательные земледельцы, восприняв меня и взяв в свои руки всю мою волю, повелели мне немедленно упражняться в смирении и покаянии и непрестанно плакать. Ибо хранящие, чадо, сказали они мне, эти три (добродетели) и пребывающие в добром их делании вскоре, как бы не замечая, возводятся к славе, очищению, бесстрастию и Божественному созерцанию, и не бывают более улавливаемы руками ненавистника, но получают от Бога прощение всех грехов и вместе всех согрешений, и таким образом соделываются сынами Вышнего и Богами по благодати и благопотребными орудиями, совершающими всякое добро; лучше же (сказать) Божественные земледельцы наставляют и других на деяния поистине благие, на дела спасения.

Поверив им, послушайте все, и сотворив, и в руки этих земледельцев и рабов Божиих по повелению Его всего себя предав, я нашел все (это)

непреложно сбывшимся на мне, и изумился, и кричу всем, громогласно взывая и увещая и говоря (ибо я не могу погребти этого молчанием): те, которые чувствуете, что находитесь вне рук Божиих и святых Его, бегите, поспешите и прилепитесь к ним нерасторжимо, верою и горячею любовью и всецелым произволением, отбросьте всякое мудрование и свою волю, и в руки их предайте души свои, как бездушные орудия, помимо их ничего совершенно не творя, не двигаясь и не действуя. Мудрование же их да будет вашим (мудрованием), а также и святая воля их да исполняется вами, как воля Божия. И таким образом, пройдя кратким и совершенно непреткновенным путем, вы будете друзьями Бога Вышнего и в немного дней сделаетесь наследниками царства небесного и неизреченных благ. Ибо вместе с тем, как взойдете на этот правый путь, вы будете сопричислены ко всем святым, и Он всех вас соделает блаженными.

И обо мне, более всех смертных согрешившем и прошедшем этим жестким, узким, кратким и безопасным путем, изводящим на широту жизни вечной, как показавшем вам (его), помолитесь все, доброхотно пожелавшие шествовать по нему и ревностно следовать по стопам Христа, дабы и я и вы оказались непорочно ходящими им до конца жизни; да и те (также), которые желают увидеть Христа, – дабы вместе, с радостью оставив тела, пошли мы к тамошнему покою и к райскому простору, и явились наследниками той жизни. И неразлучные с Богом и всеми святыми во Христе – Единородном Сыне и Боге – Слове с Божественным Духом, мы пребудем со Св. Троицею ныне и всегда и во все веки веков. Аминь.

Гимн 57. О том, что смерть касается и более крепких по природе 372.

Изумительную новость услышал я:
Природа неведущая, крепчайшая камня,
Равная (так) называемому алмазному, поддавалась.
Тот, кого не укрощал ни огонь, ни железо,
Сделался воском, быв сплетен со свинцом 373.
Теперь я верю, что малая капля воды
От времени долбит крепость камня;
И поистине (нет) ничего неизменного в жизни.
Да не подумает кто-либо отсюда, что я оболещаю.
Горе тому, кто смотрит на скоротечные (блага) сей жизни,
Как на удержимые, и наслаждается ими;
Он убедится в том, в чем и я несчастный.
Ночь разлучила меня от сладчайшего брата,
Прервав нераздельный свет (нашей) любви.

Гимн 58. Как этот Божественный Отец, видя славу Божию, был действуем Св. Духом. И о том, что Божество находится внутри и вне всего (мира), но Оно и уловимо и неуловимо для достойных; и что мы – дом Давидов; и что Христос и Бог, соделывающийся многими нашими членами, есть один и тот же и пребывает нераздельным и неизменным
374

Когда Ты открываешь Себя, Владыко всяческих, и яснее показываешь славу лица Твоего, я весь трепещу, созерцая Тебя вверху, насколько доступно мне низкому по природе, и объятый страхом и изумлением говорю: все Твое, Боже мой, превосходит мое понимание; ибо я нечист и совершенно недостоин взирать на Тебя, чистого и святого Владыку, Которого боятся Ангелы и с трепетом служат (Ему), и от лица Которого трясется (и трепещет) вся тварь. Когда же, сказав это, я сомкну очи, то есть долу обращаю ум свой, не будучи в состоянии видеть или созерцать непокровленного Твоего зрака, тогда плачу, лишаясь красоты Твоей, Боже мой, и не вынося удаления от Тебя, единого Человеколюбца. Ты же плачущего и рыдающего всего меня, о диво, озаряешь (светом), и я поражаюсь и еще более плачу, дивясь благоутробию Твоему ко мне блудному. Тогда, видя великое неблагообразие тела (своего) и недостойнство жалкой души моей (и пораженный умом от этого созерцания, я восклицаю ³⁷⁵ кто я, о Боже и Творче всего, и что я сделал вообще доброе в жизни, или какую заповедь Твою я когда-либо вполне сотворил, что Ты прославляешь меня презренного такую славою? И почему или ради чего Ты удостоил меня жалкого днем и ночью озарять таким (светом)? В самом деле, жаждал ли я когда-либо, ища Тебя Царю мой? злопострадал ли чрез законы Твоих заповедей? потерпел ли искушения и бичевания, как все претерпевшие это святые от века, чтобы и меня, Христе, сопричислив к ним, спас Ты, не ³⁷⁶ без дел ведь Ты сопричтешь (к ним) и спасешь меня? Хотя и весьма человеколюбив Ты, как Создатель людей, (однако) я слышу Иакова, говорящего ³⁷⁷, что вера

без дел мертва (Иак. 2, 20), и трепещу наказания, ожидающего, без сомнения, там меня – презренного (человечка). Итак, каким образом, Владыко я могу надеяться, как верный, быть причтенным к тем которые прежде поработали (Тебе), когда я ни одной Твоей заповеди никогда не соблюл? Но я знаю, что Ты все можешь, все делаешь, что хочешь: Ты и последним, Владыко, даешь, как и первым, и (что особенно) дивно – сперва последним из этих первых [то есть из последних]. Когда я говорю Тебе это, Творцу мира, прежде вверху являющемуся, и некогда сокрытому от меня, и после всего меня окружающему лучами; внезапно усматриваю всего Тебя во мне, Того, Который прежде являлся вверху, но снова скрылся, подобно тому как солнце, (покрытое более тонкими) облаками, сокращает лучи. Как оно доступно тогда для видящих и словно лучше видится для всех; так и Ты, неприступный, бываешь доступен мне, сокрывшись внутри меня, бывая видим, как знаешь Ты, для моих умных очей, мало-по-малу возрастая, все яснее являясь и все более блистая. В другой же раз Ты снова для меня совершенно неприступен. Поэтому и величаю я непостижимость Твою и благодать Твою и громогласно взываю к Тебе: слава прославившему так естество наше, слава безмерному снисхождению Твоему, Спасе, слава могуществу Твоему, слава благоутробию, слава Тебе, что, пребывая непреложным и неизменным, Ты весь недвижим, (хотя) и приснодвижен, весь вне твари, но весь и во всей твари, весь наполняешь все, будучи весь и вне всего; Ты – превыше всего, Владыко, превыше всякого начала, превыше всякой сущности ³⁷⁸, превыше естества природы, превыше всех веков, превыше всякого света, Спасителю, превыше умных существ, потому что и они суть Твое, лучше же – мысли Твоей дело. Ведь Ты – ничто из всего, но превысший всего; ибо Ты причина существующего, как Творец всего. И потому Ты отделен от всего, мыслимый где-то вверху, превыше всего существующего, невидимый, неприступный, неуловимый, неприкосновенный и, будучи непостижим, пребываешь неизменным. Являясь же совершенно простым, Ты (однако весь) разновиден; и вообще ум (мой) не может уразуметь разнообразия славы и великолепия красоты Твоей.

Итак, не будучи ничем из всего, как превысший всего, Ты, Который находишься вне всего, как Бог всего, невидимый, неприступный, неуловимый и неприкосновенный, Ты Сам соделался смертным, вошел в мир и для всех явился доступным чрез восприятие плоти. Ты (даже) познан был смертными во славе Божества (Твоего) и, совершенно неуловимый, сделался уловимым для них и, для всех невидимый, весь был видим (ими), и они видели славу Божественного Божества Твоего; одни

верные – (видели) и видят; все же неверные, увидев Тебя – Свет мира, остались слепыми. Итак, верные и тогда и теперь – всегда Тебя видят и имеют с собою, Тебя – Творца всяческих, сопребывающего и обитающего (с ними) во тьме сей жизни, как солнце неприступное, как неугасимый светильник, который совершенно не объемлешься тьмой, но всегда просвещаешь видящих Тебя. А так как Ты находишься, как сказано, вне всего, то и тех, которых просвещаешь, Ты делаешь вне видимого; и подобно тому, как Ты, пребывая там вверху со Отцом Твоим, несомненно, и с нами весь Сам находишься и ³⁷⁹, будучи опять в мире, невместим для мира, ибо, находясь Сам во всем, Ты являешься превыше всего; так и нас, рабов Твоих, находящихся среди чувственных и видимых (вещей), Ты изводишь и, осияваемых светом Твоим, (всецело) совозносишь с Собою горе, и делаешь из смертных бессмертными; и мы, оставаясь тем, чем и были, делаемся по благодати Твоей сынами, подобными Тебе, и Богами, видящими Бога. Итак, кто не прибегнет к Тебе, единому Человеколюбцу? кто не последует Тебе? кто из любви не скажет: вот, бросив все, мы последуем Тебе, сострадательному, кроткому и благоутробному Владыке, всегда ожидающему нашего обращения и не хотящему смерти согрешивших Тебе (Иезек. 33, 11), (Который) и ныне совершаешь в нас страшное, о чем слыша, (как) имеющем быть ³⁸⁰ некогда в доме Давидовом, мы дивимся, что бы это могло быть ³⁸¹? Дом Давидов это – мы, как сродники его (Давида); ибо Сам Ты, Творец всего, сделался сыном его, мы же – сыны Твои по благодати. Ты сродник наш по плоти, а мы (Твои) – по Божеству Твоему. Ибо, восприняв плоть, Ты дал нам Божественного Духа, и мы все вместе стали единым домом Давидовым по свойству Твоему и по родству к Тебе. Итак, Ты Господь Давида (по Духу) ³⁸², а мы все (сыны Давида) ³⁸³, Твое Божественное семя. Соединяясь же, мы делаемся единым домом, то есть все мы сродники, все мы братья Твои. И как не страшное чудо? или как не содрогнется всяк, размышляющий об этом и взвешивающий это, что Ты пребываешь с нами ныне и во веки, и делаешь каждого жилищем и обитаешь во всех, и Сам являешься жилищем для всех, и мы обитаем в Тебе: каждый из нас в отдельности с Тобою, Спасителю, весь со всем, и Ты (взаимно) с каждым в отдельности, один с одним находишься, и превыше нас весь пребываешь единым? Итак, Ты и ныне совершаешь в нас все ужасное. Что же ужасное? – выслушайте немного из многого. И хотя все то, о чем мы сказали (доселе), более чем изумительно, однако послушай теперь и об еще более ужасном, чем то.

Мы делаемся членами Христовыми, а Христос нашими членами. И рука (у меня) несчастнейшего и нога моя – Христос. Я же жалкий – и рука

Христова и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя есть весь Христос ³⁸⁴, ибо Божественное Божество, согласишься со мною, нераздельно; двигаю ногою, и вот она блистает, как и Он. Не скажи, что я богохульствую, но прими это и поклонись Христу, таковым тебя содевающему. Ибо если и ты пожелаешь, то сделаешься членом Его. И таким образом все члены каждого из нас в отдельности сделаются членами Христовыми и Христос – нашими членами; и все неблагообразные (члены) Он сделает благообразными, украшая их красотой и славою Божества (Своего); и мы вместе (с тем) сделаемся Богами, сопребывающими с Богом, совершенно не усматривая неблагообразия в теле (своем), но все уподобившись всему телу – Христу, а каждый из нас – член (его), весь Христос есть ³⁸⁵. Итак, узнав, что таковы все, ты не утрашился или не постыдился [признать], что и палец мой – Христос и детородный член? – Но Бог не устыдился сделаться подобным тебе, а ты стыдишься стать подобным Ему? – Не Ему подобным стыжусь я сделаться, но чтобы Он (стал) подобным постыдному члену; я заподозрил, что ты изрек хулу. – Худо, следовательно, ты понял [меня], ибо не это – постыдное ³⁸⁶. Члены Христовы суть и скрытые (члены), ибо они бывают покрываемы; и потому они важнее прочих (I Кор. 12, 22–24), как незримые для всех, сокрытые члены Сокровенного, от Которого в Божественном сочетании дается и семя Божественное, ужасно вообразившееся в Божественный образ, (дается) от Самого Божества, ибо (от) всего (Божества) весь Бог Тот, Кто соединяется с

единым; каждая же часть в отдельности есть весь Христос». Дальнейший текст подлинника опущен в л. п.

Это примечание, переведенное с греческого, взято из копии Патмосск. рукописи, где оно в виде схолии помещено на ряду с текстом гимна. нами, о страшное таинство! и поистине бывает брак, неизреченный и Божественный. Он сочетается, снова скажу я об этом, с каждым в отдельности, и каждый по причине удовольствия соединяется со Владыкою. Итак, если ты облекся во всего Христа всюю своею плотью, то ты без стыда будешь помышлять о всем том, о чем говорю я. Если же вовсе нет, или ты душою своею (только) облекся в малый покров пречистого хитона, Христа, говорю; то все прочие члены, будучи в ветхом одеянии, в одном, конечно, месте, и стыдятся. Имея же совершенно нечистое тело, или лучше – облекшись в нечистое, как ты не будешь краснеть? Когда я говорю это ужасное о святых членах, и вижу великую славу, и просвещаюсь умом, когда (даже) и плоть (моя) несмысленная радуется; ты видишь свою плоть оскверненную, припоминаешь свои непристойные деяния, и ум твой, как червь, всегда пресмыкается в них. Потому ты и

приписываешь Христу и мне стыд и говоришь: не стыдно ли тебе [говорить] о постыдном, лучше же – низводить Христа в постыдные члены? Я же снова говорю тебе: усмотри Христа и в (женских) ложеснах и помысли о том, что в ложеснах, и о Том, Кто вышел из ложесн, (которые) прошел и Бог мой, изойдя оттуда. И что бы ты мог найти еще большее сверх того, о чем я сказал, что воспринял и Он к нашей славе, дабы, подражая Ему, никто не стыдился, ни говоря о том, что Он претерпел, ни сам (то) претерпевая? Он был весь человек и поистине весь Бог; Он един, неразделен, всеконечно совершенный человек, и Он же самый и Бог есть, весь во всех членах. Так было и ныне (бывает) в последние времена.

Св. Симеон Благоговейный, Студит ³⁸⁷, (вот) он не стыдился членов всякого человека, (не стыдился) ни видеть некоторых обнаженными, ни (сам) быть видимым обнаженным. Ибо он имел всего Христа и сам весь был Христом, и все свои члены и члены всякого другого, по одному и все (вместе), он всегда созерцал, как Христа, и оставался недвижимым, невредимым и бесстрастным, как сам будучи всецело Христом, (так) и усматривая Христа во всех крестившихся и облекшихся во всего Христа. Если же ты, будучи нагим, (когда) плоть (твоя) прикоснется к плоти, делаешься женонеистовым, как осел или как конь; то зачем дерзаешь клеветать на святого и изрекаешь хулу на Христа, соединившегося с нами и давшего бесстрастие святым рабам своим? И в самом деле, Он бывает женихом, (как) слышишь ты повседневно, а невестами – души всех тех, с которыми соединяется Творец и они с Ним взаимно, и (тогда) происходит брак. Сочетаваясь с ними духовно, богоприлично, Он отнюдь не растлевают (их), да не будет, но если и растленными воспринял и соединился с ними, то немедленно делает (их) нетленными. И они, видя прежде оскверненное растлением все святым, нетленным и совершенно исцеленным, прославляют Благоутробного, возлюбляют Прекрасного и всецелою любовью все прилепляются к Нему; лучше же, восприняв святое семя, как мы сказали, они внутри себя имеют всего вообразившегося Бога. Что же не истина ли это, отцы? не право ли изрекли мы о Божественных вещах? не подлинное ли [учение] Писаний я бесспорно поведал?

Итак ³⁸⁸, если Ты облекся в срамоту плоти Твоей, ни ума не обнажившись, ни души не совлекшись, (если) Ты, покрытый тьмой, не мог видеть света ³⁸⁹; то что я сотворю Тебе? как выкажу Тебе благоговение? как, увы мне, введу (Тебя) в дом Давидов? Ибо он неприступен для нерадивых, как я, весь невидим для слепых, подобных мне, совершенно далек от неверных и ленивых, далек от всех злых, от всех миролюбцев, от тщеславных же он так несравненно удален, как (если бы был) превыше

высоты небесной или глубже глубины бездны. Да и кто вообще или каким образом взыдет на небо? или снидет под землю, (чтобы) исследовать бездны? и как, взыскав, возмогу я найти жемчужину, малейшую, как горчичное зерно? Но, о чада, соберитесь, о матери приидите, о отцы, предварите, прежде чем не придет конец; и со мною все восплачьте и возрыдайте о том, что, восприняв малыми Бога в крещении, лучше же – младенцами соделавшись сынами Божиими, мы, согрешив, вскоре были извержены вне, из дома Давидова, не восчувствовав этого; и потечем чрез покаяние, ибо чрез него вступают все изверженные; иначе же невозможно ни войти внутрь, не заблуждайтесь, ни видеть того, что в нем совершилось, и ныне совершается, и в бесконечные веки, во Христе, Боге моем, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и во веки. Аминь.

Гимн 59. Послание к монаху, вопрошавшему (св. Отца): как ты отделяешь Сына от Отца, мыслью (ἐπινοίᾳ) или делом? В нем найдешь богатство богословия, опровергающего его (вопрошателя) хуление 390.

Ты воссиял и явил свет славы (Твоей),
Неприступный свет существа Твоего, Спасе,
И просветил омраченную душу,
Лучше же ту, которая есть тьма от греха,
Как потерявшую природную красоту,
И как бы из ада возвел лежащую,
И дал увидеть свет Божественного дня,
И озаряться лучами Солнца,
И самой сделаться светом, о великое чудо!
[Чему] не верят не презревшие
Славы человеческой, как Ты заповедал.
Ибо они не вкусили Божественной славы,
Которую Ты, Боже мой, дал и ныне даешь
Тем, которые от души и всецелым произволением Взыскали Тебя –
вечную славу,
Тебя воистину Бога прославленного,
Увидеть Которого не дано громкой славе.
Удостоившийся же всегда видеть Тебя
Достиг, конечно, ангельского достоинства,
Хотя и связан по природе плотью.
Если же и Ты восхотел пребывать у него 391,
Не предпочтя остаться в Себе,
То Ты исполнил Твое домостроительство,
Соделав тленного подобным Тебе
Богом, Ты – Бог пребезначальный,
Сопребывающий естеством с Богом собезначальным.
Сыном и Словом, рожденным от Тебя,
Который не мыслью отделяется от Тебя,
Но делом неотделим от Тебя.
Если же и отделяется Он, то не естеством,

А скорее ипостасью или лицом;
Ибо делом – [свойственно говорить] нечестивым и безбожным,
Мыслью же – совершенно омраченным.
В самом деле, (если) ум имеет слово, рождающееся
Непрестанно, конечно, то как же оно отделено?
Если же Оно (Бог-Слово) действительно рождается и происходит,
То и отделено, в ипостасном Слове,
Но и пребывает внутри родившего,
То есть внутри Отчего лона, должно думать,
И проходит чрез весь мир,
И все все наполняет без Отца,
И с Отцом Само все находится;
Переходит же Оно, конечно, действиями,
И переходение (Его) мыслится чрез озарение.
Ты слышал ведь, что Оно и ходит и пребывает [на месте],
И отвращает лицо и обращает (βλέπειν),
Нисходит и опять восходит,
Приходит и обратно улетает,
И многое другое, (касающееся) Божественного действия, Возвещают
все Божественные Писания,
Что изрек Всесвятый Дух,
Неизреченно исшедший от Отца
И чрез Сына ниспосланный людям:
Не неверным, не славолубцам,
Не риторам, не философам,
Не тем, которые изучили эллинские сочинения,
Не тем, которые прочли внешние писания,
Не тем, которые упражнялись в сценических представлениях
(σκηνικὸν βίον),
Не тем, которые говорят много и красно,
Не тем, которые произносят великие имена,
Не тем, которые приобрели дружбу славных,
Не тем, которые содействовали действовавшим бесчестно,
Не тем, которые приглашают и приглашаемы бывают,
Не тем, которые потешают и потешаются;
Но нищим духом и жизнью,
Чистым сердцем и телом,
Стяжавшим простое слово и еще более простую
Жизнь и простейший образ мыслей,

Бегающим славы, как огня геенского,
И от души ненавидящим льстецов,
Ибо Дух не принимает лести
И не выносит слышать о том, чего нет;
Взирающим на одну только славу души
И на спасение всех братий
И (даже) в малом сердечном движении
Не питающим сочувствия к чему-либо мирскому,
К похвалам, например, или славе человеческой,
Или всякому другому удовольствию или страсти.
Ибо они мертвы, смиренны духом и сердцем,
Кротки и ревнители о Господе.
Они нечестивы для нечестивых ³⁹²
И благоухание жизни для избранников Господних ³⁹³.
Они (даже) и блудники для блудных сердцем
И равноангельные для девственных душою. Они и среди славы
смиренны
И в бедности славны,
Они нищету считают как бы царством
И царство как бы нищетой.
Они, вкушая (пищу), находятся в воздержании
И, постясь, насыщаются всяким видом (ее).
Они не снисходят к неправде
И не могут презреть угнетенного
И притесняемого богатыми.
Они не стыдятся лица человеческого,
Ибо видят лицо Господне.
Они не смягчаются сердцем чрез дары
И не презирают закона справедливости,
Ибо имеют неотъемлемое богатство
И все, что в мире, считают как бы навозом.
Имея учителем Духа, они
Не нуждаются в научении от людей,
Но, озаряемые светом Его,
Созерцают Сына, видят Отца
И поклоняются Троице лицами,
Единому Богу, соединенному естеством несказанно.
От Отца же опять они тайно научаются,
Что Сын рождается нераздельно, как Он один знает.

Я же не могу изречь (этого), ибо если бы мог,
То слово, конечно, могло бы выразить то, что превыше слова и ума,
И все то, что вверху, стало бы внизу.
Ибо если бы тварь изучила Творца
И всего уразумела, каков Он,
И могла высказать словом и написать;
То дело стало бы лучше Делателя.
Оставь, человек, содрогнись, смертный по природе,
И помысли, что ты произведен из небытия
И, вышедши из матерней утробы,
Увидел мир, произведенный прежде тебя.
И если ты можешь познать высоту неба,
Или показать, какова сущность
Солнца, луны и звезд,
Где они утверждены и как совершают течение, Будучи бездушными и
бесчувственно двигаясь;
Или если бы ты узнал границу и меру, широту и величину
Самой земли, из которой сам ты взят,
И на чем она ходит,
И что это опять такое, или где оно совершает свой ход;
Если бы ты познал (все) это и для каждого в отдельности нашел
предел;
И если бы ты исчислил песок морской,
И мог распознать природу себя самого,
И изъяснить это дело премудрости [Божией];
Тогда ты уразумел бы и Самого Творца,
Как в Троице – Единица неслиянно,
И в Единице – Троица нераздельно.
Взыщи Духа, будь вне мира,
Не дай очам сна совершенно
И не заботься о настоящей жизни,
Плачь и рыдай о том времени, которое ты потерял;
Быть может, ты умолишь Бога, и Он даст (тебе),
Как прежде дал видеть мир
И солнце и дневной свет,
Так и ныне сподобит озарить,
И показать тебе умный мир,
И просветить тебя трисолнечным светом.
Когда же его ты увидишь, тогда познаешь и то, о чем говорю я,

Тогда уразумеешь благодать Духа,
Что Он, и отсутствуя, присутствует силою,
И присутствуя, невидим в Божественном естестве,
Но и везде есть и нигде.
Ибо если станешь искать, чтобы чувственно увидеть Его,
То где ты найдешь (Его)? – нигде, конечно, должен сказать ты.
Если же сможешь умно прозреть,
Лучше же – (когда) Он озарит ум твой
И откроет зеницы сердца твоего,
Тогда ты не будешь отрицать, что Он везде есть,
Но чрез Него ты всему научишься, Хотя бы ты был неученым и
простецом.

Если же ты не познал, что око
Ума твоего отверсто и увидело свет,
И не ощутил еще Божественной сладости;
Если не просвещен ты Божественным Духом,
Если не плакал беспечальными слезами,
Если не увидел, что ум твой омыт,
И не познал, что сердце твое очищено
И просияло светлыми отблесками;
И (если) нежданно не нашел ты Христа внутри себя,
И не пришел в изумление, увидев Божественную красоту,
И не забыл человеческой природы,
Всего себя видя измененным;
То как, скажи, не трепещешь ты говорить о Боге?
Как, будучи сам весь плотью
И не соделавшись еще духом, как Павел,
Смеешь философствовать или говорить о Духе,
Который, (как) слышишь ты, не обитает в таковых,
Как и Слово, потому что они суть плоть (Быт. 6, 3)?
Написал же я это для того, чтобы ты знал, как я верую,
И если пожелаешь ты, то согласишься мне и опечалишься.
Ибо поистине если ты не имеешь того сокровища,
Которого мир не может вместить,
Если ты не получил еще славу рыбарей,
Приявшие которую поистине восприняли Бога;
То оставишь мир и то, что в мире,
И, вскочив на ноги, потечешь, прежде чем не заключатся
Для тебя врата жизни и здешнего зрелища,

И окончится праздник сей жизни,
И омрачится солнце и звезды,
И прейдет земля и отвернется ад,
И наступит всякая тьма и хаос.
И тогда узнаешь ты, любезная душа, и изведает,
Что не имеющие Божественного Духа,
Светящего в уме, наподобие светильника,
И обитающего в сердце неизъяснимо,
Отсылаются в вечную тьму. Ибо и Дух есть Господь,
И Бог Отец Господа – Дух,
Один, конечно, Дух, ибо Он не разделяется.
Имеющий Его поистине имеет трех,
Но неслиянно, хотя и нераздельно.
Ибо есть Отец, и как Он будет Сыном,
Ведь Он по существу нерожденный?
Есть и Сын, и как Он делается Духом?
Дух же есть Дух, и как Он явится Отцом? ³⁹⁴
Отец есть Отец, потому что всегда Он – Родитель.
Как же бывает это вечное рождение,
Что (Сын) совершенно не отделяется от Отца
И весь происходит неизъяснимо,
Всегда пребывая в Отчем лоне
И всегда происходя неизреченно?
Сын вечно видится в Отце:
Родившись, Он пребывает неразлучным,
Происходя, Он не отделяется от корня;
Но и отдельно является нераздельным,
И будучи соединен весь с Отцом живым,
И Сам есть жизнь, доставляя всем жизнь.
Что есть Отец, то и Сын,
И что Сын, то и Отец также.
Видя Сына, я вижу и Отца,
Равно и Отец видится с Сыном;
Однако один раждает, другой же раждается,
И отдельно от Отца есть то, что Он есть.
Что же Он есть, скажи и изъясни всем людям? Бог безначальный, как
и Творец всех,
Так как Он был и будет ³⁹⁵
Богом равным Отцу по существу и по естеству,

И по власти, и, по образу воистину, и по виду,
И по времени Он еще не был без Отца.
Как Он происходит? – как слово из ума.
Как отделяется? – как голос от слова.
Как Он воплотился? – как слово написанное. Быв низведен от вышних
к нижним,
Я опечалился чрез себя самого,
И оплакивал род человеческий;
Так как, ища необычайных доказательств,
[Люди] приводят человеческие
Понятия и вещи и слова,
И думают, что изображают Божественное естество,
То естество, которого никто ни из Ангелов, ни из людей
Не мог ни увидеть, ни наименовать.
И в самом деле, чем можно было бы назвать Творца всех?
Ведь имена и вещи и слова Все произошло по повелению Бога.
Ибо и имена положил Он делам (Своим),
Каждой вещи свое название; Не всем же Сам, но дал, чтобы и твари
В свою очередь (своим) делам полагали имена:
И одна другую и называет и называема бывает ³⁹⁶.
Его же имя нам еще не известно,
Кроме (имени) «Сущий» неизреченный Бог, как сказал Он (Исх. 3, 14).
Итак, если Он неизреченен, если не имеет имени;
Если невидим, если сокровен;
Если неприступен, если один Он превыше слова,
Превыше представления не только человеческого,
Но и – невещественных умов;
Ибо Он положил тьму покровом (Своим) (Псал. 17, 12),
И потому все прочее находится во тьме,
И один только Он, как свет, вне тьмы;
То как ты вводишь ³⁹⁷ о Нем понятие (ἐπίνοιαν)
Или ты делом увидел отделенного ³⁹⁸?
Откуда же и как прошел ты чрез тьму,
Один отделившись от всех тварей?
Если же это не свойственно тебе, но другому, То, удивляюсь, кому
же? – спрашиваю тебя, чтобы научиться,
Ангелу или кому-либо другому из невещественных [умов]?
Да и не читал ли ты, что и лица
И ноги они имеют покровенными

Благоговейно и прилично Божественными крылами?
Если эти некие крылья ты будешь понимать
Не (иначе, как) покров от неприступной славы,
Ибо не естество (Божие) они видят, но славу славы;
То какому же человеку – посмеешь сказать ты?
Иоанну или великому Павлу?
Но один взывает и всем проповедует,
Что ремня одного или ремешка
Обуви он не может развязать (Лук. 3, 16).
Другой же, когда взошел на третье небо
И после того взят был в рай,
Не сказал ли тебе одному чего-либо частным образом,
Что ты скрыл и ныне желаешь возвестить?
Ибо мы не слышали, чтобы и он
Что-либо сообщил об этом письменно,
Но и он громогласно говорит:
Я слышал глаголы, которых не могу изречь (II Кор. 12, 4);
Обитает же Бог в неприступном свете (I Тим. 6, 16).
Итак, Иоанн не развязывает ремня
И недостоин развязать ремешка одного,
Павел не мог изъяснить глаголов,
Которые он слышал, называя их неизреченными;
Кто же [после этого] исследовал так Бога,
И остался неопалимым от неприступного света?
И, проникнув в это обиталище [Бога],
Узрел самое естество Владыки,
Чтобы нечто большее Иоанна и Павла
Дерзнул он, несчастный, сказать?
Ибо кто не содрогнется и кто не восплачет
Об ослеплении и омрачении ныне говорящих
И вводящих новую и поистине странную ересь,
Низвергающую в одну пропасть всех,
Вопрошающих и вопрошаемых? Ибо мыслью ли они отделяют Слово
Или делом – зломудренно заблуждаются,
С той и другой стороны попадая в ересь.
Ведь (отделять) делом значит рассекать Слово (от Отца),
Мыслью же – наоборот сливать Его,
Как бы Оно совершенно не отделялось.
Содрогнись, человеке, познай себя самого,

Поведай о себе, поведай, если уж хочешь нечто (поведать);
Быть может, и ты, как Давид, воззовешь,
Говоря: дивна для меня премудрость Твоя
И ведение Твое, Боже мой (Псал. 138, 6).
Ей, оставь любопытство,
Отложи богохульные слова
И скажи прежде, как нам спастись;
Затем скажи, как сам ты спасся,
Чтобы не оказалось, что ты учишь нас (только) словом,
Но и делом показываешь усерднейшими,
Если ты не намерен самого себя наказать
И осудить, как не делавший того, о чем говоришь,
И чрез то стать выше слов,
Как никогда не положивший таковыми начала.
Положи сперва камень в основание,
Ибо на воздухе не строится здание.
Сотвори заповеди Христа-Камня,
Строителя Божественной Церкви,
Новых людей – словесных овец.
Сделай и скажи, созидавая на этом Камне,
Лучше же – сам созидайся на Камне.
Он да будет для тебя и пастырем,
И архитектором, и основанием жизни.
Какая нужда в кровле прежде основания?
Сперва основание и тогда кровля:
Делание с познанием, и [только] таким образом созерцание.
Как прежде сбора винограда хочешь ты пить вино?
Оно не вмещается в ветхом мешке.
Как прежде посева думаешь ты собирать снопы
И другим сообщать пустоту? Если хочешь, иди, не уклоняясь от пути,
Но научись глубине судеб
Человеческих, как одни счастливо живут,
И без сомнения, злые и неведущие Бога,
А другие несчастны, знающие Бога
И Богом одним знаемые;
Одни бедны и, вероятно, неблагодарны,
Другие же несут нищету с благодарностью,
А иные и богаты и злобно непризнательны;
Иные же, похищая и поступая несправедливо,

Думают, что Богу служат чрез это,
И многое другое, что видишь ты повседневно,
Что смертные делают и наоборот переносят;
И Бог, Творец всех, терпит,
Да не сочли бы Его как-нибудь несправедливым беззаконные
Или подобные мне малодушные.
Поучись еще Божественному суду,
О том дне и часе, в который
Все мы обнаженными предстанем
Пред судилищем Бога моего и Спасителя,
И за здешние деяния и слова,
Помышления и вместе намерения
Получим достойное возмездие.
Поведай, кто будет там дерзновенным
И кто напротив посрамленным?
Можешь ли говорить об этом без опыта?
После же этого внимай и творению,
Ибо другую бездну ты найдешь в нем.
Взгляни на небо, солнце и звезды,
Посмотри на землю-мать и могилу
Всех нас, происшедшую по повелению [Божию].
Придя же сюда, поведай о смерти,
Философствуй о многом неизбежном
И полезном для друзей и вместе для сродников,
Для богатых так же, как и для славных.
И если ты со всеми будешь толковать [об этом],
То тебе станет говорить (даже) до смерти,
И по смерти это принесет тебе пользу.
Взгляни затем на окружающий мир: На находящиеся внутри его
породы всевозможных животных,
На пестрый вид пернатых
И вместе на голоса маленьких птичек,
На широту, величину и границы моря;
Подивись, изумись и скажи в ответ:
О глубина богатства и ведения Божественного!
О (глубина) премудрости Твоей, всемилостивый Боже мой!
Здесь-то и смирись чрез внешние (предметы);
Собравши ум, вникни в себя самого,
Лучше же – философствуй о себе самом и о том, что относится к тебе;

И что бы ни видел ты, найди в видимых (вещах)
В каждой учителя себе в добродетели
Или изображение порочной страсти,
Дабы из величия и красоты тварей
Познал ты непостижимую премудрость
Божию и мысленную брань,
Которую предызобразил Создатель всех.
И, как змея, стяжи, конечно, мудрость,
Яд же злобы изблюй.
Как конь, беги на пути от зла,
Ржать же, разумеется, к женскому полу ты не будешь.
Стань кошкой, стерегущей мысленную мышь,
Но отнюдь не похищающей принадлежащего ближнему
И не смотрящей на долю братьев твоих.
Но и [будучи] мышью, противных мышей ты будешь
Гнать, конечно, из своего дома.
Не будь волком, но от волков беги,
Лучше же – сделайся собакою Владыки,
Всею своею яростью дыша против них
И выслеживая пути Владыки твоего;
Доколе не найдешь ты и не достигнешь
Божественную добычу, не обратись вспять
И не сделайся добычею мысленных зверей.
Подражай зайцу, если не можешь собаке,
И, стяжав Христа скалою и прибежищем своим,
Скройся там, где (совершенно) ³⁹⁹ нет страха. Либо, как олень, взойди
на горы,
Убегая от рук охотников;
Или расправь (крылья), как хорошая птица,
И пари над всеми сетями,
Под крыльями же разумей святую любовь,
Без которой никуда не уйдешь.
Подражай жребяти, носящему Творца (Мф. 21, 7),
Будь волком, влекущим Божественный плуг
И режущим сладкую борозду слова.
Всему подражай, кроме худого:
Худое (дело) – лисица, живущая лицемерием,
Которая (в действительности) одно, а показывается другим;
Ибо она притворяется, (будто) издохла, дабы похитить что-либо.

(Нечто) страшное – медведица: если где-либо и на меч она наткнется,
То не останавливается, разрывая свою рану,
До тех пор, пока сама не издохнет от нея.
Худое – свинья, жрущая ненасытно,
Худое – аспид, ибо он затыкает уши,
Худо (все) худое, и если, желая исследовать его,
Ты и избежать постараешься, любезная душа,
То поистине обретешь истинную мудрость.
Шествуя путем, о если бы шел ты к лучшему,
И вместе со всеми (тварями) познал и себя самого!
И тогда на вопрос ты ответишь мне
Словом, конечно, которое произносишь и которое я воспринимаю.
Есть ли оно в тебе, переходя и ко мне,
Или оно оставляет тебя лишенным слова?
Я знаю ведь, ты скажешь ⁴⁰⁰, что оно и ко мне перешло
И все остается в тебе, не отделившись от тебя.
Скажи мне об этом и оставь ныне Бога,
Чтобы вся вместе тварь, вострепетав, не пала
И не раздробила твою тучную плоть,
И не сокрушила твою плотяную душу, И не попала огнем ума
твоего,
Который вдается в бесполезное и пустое занятие ⁴⁰¹.
Ибо ни делом ни мыслью
Нераздельное Слово не отделяется (от Отца).
Ведь тот, кто заключен внутри дома,
Но имеет ум, блуждающий вне,
Не остался в доме без ума,
Но и с ним и вне (его), конечно, находится.
Итак, это отделение чем ты наименуешь?
Делом назовешь или мыслью – скажешь?
Если мыслью, то как весь он (ум) находится вне?
Если же делом, то как – внутри дома?
Но что, конечно, значит этот пример
В сравнении с превосходящим ум и мысль Словом?
Ибо посланное от Отца Слово,
Низойдя (на землю) и вселившись в утробу Девы,
Все было и во Отце и все во чреве,
Будучи неместимо и во всей (вселенной).
Не сократившись, не умалившись, конечно, Оно вошло все [во чрево]

И, оставшись неизменным, приняло образ раба,
И, родившись, по всему сделалось человеком,
Все пройдя (матернюю) утробу и придя в мир,
И все опять возвратившись туда, откуда же отлучилось.
Итак, мыслью или делом произошло это?
Мог ли бы ты совершенно смело сказать (это) о том, что неизреченно
для всех
Ангелов и Архангелов и для всякой тварной природы?
И в самом деле, оно поистине мыслится, но не высказывается всецело
И отнюдь не постигается умом совершенно.
Каким образом Он – Бог и человек, и наоборот человек и Бог?
И Сын есть Отца, весь нераздельный от Него,
И, произойдя в мире, сделался (сыном) Девы, И остался, как сказано,
невместимым для всех?
Мыслью, скажи, или делом (πράγματι)? – конечно, теперь ты
замолчишь;
Ибо хотя бы и хотел сказать, ум твой не даст слова,
И многоречивый язык твой останется праздным.
Если же ты пожелал бы назвать Божественное естество вещью
(πρῶμα),
То скажи, конечно, и какого рода, ибо я не знаю.
Слава Тебе, Отче и Сыне и Св. Душе,
Божество неописанное, нераздельное естеством.
Тебе в Духе Святом все мы поклоняемся,
Имеющие Духа Твоего и от Тебя получившие (Его);
И, видя славу Твою, не любопытствуем,
Но в Нем (Духе) созерцаем Тебя, нерожденного Отца,
И от Тебя рожденное и происходящее Слово;
(Итак) ⁴⁰², поклоняемся нераздельной и неслиянной Троице
Во едином Божестве, и начале, и силе. Аминь.

Гимн 60. Путь к созерцанию Божественного Света 403.

Кто хочет узреть оный Свет,
Тот должен следующее в сердце хранить:
[Блюстись от] телесных страстей и непотребных скверн, Божбы и
всякого гнева и возмущения,
И рассеяния и памятозлобия,
И совершенно людей не судить;
А быть в самом помысле и сердце
Чистейшим от плотских скверн,
Кротким, смиренным, спокойным,
Откровенным и чадом мира,
Воздержным в пище и питии
И неослабно заниматься молитвой;
Началом же и концом во всем этом
Иметь главу добродетелей – любовь.

Примечания

¹ - Это издание озаглавлено таким образом: Τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρός ἡμῶν Συμεῶν τοῦ νέου Θεολόγου τὰ εὕρισκόμενα, διηρημένα εἰς δύο ὧν τὸ πρῶτον περιεχει λόγους τοῦ ὁσίου λίαν ψοχοφελεῖς μεταφρασθέντας τὶς τὴν κοινὴν διάλεκτον παρὰ τοῦ πανοσιολογιωτάτου πνευματικοῦ κυρίου Λιονυσίου Ζαγοραίου, τοῦ ἐνασκήσοντος ἐν τῇ νήσῳ Πιπέρι, τῇ κειμένη ἀπ' ἀντι τοῦ ἁγίου Ὁρους τὸ δὲ δεῦτερον περιέχει ἑτέρους λόγους αὐτοῦ διὰ ἀτίχων πολιτικῶν πάνυ ὠφελίμους μετ' ἐπιμελείας πολλῆς διορθωθέντα, καὶ νῦν πρῶτον τύποις ἐκδοθέντα εἰς κοινὴν τῶν ὀρθοδόξων ὠφέλειαν. Ἐνετίηοιν. 1790. Второе точно такое же греческое издание твор. Симеона НБ. вышло ἐν Σύρῳ 1886.

² - В имеющемся у автора этих строк рукописном житии преп. Симеона НБ. (копии с кодекса Афонск. Пантелеимонова монастыря № 764=№6271 в каталоге Ламброта т. II, стр. 428) на стр. 28 читаем: ἀποστολικῆς ἀξιώθεις δωρεᾶς, τοῦ λόγου τῆς διδασκαλίας φημί, ὄργανον ἦν καὶ ὠρᾶτο τοῦ Πνεύματος μυσικῶς κρουόμενον ἄνωθεν καὶ πῆ μὲν τῶν θείων ὕμνων τοὺς ἔρωτας ἐν ἀμέτρῳ μέτρῳ συνέταττε πῆ δὲ τοὺς λόγους τῶν ἐξηγήσεων ἐν πυκνότητι ἔγραφε νοημάτων καὶ ποτε μὲν τοὺς κατηχηκοὺς συνεγράφετο λόγους ποτὲ δὲ τισὶν ἐπιστέλλων ἐξάκουστος πᾶσιν ἐγίνετο. О гимнах в нашем рукописном житии Симеона говорится еще на стр. 91 и 118. См. также К. Hotl: Enthusiasmus und Busagewalt beim Griechischen Mönchtum. Leipzig 1898 s. 27.

³ - Эти кодексы указаны ниже на стр. XXV в примечании первом.

⁴ - Ср. особенно слово 45 и гимн 58; слова 60 – 61 и 34 гимн; 89 слово и гимны: 2, 17, 46 и 51; слова: 86, 90 – 92 и гимны: 3, 32, 40 и пр.

⁵ - Мы разумеем «молитву ко св. Троице» я «молитву ко Господу нашему I. X. о св. причащении», которые вошли в проследование ко св. причащению, особенно вторая. См. примечания к этим молитвам на стр. 245 и 250 настоящ. перевода гимнов.

⁶ - См. особенно гимны: 1, 2, 4, 6, 13, 21, 39, 46 и др. В греческ. изд. твор. Симеона НБ. (здесь и далее везде цитируем второе издание ἐν Σύρῳ (1886) μέρος II, λόγος I, σελίς. 3 2 (маленькая цифра внизу означает столбец); λ. 2, σ. 7 1 – 2; λ. 4, σ. 13 1; λ. 6, σ. 13 1 – 2; λ. 13. σ. 21 2; λ. 21, σ. 32 1; λ. 39, σ. 59 1 – 2; λ. 46, σ. 69 2. В настоящ. русск. переводе см. стр. 19–20, 29–30, 42–43, 46–47, 70, 98–99, 176–177, 211–212 и др.

⁷ - 27 гимн, в греческ. изд. μ, II, σ. 39 2; в русск. переводе стр. 118.

⁸ - 39 гимн. в греческ. изд. σ. 58; в русск. перев. стр. 172.

⁹ - См. еще в греческ. изд. μ. II, 8, σ, 15 2; λ. 21, σ. 32 1; λ. 32, σ. 46 1; λ. 47, σ. 75 1. В русском переводе см. гимны: 8, 21, 32 и 56; стр. 54, 99 137 и 256.

¹⁰ - См. 49 гимн, в греческ. изд. ο. 75 2– 76 1; в русск. перев. стр. 225.

¹¹ - 9 гимн, в греческ. изд. σ. 17 2; в русск. перев. стр. 59; ср. 56 гимн, стр. 254.

¹² - См. гимны: 2, 8, 31, 36, 39 и др.: в греческ. изд. σσ. 5 2, 14 2 – 15 1, 45 1 – 2, 52 2 – 53 3, 57 2 – 58 1; в русск. перев. стр. 24, 50 – 51, 135 – 136, 155 – 156, 171 и др.

¹³ - См. особенно гимны: 1, 7, 27, 28, 32, 40, 58 и др.; в греческ. изд. σσ. 3 1 – 4 2. 14 1, 39 1, 42 1 2, 46 1, 59 2; в настоящ. переводе стр. 19 – 21, 48, 118. 123–124, 137–138, 177 — 178. 201 и др.

¹⁴ - Confessionum liber. I, с. 6; *ibid.* с. 13, I, X, с. 2. 3. 4. MP. lat. t. XXXII, coll. 664–665, 671, 779 – 781. В русск. перев. твор. ч. I (изд. 2-е Киев, 1901), стр. 8, 19, 269–273.

¹⁵ - И наоборот – многие главы в «Исповеди» Августина представляют не что иное, как восторженные гимны, таковы: кн. I, гл. 1, 4 ??•, кн. IV, гл. 12; кн. V, гл. 1; ко. VIII, гл. 1; кн. X, гл. 1, 6, 22, 27, 29 и др.

¹⁶ - Confession. liber, I, с. 1; *ibid.* с. 15: 1. II, с. 1; *ibid.* с. 10; I, VI, с. 5; 1. IX, с. 10; 1. X, с. 1; *ibid.* с. 43: 1. XI, с. 29; 1. XII, с. 16 etc. MP. coll. 661, 662. 675, 682, 725, 774 – 775, 779, 808–810, 825, 834, Русск. перев. стр. 2, 21, 29, 44, 133, 256 – 258, 269, 321, 365. 391 и др.

¹⁷ - Confession. I, VII, с. 10; 1. XIII, с. 12; ?. IX, с. 4: I, X, с. 27. MP. 663. 742, 762. 768, 795. Русск. перев. стр. 180–181, 231, 243, 298.

¹⁸ - См. гимны. 2, 21, 39, 53 и др.; в греческ. изд. οσ. 6 1 – 2, 31 1, 59 1, 82 1; от русск. перев. стр. 26, 97, 170–176, 244•; ср. слово 91, вып. II, стр. 500 (по 2-му изд. Москва 1890).

¹⁹ - 20 гимн, в греческ. изд. σ. 301, в русск. перев. стр. 94; ср. 42 гимн, стр. 104.

²⁰ - См. Гимны: 7, 21, 22, 41, 49, 52 и др.; в греческ. изд. οσ. 13 2, 30 2 – 31 1. 33 1, 34 1– 2, 62 2 76 1, 81 2; в русск. перев. стр. 47, 95 –96, 102, 105, 190 (ср. 43 гимн, стр. 224), 225 (ср. 47 гимн, стр. 220), 242 и др.

²¹ - Гимны: 6, 37, 39, 46; в греческ. изд. σσ. 13 1 – 2, 54 2, 57 2, 69 2; в настоящ. перев. стр. 46 – 47, 160, 170, 211 – 212; см. еще гимны: 33, 40 и др., где действительно излагаются беседы преп. Симеона с Богом.

²² - Confession. 1. I, с. 4; *ibid.* с. 6; 1. VII, с. 15; 1. VIII, с. 3; 1. XI, с. 10, 11, 13, 14; *ibid.* с. 29; *ibid.* с. 31; 1. XII, с. 15; *ibid.* с. 28 etc. MP. coll. 662–

663, 664–665, 744, 752, 814 – 815, 825, 826, 832, 841 – 842. Русск. перев. стр. 3–4; 7–8, 9, 185, 206, 336 – 340, 365, 369, 386, 469.

²³ - См. особенно гимны: 16, 36, 37, 42, 47, 52; в греческ. изд. σσ. 26 1, 52 1, 52 1,64 1 – 65 1, 72 2, 81 2; в русск. перев. стр. 81 – 82, 154, 157, 195 – 199, 220, 242; см. также гимны 58 и 59, стр. 259 и 272.

²⁴ - См. гимны: 2, 31, 39; и греческ. изд. σσ. 5 2, 44 2, 59 1; в настоящ. переводе. стр. 24, 132, 175.

²⁵ - Гимн: 31, 39, 49 и др.: в греческ. изд. σσ. 45 1, 59 1– 2, 76 1; в русск. перев. стр. 133 – 131, 175 – 176, 225–226 и др.

²⁶ - 28 гимн, в греческ. изд. σ. 41 2; в русск. перев. стр. 123 – 124.

²⁷ - 58 гимн, стр. 261; подлинн. текст его см. в приложении I; латинск. перев. MP. gr. t. CXX Divinorum amorum c, XV. col. 532B.

²⁸ - Насколько чужда и неприемлема для всего западно – христианского мышления идея о всецелом обожении человека, развиваемая Симеоном и далее в вышецитированном 58 гимне, можно видеть уже из того, что весьма значительная часть этого гимна совершенно опущена латинским переводчиком, который в сделанном им по этому случаю примечании говорит между прочим: Porro apud Symeonem sequebatur hic disputatio de membris nostris in membra Christi transformatis, deque Christi membris in nostra conversis, quam silentio praetermittendam, Latinisque auribus non satis dignam censuimus. MP... col. 531D, adnotatio 19.

²⁹ - Язык Августина в «Исповеди» при своей сжатости отличается необычайною игривостью, частыми метафорами, антитезами и пр.

³⁰ - Deo Allatius: De Sytneonum scriptis=MP. gr. t. CXX Symeon Junior, Xotitia. col. 310A.

³¹ - Herzog – Hauck: Realencyklopadie b. 19 Leipzig 1907 9. 319.

³² - Мф. 11, 25 – 27; 13, 11 – 15; Иоан. 14, 16 – 17; I Кор. 1, 18–25; 2, 4 – 15 и пр.

³³ - Так, напр., преп. Симеон говорят, что хотя он и видел Бога, созерцал Божественный свет, но способ созерцания оставался для него непонятным. Гимн 1, σ. 4; 6 гимн, σ. 13 2; в русск. перев. стр. 21, 47; ср. стр. 112.

³⁴ - Гимны 39, 39; греческ. изд. σσ. 56 1, 59 1; в русск. перев. стр. 166, 176.

³⁵ - Гимн 22, σ. 33 2 – 34 1; гимн 41, σ. 63 1– 2, в русск. перев. стр. 103–104, 192–194; ср. гимн 59, стр. 289 – 270,

³⁶ - 8 гимн, σ. 16 2 – 17 1; в русск. перев. стр. 56–57.

³⁷ - Предлагаем читателям особенно внимательно прочесть то, что Никита говорит в начале и в конце предисловия, на стр. 1 – 3 и 9 – 12.

³⁸ - Гимн 51, σ. 80 1; в русск. перев. стр. 237 – 228; ср. слово 87, в греческ. изд. μ. I, σ. 501 1; в русск. перев. вып. II, стр. 459.

³⁹ - См. выше на стр. VI примечание пятое.

⁴⁰ - 58 гимн, стр. 258; подлинный греческ. текст этого гимна см. в приложении I; латинск. перев. MP. gr. t. CXX Divinorum amorum c. XV col. 530A.

⁴¹ - См. особенно гимны: 8, 9, 31, 39 и мн. др.; в греческ. изд. σσ. 14 2 – 15 1, 18 2, 45 1 – 2, 57 2 – 58 1, 58 1, 59 1; в» русск. перев. стр. 50 – 51. 61 – 62, 135 – 136, 171, 172, 175.

⁴² - Гимны: 31, 33, 54 и др.; в греческ. изд. σσ. 45 1, 47 1, 88 1 в русск. перев. стр. 133, 135, 139, 247; ср. гимн 8, стр. 31.

⁴³ - Гимн 30, σ. 43 1; гимн. 31, σ. 45 1; в русск. перев. стр. 128, 135.

⁴⁴ - Гимн 53. в греческ. изд. σ. 82 2; в русск. перев. стр. 244.

⁴⁵ - См. выше на стр. IX примечание третье.

⁴⁶ - Слово 90; в греческ. изд. μ. I, σ. , 514 1; в русск. перев. Слова вып. II, стр. 484.

⁴⁷ - 39 гимн, в греческ. изд. μ. I, μ. 58 1 в настоящ. русск. перев. стр. 172–174.

⁴⁸ - Из жития преп. Симеона известно, что патриарх Сергей обещал однажды под известным условием поставить Симеона на одну из видных митрополий, от чего Симеон наотрез отказался. В нашей рукописной копии жития σ. 85 и след.; в цитированном соч. Holl'я см, ч. 22.

⁴⁹ - 32 гимн, о. 81 2; в русск. перев. стр. 242–243.

⁵⁰ - В нашей рукописной копии жития Симеона σσ. 114 – 115; в русск. переводе жития стр. 52 – 53 (вышецитированного изд.).

⁵¹ - 1Кор. 2, 16; 7, 40 и пр.; ср. 89 слово Симеона. вып. II, стр. 476.

⁵² - 51 гимн, а греческ. изд. μ. II, σ. 80 1; в настоящ. перев. стр. 288.

⁵³ - 89 слово, в греческ. изд. μ. I, σ. 510 2; в русск. перев. вып. II, стр. 477.

⁵⁴ - В. нашей рукописной копии жития σσ. 93 –110, 112 – 114, 123 – 137; в сокращенном новогреческ. переводе см. σσ. 16 1–19 1, 19 2, 21 – 23 и в русск. переводе этого последнего стр. 40– 50, 52, 57–64.

⁵⁵ - «По прошествии тридцати лет, говорится в житии преп Симеона, после кончины этого славного Отца, по пророчеству его открывается

обретение священных останков его ... Итак, по окончании пятого индикта, в 6560 году неожиданно износятся [полные] всякой благодати и благоухания останки его ... освящающие чрез прикосновение и лбызание» (σ. 112) читается таким образом; ...τριάκοντα χρόνων μετὰ τὴν τελευτὴν τοῦ αἰοδίμου τούτου πατρὸς διεληλυθότωνων, κατὰ τὴν προφητείαν αὐτοῦ, ηροσηγνύεται ἡ ἀνακομιδὴ τῶν ἱερῶν τοῦτου λειψάνων... Τοένυν καίτῃς πέμπτης τελειωθείσης ἰνδίκτου κατὰ τὸ ς φ' ξ» ἔτος, ἀνακομίζονται ἀπροσδοκῆτως τὰ πάσης χάριτος καὶ εὐωδίας αὐτοῦ λείψανα... τῇ προσφάσει καὶ τῷ ἀσπασμῷ ἁγιάζοντα. В новоогреч. переводе жития см, σ. 19 2 и в русском» 51 – 52 стр. О церковном прославлении преп. Симеона по смерти свидетельствует, кроме того, неоднократное упоминание в житии (главным» образом в описании посмертных чудес его) о гробнице мощей Симеона, о празднике в честь его, об иконе его и пр.

⁵⁶ - См. греческ. изд. твор. Симеона НБ. μ. I, l. 68, особенно σσ. 364 2 – 365 1; в русск. переводе Слова вып. II, стр. 180 – 181.

⁵⁷ - Все за исключением Ἀοχή τῶν θείων ὕμνων или введения, написанного прозою.

⁵⁸ - Император» Константин Порфирородный (царств. 912–959) в сочинении о церемониях Византийского двора приводит между прочим, народную весеннюю песню, представляющую собой политические стихи в 15 слогов. См. Krumbacher: Geshichte der Byzantlnischen Literatur... München 1697, s. 255.

⁵⁹ - О политических стихах см. Krumbacher цитир. соч. s. 650 – 651; а также MP. gr. t. CXX. Symeon Junior, Notitia, col. 305ABCD.

⁶⁰ - Никита говорит в житии преп. Симеона, что он писал гимны ἐν ἀμέτρῳ μέτρῳ, т. е. без соблюдения количественности слогов. См. выше на стр.. II примечание первое.

⁶¹ - Есть еще несколько гимнов»: 12-й, 39 и 15, написанных наполовину 12-слоговыми, а наполовину 15-слоговыми политическими стихами; 59-гимн также хотя написан 12-слоговым политическим стихом, но в конце его насчитывается по 15 слогов в стихе. Приводим» ниже образцы тех стихотворных размеров, которыми преп. Симеон писал свои гимны. 15-слоговой политический стих Σύ με γινώσκεις. ὦ Χριστέ, πάσης παρανομίας Ἐργάτην, ἀλλὰ καὶ κακῶν ὄντως παντοίων ἀκεῦος... (3-й гимн) 12-слоговой политический стих. Δίδου μοί, Χριστέ, καταφιλεῖν σοὺς πόδας, Δίδου μοι τὰς σὰς κατασπάζεσθαι χεῖρας... (8-й гимн) 8-стопный ямб. Πῶς ὑμνήσω, πῶς δοξάσω, πῶς ἀξίως εὐφημήσω Τὸν πολλὰ παραδραμόνια ἀμαρτήματα Θεόν μου... (2-й гимн»).

⁶² - См. Paris. 76 242 кодекс 12 века (каталог Omont'а т. [1], гимны Симеона здесь значатся cum notis musicis; Paris. Suppl, gr. № 103 код. 14 в. (тот же каталог т. III); Marcian. № 494 код. 13 в.; Monac. № 177 скод. 16 в. и № 526 код. 15 в. (каталог Hardt'А т. II и V) и др.

⁶³ - Таковы Афонские рукописи, стоящие в каталоге Ламброса под № № 7676 89, 4677, 4833, 5457, 5665 и др.

⁶⁴ - Так в рукописи № 419 (по описанию Владимира), лист 308 об. имеется небольшой отрывок из 59 гимна (по нашему счету) и там же на листе 365 об. — 366 в прозаической форме переписаны и соединены в одно первая половина 19-го и вторая 18 гимна; в рукоп. № 423, л. 223 пред словом Симеона о трех образах внимания и молитвы повешена эпиграмма в стихах», находящаяся в нашем» переводе под именем 60 гимна; наконец, в рукоп. 76 434, л. 379 об. плохую греческую скорописью переписан маленький 5 гимн. Что же касается до рукописей №74 306 и 307, представляющих собою своеобразные богослужебные сборники Афонского инока Фикары, в которых, судя по описанию, нужно бы ожидать чего-либо из гимнов или о гимнах преп. Симеона. то в этих рукописях содержится лишь несколько маленьких отрывков из глав, а не из гимнов Симеона: в первой рукописи один отрывок (л. 158 об.), а во второй три отрывка (л. 259 об.), в коих говорится о необходимости славословить и благодарить Бога.

⁶⁵ - См. Σακκελίωνος: Ιατμιακή βιβλιοθήκη σ. 188 – 9.

⁶⁶ - Так, напр., в код. Monac. N° 526 указано лишь 37 гимнов Симеона; см. каталог Hardt'а т. V. стр. 316.

⁶⁷ - См. MP. gr. t, CXX. Symeon Junior, Notitia (Leo Allatius de Symeonum scriptis; coll. 300 – 305.

⁶⁸ - В Патмосской рукоп. и у Алляция приведено лишь заглавие этого гимна; вот оно: Κατὰ διάλεκτον Θεοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς τῶν λόγων ὁ Λόγος, καὶ ὅπως ὑπο τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐλλαμπόμενος ὁ θεῖος οὗτος Πατήρ ὠμίλει θεῶ, καὶ ὑπ' ἐκείνου ἐμυσταγωγεῖται τὰ θεῖτά τε καὶ ἀνθρώπινα.

⁶⁹ - См. в Патрологии Миня Notitia о Симеоне НБ. col. 309С.

⁷⁰ - Эти 40 глав представляют перевод собственно 38 гимнов, как как первая глава является переводом Ἀρχή τῶν θείων ὕμνων или введения, написанного прозой, а последняя 40 глава – переводом 91-го слова Симеонова.

⁷¹ - Такая форма все же ближе, думается, передает подлинник, чем сплошные строки прозы: в подлинном переводе для читателя яснее виден

нередкий в стихах параллелизм выражений, повторение одних слов, опущение других и другие особенности поэтической речи.

⁷² - Вставки и добавления в латинском переводе произошли оттого, что переводчик передавал иногда подлинник более пространно и описательно, а иногда, разумеется, от тех разночтений, вставок и пропусков, которые имелись в его греческом оригинале.

⁷³ - Мы пользовались вторым изданием, выпущенным ἐν Σύρῳ 1886. Гимны отпечатаны в нем (как и в первом издании) по второй части в два столбца, с особым счетом страниц.

⁷⁴ - Который в свою очередь далеко не свободен от опечаток: см., напр. coll. 532B, 538B, 570D, 577D. 579C etc.

⁷⁵ - Корректировать свой перевод гимнов мы могли не только благодаря латинскому переводу в Патмосской рукописи, но я чрез посредство старого славянского перевода гимнов, имеющегося в одной из рукописей библиотеки Московского епархиального дома, указанной нам одним лицом (которому мы выражаем здесь искреннюю благодарность) в то время, когда наш перевод гимнов был окончен уже и наполовину приготовлен к печати. В этой рукописи, датированной 1835 годом, помещен перевод 55 гимнов, отпечатанных в греческом изд. твор. Симеона НБ., точная копия перевода, находящегося в рукописи (1834 г.) Моск. Синодальной библиотеки Симоновского собрания № 28 (см. Н. Попов: Рукописи М. С. Б. вып, II, М. 1910 стр. 32 – 38). Хотя содержащийся в этих рукописях перевод гимнов представляет слишком уже дословную передачу греческ. текста, все же мы, сличая с ним при печатании свой перевод гимнов, кое-где избежали неправильностей и ошибок.

⁷⁶ - См. 40-й гимн, в настоящ. переводе стр. 180, примечание 1-е; 49 гимн, стр. 228, примечание 1-е и др.

⁷⁷ - 58-й гимн отпечатан в греческом издании, только как вторая половина 47 гимна; см. примечания на стр. 223, 252–253 настоящ. перевода.

⁷⁸ - См., напр., 45 слово Симеона; в греческ, изд. μέρος I, за. 215 а – 218, 221 1 – 2; в русск. перев. вып. I, изд. 2-е М. 1892, стр. 383 – 388, 394 – 308.

⁷⁹ - См. в настоящ. перев. примечание: первое на стр. 265. Чтобы вполне понять это послание, нужно знать житие преп. Симеона. в особенности отношение к нему адресата этого послания, то, что предшествовало написанию послания и что было впоследствии.

⁸⁰ - См. MP. gr. t. CXX. Symeon Junior: Divinorum amorum c. X и XV, coll. 521 и 529 – 533; ср. Notitia col. 301AB.

⁸¹ - Он помещен, например, в вышецитированной нашей рукописной копии жития преп. Симеона, снятой с рукописи Афонск. Пантелеимонова монастыря № 764 (в катал. Ламброста т. II. № 6271).

⁸² - Эти рукописи (не все еще) указаны в примечании втором на стр. 279 настоящ. перевода.

⁸³ - См., например, псалтирь с последованием Московск. Синодальной библиотеки № 406 (описание Горского и Невоструева, отд. III. ч. 1, стр. 421) или псалтирь фундаментальной библиотеки М. Д. Академии № 9 (описание архимандрита Леонида вып. II, стр. 316 сл.), в которой Симеон Метафраст смешивается с Симеоном НБ. (см. листы 838, 839 об.). В этой последней псалтири особенно следует отметить то, что молитва ко Св. Троице: «О Отче, Сыне и Душе» ... помещена в ней непосредственно за молитвой ко причащению: «От скверных устен»..., несомненно принадлежащей Симеону НБ., но обе эти молитвы, не только первая, но и вторая ошибочно приписаны там Симеону Метафрасту.

⁸⁴ - Так, напр., Симеон в этой молитве называет Бога «красотою многолюбезною, не имеющею насыщения», «Светом трисиянным», «трисветлым и единым Царем», просит себе «дождей слез», обзывает себя «нечистым и непотребным, лукавым и скверным, помраченным и оскверненным» и пр. Предлагаем также сравнить в этой молитве на стр. 245 строку 4-ю, 7 и 9 от начала молитвы и соответствующие ей мысли и фразы на стр. 61 – 62 настоящ. перевода; на стр. 246 строки 9 – 8 от конца и ниже и стр. 50 – 51: на стр. 247 строки 5 – 8 от начала и стр. 133, 135, 244; на той же 247 стр. строки 6 – 3 от конца и стр. 135: на стр. 248 строку 12-ю сверху и дальнейшие и стр. 75, 134; на той же 248 стр. строки 4 – 1 от конца и стр. 139 – 140 и пр.

⁸⁵ - Таким образом прилагаемый при настоящем издании указатель может быть назван указателем ко всем существующим в русском переводе творениям Симеона Нового и Богослова. В нем, правда, не цитируется двенадцать слов преп. Симеона, изданных Оптиной Пустынью. но почти все эти слова имеются в числе 92 слов, изданных в двух выпусках.

⁸⁶ - Весьма немало неправильностей и неточностей перевода указано особенно в предисловии к гимнам Никиты Стифата; все они замечены были при печатании подлинного греческого текста предисловия и при сличении его с отпечатанным уже переводом предисловия.

⁸⁷ - Предлагаемая статья есть не что иное, как предисловие к гимнам

преп. Симеона Нового Богослова, написанное учеником его Никитой Стифатом. Подлинный текст его, с которого сделан настоящий перевод, заимствован из рукописи библиотеки русского монастыря св. великомуч. Пантелеимона на Афоне № 670, стр. 63 – 79 (см. каталог Ламброста т. II, стр. 412). Рукопись же эта представляет собою новейшую копию, сделанную в конце прошлого столетия, с кодекса 14 в., находящегося в библиотеке Патмосского монастыря св. ап. Иоанна Богослова за № 427 (см. каталог Саккелиона стр. 188 – 189). Это предисловие Никиты Стифата известно было по другим спискам и западным авторам. См. MP. gr. t. CXX. Nicetas Pectoratus. Notitia p. 845 Notitia altera p. 847. В новогреческом переводе оно помещено в издании твор. преп. Симеона НБ: Τοῦ ὁσίου καὶ θεοφύρου πατρὸς ἡμῶν Συμεῶν τοῦ νέου θεολόγου τὰ εὕρισκόμενα διηρημένα εἰς δύο. Ἐν Σύρῳ 1886. σσ. 24 – 27.

⁸⁸ - Т. е. Симеону Н. Б.

⁸⁹ - Т.е. Симеону.

⁹⁰ - Dionysii Areopagitae: De divinis nominibus c. 1, § VI. MP. gr. t. III, col. 596BC. Это место начинается у Дионисия так: καὶ ὅταν αὐτοὶ τῶν πάντων αἴτιον οἱ θεόσοφοι, πολυωνύμως ἐκ πάντων τῶν αἰτιατῶν ὑμνωσιν ὡς ἀγαθὸν, ὡς καλόν etc.

⁹¹ - В тексте соч. Дионисия лучшее чтение: ὑποστάτις – созидательница.

⁹² - De divin. nomin. c. 1, §§ VII – VIII, coll. 597AB.

⁹³ - Автор имеет здесь в виду, очевидно, одно место из 89 слова преп. Симеона НБ. См. «Слова» его в русск. перев. вып. II (по втор. изд.), стр. 478 – 479.

⁹⁴ - Таков общий дух учения преп. Симеона, который весьма часто в своих словах и гимнах ссылается на свой непосредственный опыт.

⁹⁵ - ἰδοῦσαν – описка, вместо ἰδρῦσαν, как стоит в тексте De divin. nomin.

⁹⁶ - De divin. nomin. c. I, § II, col. 588CD.

⁹⁷ - Ibid. § III, col. 589B. Взято с некоторыми изменениями, вставками и перестановками.

⁹⁸ - Другое надписание того же сочинения Филона (т.е. «О жизни созерц.») читается собственно: Ἰκέται ἢ περὶ ἀρετῶν, т.е. умоляющие или о добродетелях.

⁹⁹ - См. стр. 65 – 66 в изд. Philo: About the contemplative life. Oxford 1895.

- ¹⁰⁰ - Т. е. Дионисий.
- ¹⁰¹ - По смыслу и согласно с текстом» De divin. nomin, должно читать ἐνοούμενοι, вместо ἐμνοούμενοι.
- ¹⁰² - De divin. nomia. c. 1, § V, col. 593BC.
- ¹⁰³ - О незначительными изменениями взято у Дионисия; De divin. nomin. c. 1, § VIII, col. 597C.
- ¹⁰⁴ - Dionysii Areopagitae: De eccles. hierarch. c. 1, § 1. MP. gr. t. III, col. Д72А.
- ¹⁰⁵ - Т. е. атмосфере или планетной системе.
- ¹⁰⁶ - De divin. nomin. c. IV, § IX, col. 705А. Никита Стифат несколько переделывает это место, которое у Дионисия читается в переводе так: «Движение же души – кругообразное состоит во вхождении ее от вне в себя саму и в единовидном собрании умных сил ее, которое, будучи даровано ей как бы неблуждающее тело в некоем круге, обращает ее от многих внешних предметов и собирает сначала в себя саму, а затем в состояние простоты, соединяя соединенными воедино силами».
- ¹⁰⁷ - Дальнейшие слова, взятые из того же сочинения Дионисия, только в другом месте – несколько выше: с. IV, § II, col. 696С, Никита приводит также не дословно, а с некоторыми изменениями и со значительным пропуском в начале.
- ¹⁰⁸ - У Дионисия здесь не ἐν αὐτῇ, а σφῶν.
- ¹⁰⁹ - Здесь в нашей рукописи описка: нужно читать не ἀπὸ κατηγόρων, а ἀπὸ κατηγόρων. Так, по крайней мере, читал это слово Л. Алляций. См. Nicetas Pectoratus. Notitia altera. МГ. gr. t. СХХ, р. 849.
- ¹¹⁰ - Взято из той же рукописи Патмосской библиотеки (или собственно копии ее), откуда в предисловие Никиты Стифата. Стр. 93 – 96. В латинском переводе гимнов Симеона это первая слава. надписанная: Procatio mystica, qua Spiritus sanctus invocatur. MP. gr. t. СХХ. Symeonis Junioris: Divinorum amorum, sive sacrarum commentationum, liber singularis c. 1. coll. 507 – 510. Впрочем, едва ли эта молитва обращена только к Духу Святому, так как она заканчивалась бы тогда славословием в несколько иной форме. Настоящее введение в гимны написано прозой, тогда как самые гимны Симеона – в стихах.
- ¹¹¹ - В латинск. переводе этой фразы нет.
- ¹¹² - Буквально: подошва, сандалий, обувь.
- ¹¹³ - По смыслу и согласно с латинским переводок здесь должно стоять именно второе лицо, а не первое, как в греческ. рукописном тексте.

¹¹⁴ - В латинск. переводе нет этого слова.

¹¹⁵ - В Патмосской рукописи (собственно в копии ее), вместо ὑλαστράπτειν, как в греческом печатном издании, читается ὑλεραστράπτειν.

¹¹⁶ - Так как настоящий перевод гимнов преп. Симеона сделан по греческому печатному (второму) изданию его творений, то и порядок» гимнов здесь удержан тот же, что в этом издании, которое полностью озаглавлено таким образом: Τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Σιμεῶν τοῦ νέου θεολόγου τὰ εὐριοκόμενα δίηρημέτα εἰς, ὧν τὸ πρῶτον περιέχει λόγους τοῦ ὁσίου λίαν ψυχοφελεῖς, μετάφρασθέντας εἰς τὴν κοινὴν διάλεκτον ἡμῶν παρὰ τοῦ πανοσιολογιωτάτου κυρίου Διονυσίου Ζαγοραίου..., τὸ δὲ δεῦτερον περιέχει ἑτέρους λόγους αὐτοῦ διὰ στιχῶν ἡολιτικῶν πάνυ ὠφελίμους, κατὰ πρῶτον ἐκδοθέντας. Ἐν Σύρῳ 1886. Вторая часть этого издания начинается именно с этого гимна, помещенного как λόγος πρῶτος. σσ. 1 – 5. В Патмосской же рукописи это 30-е слово, а в латинском переводе, принадлежащем Поптану и под именем Divin. atogum.... помещенном в СХХ т. греческ. серии Патрологии Миня, настоящий гимн является 21 главою.

¹¹⁷ - Из этого обращения видно, что св. Отец писал этот гимн в виде послания к некоему лицу. В латинском переводе он и надписан в начале: Ad quemdam discipulum – к некоему ученику.

¹¹⁸ - Подразделения в гимнах заимствованы главным образом из издания Миня PG. t СХХ, где имеются 40 гимнов Симеона в латинском переводе.

¹¹⁹ - В Патмосской рукописи здесь вставлено еще: всего меня обоготворив – ὅλον με θεοποιήσας.

¹²⁰ - В Патмосской рукоп. здесь стоит единственное число – искру.

¹²¹ - В П. р. (или П. к, – так мы будем далее обозначать Патмосск. рукоп. или собственно копию ее), равно как и в л. п. (т. е. в латин. переводе) этот гимн стоит под номером 17.

¹²² - В л. п. нет этой фразы.

¹²³ - Чтобы избежать повторений, слова: ὑπὲρ τὴν ἀλόγων φύσιν оставляем без перевода.

¹²⁴ - В П. р. или только в копии ее (которой мы пользовались) здесь опущен, очевидно, целый лист по недосмотру переписчика до слов: «Устремив взор на один цвет»...

¹²⁵ - Ср. в греческ. издании твор. Симеона НБ. μέρος II, λογ. 55; εὐχή τῆς Ἁγίας Μεταλήψεως σ. 84 2, т. е. 55 гимн настоящего перевода.

¹²⁶ - Здесь пришлось отступить от дословного перевода, так как он

был бы слишком тяжел.

¹²⁷ - Отрицательный ответ здесь слишком ясен, чтобы его требовалось еще приводить, Поэтому следующую фразу: ὄντως οὐδαμῶς ἰσχύσει мы оставляем без перевода, как сделано и в латинск. переводе.

¹²⁸ - Здесь разумеются Лука и Клеопа. Примеч. греческ. изд. Преп. Симеон, очевидно, имеет в виду Лук. 24, 31 – 32.

¹²⁹ - Когда сердце учеников Христовых чрез Духа Святого воспламенилось любовью к Господу, тогда-то и отверзлись у них очи к познанию Его.

¹³⁰ - Речь идет о вознесении Христа. В л. п. здесь вставлено следующее пояснение: hoc illi dicebant evanuisse Dominum; sed rem ex se melientes plane – они говорили об этом, как об исчезновении Господа, судя, конечно, о деле по своей мерке.

¹³¹ - Вознесение Христа должно быть понимаемо сообразно с Его божественной природой; это ясно из предшествующих слов: «Ибо Творец всего, будучи неместим для всех тварей, как Бог все наполняющий, как иначе мог бы сокрыться?» Следовательно, когда Христос» исчезал, от взоров присутствовавших, как Бог, Он не двигался пространственно (localiter), хотя, как человек, пространственно двигался; о чем и Симеон свидетельствует, когда о вознесении Христа пишет таким образом; «Восприняв же тварь (свое человечество, разумеется) и скрывая или возводя ее на высоту в славу Свою (вот пространственное движение Христа, как человека), Оно (Слово) тогда внезапно сокрылось». Это примеч. взято из издания Миня и принадлежит латинск. переводчику, только цитаты из Симеона исправлены в нем по подлинному тексту.

¹³² - В П. р. здесь несколько иначе: Ὁ τὸν θάνατον ἀθλίως ἐναπέτεκεν εὐθέως, καὶ τὸν ἰδρώτων γέμοντα, καὶ πόνων, οἱ μοι βίον – что, жалким образом тотчас же породило смерть и жизнь, увы мне! полную потов и трудов. Латинск. переводчик, очевидно, имел у себя это последнее чтение.

¹³³ - В л. п. это место передано более пространно следующим образом: «Так полагай и о будущем времени, когда будет производиться суд; потому что кто в действительности будет обнажен от божественной славы, как и Адам, тот немедленно будет изгнан из рая и, разумеется, из царства небесного и небесного чертога, хотя бы он и греха не имел, но предстал пустым и от добродетелей». MP. gr. t. CXX col. 538C.

¹³⁴ - Латинск. перевод» настоящего гимна сделан, вероятно, с более пространной редакции, так как мы читаем в нем: «Зачем» вы заблуждаетесь? зачем опираетесь на пустую надежду и другим», всеу,

конечно, верующим, желаете приготовить погибель, а себе великое мучение? Но Он внушает тебе, чтобы ты прежде нашел жемчужину, и когда увидишь, что она необыкновенно в бесконечно драгоценна, тогда уже, продав все, купил ее. Ты возражаешь: «в надежде», и тем показываешь, что не желаешь искать» и пр. col. 530CD.

¹³⁵ - В л. п. нет этого гимна. Равно и П. р. не сохранила нам его, так как конец ее утрачен (начиная с 35 гимна). Из оглавления гимнов в названном кодексе видно, что настоящий гимн должен бы находиться в нем на 55-м месте.

¹³⁶ - и не покаяться, разумеется. Ведь раньше св. Отец упомянул о покаянии, которое дано нам для вторичного очищения.

¹³⁷ - Из дальнейших слов видно, что Симеон говорит здесь о себе самом.

¹³⁸ - Продолжая и далее вести речь как бы от лица Божия, преп. Симеон припоминает здесь важнейшие события из своей жизни.

¹³⁹ - Преп. Симеон разумеет в данном случае своего духовного отца – Симеона Благоговейного.

¹⁴⁰ - Т. е. Симеон» Благоговейный.

¹⁴¹ - В П. р. это – 8 слово, а в латинск. перев. 8 глава.

¹⁴² - В П. р. это 6 слово, в латинск. переводе 7 глава

¹⁴³ - περιόρασсу; в л. п. *rugno concludis*.

¹⁴⁴ - В П. к. и в латинск. переводе этот гимн стоит под номером 13.

¹⁴⁵ - В» греческ. изд. это место читается так»: δ' καὶ σαρκὸς θελήματα χοῖκὰ εἶναι λέγω. В П. же к. конец читается иначе: ...χοῖκῆς οἶδα καὶ λέγω, т. е, каковыя (потребности) я знаю и называю желаниями земной плоти. Латинск. перевод сделан согласно этому последнему чтению.

¹⁴⁶ - Понятие – любить в греческ, языке выражается глаголами: ἀγαπάω, ἐράω, φιλέω и др. В каждый из них имеет свой оттенок: ἀγάπη указывает на любовь главным образом, как на добродетель, ἔρως – на любовь, как на страстное влечение, страсть; φιλέω же означает любить в смысле – вести дружбу, иметь взаимное уважение. Первый глагол подчеркивает в любви нравственный элемент, второй – половой и третий – социальный. После этих разъяснений смысл слов св. отца вполне понятен».

¹⁴⁷ - В П. р. это 16 слово, а в латинск. перев. 16 глава.

¹⁴⁸ - В л. п. этого гимна совершенно нет, а в П. р. он является 24 словом, которое надписано более пространно. Заглавие его в русск. перев.

читается таким образом: «В чем исповедуясь письменно в настоящем слове, (св. Отец) обнаруживает глубину своего смирения и, продолжая, научает ему, подражая и в этом достигшему (совершенной) меры смирения и удостоившемуся таковых откровений в богословии Божественному Павлу, который называет себя грешником и недостойным зваться Апостолом». Это же заглавие указывает и Алляций в своем списке гимнов Симеона под № 24. См. МР. gr. t. СХХ, col. 302АВ. Как этот гимн, так и некоторые другие, преимущественно те, которых нет в л. п., переведены нами построчно или

¹⁴⁹ - Этот стих взят из П. р.

¹⁵⁰ - Души своей, разумеется, как говорит он в слове (т. е. гимне) 39, ибо Отец понимает это мысленно (νοητός) по причине крайнего смирения. Это примеч. взято на греческ. изд. μέρος II, σελίς 14.

¹⁵¹ - Вместо γνώμη в П. к. стоит ἔργω – делом. Кроме того, в П. р. после этого вставлен еще стих: γέγονα λόρνος μέγας καὶ παιδοφθόρος – я был великим блудником и детораствителем.

¹⁵² - В П. р. стоит здесь не ὄμως, а ὄλως; тогда эти слова надо перевести: каковыми видеть нас враг совершенно не терпит.

¹⁵³ - Этого стиха нет в П. р.

¹⁵⁴ - ἐν ἐπιγνώσει γεγονώς τῶν κακῶν μου, т. е. (передавая свободно) сделался человеком, воспринял человеческую плоть и ее немощи.

¹⁵⁵ - В П. р. здесь вставлены следующ. слова: или постигнуть величие славы? Ибо кто не видел того, чего око и пр.

¹⁵⁶ - В этих словах преп. Симеона может прочесть себе предостережение тот, кто бы попытался расценивать духовный опыт св. Отца, его видения и откровения, по мерке обыкновенных рассудочных понятий.

¹⁵⁷ - В П. к. это 26 слово. В л. же п. оно отсутствует,

¹⁵⁸ - В данном случае мы следуем» чтению П. р., где прибавлено: καὶ δοκῶν, каковых слов нет в печатном» греческ. изд.

¹⁵⁹ - Т. е, обоготворяя только евхаристический хлеб и вино, а не причащающихся их.

¹⁶⁰ - В греческ. тексте стоит ἐκ τῶν χειρῶν... (τῶν μαθητῶν). Мысль св. Отца здесь очень прозрачна, но лучше, думается, передать ее не буквально: не из рук учеников, а: на глазах учеников.

¹⁶¹ - Вышеприведенные слова, начиная отсюда: «Пусть вера вместо дел вменится мне» и пр. дословно читаются в восьмой утренней молитве

¹⁶² - И эти дальнейшие слова мы буквально читаем в той же молитве; только они поставлены там выше предыдущих. На основании этих буквальных выдержек следует заключить, что автором названной прекрасной молитвы является или непосредственно сам пр. Симеон НБ., или она составлена кем-либо из его слов, взятых из 9 гимна.

¹⁶³ - В л. п. это 33 глава. П. же к. не сохранил этого гимна, но в полном оглавлении гимнов (которое сохранилось в названном кодексе) они, значатся под номером» 46-м».

¹⁶⁴ - Ср. Мф. 5, 16.

¹⁶⁵ - В л. п. *insuper*.

¹⁶⁶ - В л. п. это 35 глава. В П. же р. этот гимн по оглавлению должен быть 48, но он также утрачен.

¹⁶⁷ - ...λαρέδειξας λαμπρότητα σου θείαν; в л. п.: *quam tu exemplum claritatis et fulgoris tui exhibuisti*.

¹⁶⁸ - ξένοι; л. п.: *hospites ac peregrini*.

¹⁶⁹ - ἐνὸς ἐκάστου χρείαν, в л. п.: *necessitatem et usum*.

¹⁷⁰ - *et consecraris* – это вставка из л. п.

¹⁷¹ - ἄνεσιν; в л. п.: *quietem et remissionem*.

¹⁷² - В л. п. это 26 глава; в П. же р. этот гимн утрачен, но в оглавлении значится, как 39 слово.

¹⁷³ - Начиная отсюда и до конца отдела (до новой строки), перевод» сделан с латинского; в греческ. же печатном тексте этой части гимна мы не находим.

¹⁷⁴ - Отсюда и далее имеется и греческ. подлинный текст.

¹⁷⁵ - В л. п. 27 глава; в П. к. этот гимн также значится только в оглавлении, как 40 слово.

¹⁷⁶ - Т. о., очевидно, то, о чем преп. Симеон» говорил и писал раньше в других гимнах. Латинск. перевод в» данном случае сделан, быть может, по другому чтению, так как эта фраза переведена словами: *Rursum reteggit et ostendit omnia*.

¹⁷⁷ - Этот период до следующей точки взят из л. п.; в печатном греческом» тексте его нет.

¹⁷⁸ - Слова эти, поставленные в скобах, взяты из л. п.

¹⁷⁹ - Слова эти, поставленные в скобах, взяты из л. п.

¹⁸⁰ - Слова эти, поставленные в скобах, взяты из л. п.

¹⁸¹ - В л. п. 29 глава; в П. к. и этот гимн утрачен в оглавлении же он

занимает 42 место.

¹⁸² - В греческ. тексте τὸ πᾶν, в латинск. – omne seu universum.

¹⁸³ - ἐκ τῶν ᾧδε в л. п.: ex his quae hic egerunt.

¹⁸⁴ - Эти слова Симеона должно относить не ко всем грешникам, но только к отлученным от Церкви. Ибо иные хотя бы и весьма великие грешники, явные ли то, или тайные, поистине находятся в Церкви, только бы однако они не отверглись веры. Примеч. латинск. переводчика.

¹⁸⁵ - Буквально: от смерти – ἀπὸ θανάτου и т. д.

¹⁸⁶ - В л. п. этому гимну соответствует 23 глава; в П. же к. он так же, как и предыдущие гимны, только числится в оглавлении, как 36 слово.

¹⁸⁷ - В л. п. эта фраза опущена.

¹⁸⁸ - По л. п.: и, наконец, даже самую смерть, нанесенную нам беззаконными.

¹⁸⁹ - Этой фразы нет в л. п.

¹⁹⁰ - Слова в скобках из л. п.

¹⁹¹ - В л. п. 22 глава; в П. же р. это 35 слово, сохранившееся только отчасти, так как на нем обрывается цитируемый нами кодекс Патмосск. библиотеки (№ 427).

¹⁹² - Вместо Θεὸν в конце заглавия, в л. п. читается: eam... videri – видеть ее, т. е. славу Божию. И в П. р. в двух местах заглавия есть незначительные различия: вместо Ἄγιοι читается Ἄγγελοι и вместо ὡς ἐφικτόν – ὡς θεμιτόν. С такими же различиями оглавление этого гимна читал и Алляций. См. МР. gr. t. СХХ. col. 303. Последнее различие не имеет существенного значения; но первое, когда вместо – все святые читать – все Ангелы, более, кажется, отвечает содержанию гимна. Однако тогда вместо ἀνθρωπίνῃ φύσει следовало бы читать – κτιστῆ φύσει.

¹⁹³ - Слова в скобках из л. п.

¹⁹⁴ - ἦν πρὸ τοῦ γενέσθαι ὄντως; в л. п.: antequam nasceret – прежде чем родился, т. е. родился, как человек, прежде чем воплотился.

¹⁹⁵ - ...καὶ θεοῦνται; как читается и в П. р. Но латинск. переводчик читал, очевидно, καὶ θεωροθῆναι, и потому перевел»: contemplanturque.

¹⁹⁶ - Здесь гимн прекращается в П. к.; этим же заканчивается и последний сохранившийся лист кодекса.

¹⁹⁷ - В П. р. этот гимн уцелел под именем 34 слова; но в л. п. его нет.

¹⁹⁸ - В П. р. τὰς ψυχὰς αὐτῶν (вместо αὐτάς) – души свои.

¹⁹⁹ - В П. р. τὸ φῶς τὸ αἰσθητόν – чувственный свет.

- ²⁰⁰ - Вместо μέγας в П. к. читается ἡμέρας, т. е. как солнце днем.
- ²⁰¹ - В П. р. не τῆ ἑλλάμφθείση, но τῆ ἑλλάμψει. т. е. чрез озарение.
- ²⁰² - Здесь, понятно, св. Отец пишет как бы от лица Духа Святого или Христа – мысленного Света, обращающегося к пр. Симеону с ответом.
- ²⁰³ - Буквально: двойной алфавит – διπλοῦς. Так этот гимн назван потому, что каждое двустигиие в нем начинается с особой буквы алфавита по порядку; начальные же буквы всех 24 двустигий составляют полный греческ. алфавит.
- ²⁰⁴ - В П. к. это 5 слово; в л. же п. 6 глава, которая, весьма понятно почему, не названа алфавитом, а просто: Praeceptiones, quibus tyro monachus etc.
- ²⁰⁵ - Т. е. обожение человека чрез воплощение Сына Божия.
- ²⁰⁶ - В П. р. Χριστός, а не Θεός
- ²⁰⁷ - В П. р. не Θεός οὐσα, Θεοῦ οὐσα, т. е. Богу присущая.
- ²⁰⁸ - δῶρον μυστικῶς δωρούμενον ἀξίοις – строка эта взята из П. р.
- ²⁰⁹ - В П. р. слово 4; в л. п. 5 глава.
- ²¹⁰ - В П. р. вместо μόνον читается μόνα ... (πραχθένια) – плачь об одних.
- ²¹¹ - В П. р. δόξαν εὐρηκέναι, т.е. (не обольщайся), что ты обрел славу.
- ²¹² - Дальнейшие фразы до слов: «Видеть же таким образом»... взяты только из л. п.
- ²¹³ - В л. п. эта мысль изложена пространнее: «Итак, чудная и удивления достойная вещь – слышать духовно и видеть также духовно, (это) величайшее из чудес».
- ²¹⁴ - Ближе: сочинили или разыграли драму моего изгнания – τῶν δραματουρούων τῆς ἐμῆς ἐξορίας. Об изгнании Симеона см. в житии его.
- ²¹⁵ - В П. к. 27 слово; в л. п. 18 глава.
- ²¹⁶ - Это пояснение взято из л. п., где вставлено: qui hoc animo sumus.
- ²¹⁷ - Взято из л. п.: quam vis in frequenti populo sint relictī.
- ²¹⁸ - Оттуда же.
- ²¹⁹ - Οἱ μετὰ μόνου τοῦ Θεοῦ καὶ ἐν Θεῷ δὲ μόνοι – так читается эта фраза в П. р.; в печатном же греческ. тексте она опущена, очевидно, просто по недосмотру.
- ²²⁰ - Если принять чтение П. к., где вместо ἧ̃ стоит» εἰ, то эту фразу надо передать в виде условного предложения: если же поистине они живут там, то смотри и пр.

- 221 - В П. к. вместо κινούνται читается νοοῦνται, т. е. и живут и познаются.
- 222 - В П. р. 28 слово; в л. п. 19 глава.
- 223 - То, что далее, поставленное в скобах из л. п.
- 224 - В л. п. нет дальнейших фраз до слов: «и снова увидел»...
- 225 - Этких слов до: «о Свет неименуемый» нет в л. п.
- 226 - Дальнейшего предложения нет в л. п.
- 227 - καὶ σοῦ αὐτοῦ – так читается в П. р.; в печатном же тексте – без αὐτοῦ.
- 228 - В П. р. 29 слово; в л. п. 20 глава.
- 229 - В П. р. ἀκούσατε λαλοῦντι и пр. и затем прибавлено; διηγουμεωφ, т. е. внимайте говорящему и повествующему и пр.
- 230 - В П. р. вместо οὖν стоит здесь αὔ.
- 231 - Κρυπτομένου φαίνόμενου – этих слов нет в П. р.
- 232 - Вместо ἀπαραλείπτως в П. к. читается ἀπαραλλάκτως – непреложно.
- 233 - удалено переводчиком – ред.
- 234 - Ср. II Кор. 12, 9 – 10... «егда бо немоществую, тогда силен есмь».
- 235 - В л. п. 36 глава; в П. р. этот гимн не сохранился, в оглавлении же гимнов, имеющемся в этой рукописи, он числится, как 51 слово.
- 236 - В П. р. это место читается без тех опечаток, которые допущены в изданном греческ. тексте, именно; οἶά τῆς εἰς τὸν πληαῖον ἐπιμελῖας.
- 237 - В П. р. этот гимн не сохранился, так как по оглавлению он должен быть 49 словом; нет его и в л. п.
- 238 - В л. п. этот маленький гимн известен, как предпоследняя 39 глава Divinorum amorum... И по оглавлению гимнов в П. р. он и там также является предпоследним 57 словом, которое, конечно, не сохранилось.
- 239 - В л. п. 30 глава; в П. же р. этот гимн известен только по оглавлению, как 43 слово.
- 240 - ...καὶ κατηχεῖν, в л. п. ac pietatis rudimentis imbuerе.
- 241 - tuam gratiam; в изданном же греческ. тексте этого нет.
- 242 - В П. к. это 1 слово; а в л. п. 2 глава. В рукописной копии Патмосского кодекса (которую мы в имеем ввиду, когда цитируем Патмосский кодекс или рукопись) этот гимн, равно как в введение в гимны Ἀρχὴ τῶν θεῶν ὕμνων переписаны в виде прозы, хотя первый написан политическими стихами, ямбом в 7 ½ стоп» (в 15 слогов), и в

таким виде напечатан в том греческ. издании, которым мы пользуемся.

²⁴³ - В П. р. опущено: τοῦ ὄντος ὑπὲρ ἑλαινόν.

²⁴⁴ - Пр. Симеон говорит здесь о духовном отце своем – Симеоне Благоговейном, как это видно из жития Симеона НБ. (разумеем полный текст жития).

²⁴⁵ - Этого вводного предложения нет в л. п.

²⁴⁶ - В П. р. и в л. п. это слово стоит во множ. числе.

²⁴⁷ - τό πᾶν – universum; ср. I Кор. 15, 28.

²⁴⁸ - В П. р. 2 слово; в л. п. 3 глава.

²⁴⁹ - В П. р. вместо διαθῦες стоит δι' αὐτῆς, т. е. и чрез Него (Божество) сияющим.

²⁵⁰ - Καὶ τὸν σὸν Υἱὸν ἀπὸ σοῦ γεννηθέντα, καὶ ἐκπορευτὸν το Πανάγιον Πνεῦμα. Учение об исхождении Духа Святого высказано здесь несколько неполно, так как пр. Симеону при стихотворной форме гимна приходилось в данном случае считаться с требованиями метрики. Тем не менее на основании расстановки слов это место можно перевести не иначе, как в православном смысле. Между тем Понтан дает такой перевод этого места: et Filium ex te genitum, et procedentem ex utroque Spiritum sanctissimum. Таким образом здесь мы видим явное искажение подлинного греческ. текста латинск. переводчиком под влиянием римско-католич. учения – filioque. Но у нашего св. Отца нет никаких намеков на последнее. Пр. Симеон в своих беседах или словах весьма ясно учит об исхождении Св. Духа только от Отца. См. греч. изд. твор. Симеона НБ. ἐν Σύρω 1886 μ. I, λ. 57 σ. 294; λ. 61 σ. 320 2; λ. 62, σσ. 324 1. 325 1; λ. 80 σ. 438 2. Р. п. «Слова» пр. Симеона Н. Б. вып. II М. 1890 стр. 46. 49, 103, 105, 331 и др. Важнее в данном случае сослаться на гимны пр. Симеона, для которых имеется печатный подлинный текст. Но и в гимнах совершенно ясно выражено православное учение об исхождении Духа Святого, напр., в 34 гимне читаем: ...ἐκ Πατρὸς τὸ Πνεῦμα, μᾶλλον δ' ἐν Πατρὶ καὶ μένει καὶ προέρχεται ἀφράστως. Даже и Понтан не решился извратить этого места в латинск. переводе. См. последний у MP. gr. t. CXX Div. amur. c. XXXI, col. 578D. В 42 гимне пр. Симеон пишет: Εἰ ὁ Πατὴρ γὰρ ἐν σοὶ, καὶ σὺ ἐν τῷ Πατρὶ σου, καὶ ἐξ αὐτοῦ τὸ Ἅγιον προέρχεται ἕως Πνεύμα... Цитир. греч. изд. μ. II σσ. 49 2 я 63 2. См. еще 59 гимн в настоящем переводе и подлинный текст к нему в приложении I.

²⁵¹ - В П. р. стоит не νεῖκος, но νίκος, и в л. п. – victoria.

²⁵² - В П. к. вместо δήλωσις читается δούλωσις – подчинение; в л. п.,

согласно последнему чтению, стоит также *subjectio*. Но первое чтение более, кажется, отвечает контексту речи.

²⁵³ - В П. р. здесь стоит καὶ – и силою.

²⁵⁴ - В П. к. и в л. п. этот гимн известен как 9 слово или глава.

²⁵⁵ - В П. р. не τίς, а πῶς – каким образом, достойно ходя и пр.

²⁵⁶ - Βαβαὶ γνῶαεως καὶ λόγων εὐτελείας; д л. п. *Rarae, quam facilis ista cognitio, et non subtilis oratio* – о как легковесно это познание в как не точна (наша) речь!

²⁵⁷ - В печатном греческ. тексте здесь везде стоит частица ἦ, но в П. р. везде καὶ, и в л. п. в первом и втором случае ас, а в третьем quoque.

²⁵⁸ - В печатном греческ. тексте здесь везде стоит частица ἦ, но в П. р. везде καὶ, и в л. п. в первом и втором случае ас, а в третьем quoque.

²⁵⁹ - В печатном греческ. тексте здесь везде стоит частица ἦ, но в П. р. везде καὶ, и в л. п. в первом и втором случае ас, а в третьем quoque.

²⁶⁰ - В П. р. и в л. п. этот гимн стоит под номером 14-м.

²⁶¹ - Латинск. переводчик» делает к этому месту примечание, где, приводя параллели из псал. 37, 4. 8, замечает, что пр. Симеон говорит это по смирению и по скромности; затем изъясняет, в каком смысле человек может быть назван весь грехом, т. е. гиперболически; и, наконец, делает предостережение против возможных попыток обосновать на этом изречении св. Отца учение о неизгладимости первородного греха даже после крещения. Мы не вполне разделяем неглубокие мысли автора примечания, поэтому и не приводим его сполна.

²⁶² - В данном случае мы следуем чтению П. р. и л. п.; но в греческом печатном тексте вместо πλήθη читается πάθη τῶν κακῶν μου – о злых страстях своих.

²⁶³ - Εἰς ὄνομα τῆς σῆς σαρκός; в л. п. *ad corpus et sanguinem tuum... conficiendum.*

²⁶⁴ - Ср. I Кор. 11, 26.

²⁶⁵ - В л. п. опущены дальнейшие два стиха до слов»: «через которое могу»...

²⁶⁶ - В П. р. здесь καὶ, а не ἦ, как в печатном греческ. тексте.

²⁶⁷ - В П. р. 25 слово; в л. п. этого гимна нет.

²⁶⁸ - В П. р. читается πῶς τίς, а не ἦς τίς.

²⁶⁹ - т. е. Христа, Богочеловека.

²⁷⁰ - Τὸν Κύριον прибавлено в П. р.

- 271 - В П. р. ὄτε.
- 272 - Этот гимн имеется и в П. к. и в л. п.: в первом», как 11 слово, а в последнем как 11 глава.
- 273 - Это я следующее предложение взяты из л. п.
- 274 - Слова в скобках из л. п.
- 275 - Эти слова в скобках из л. п.
- 276 - В л. п. 28 глава; в П. р. этот гимн утрачен, так как по оглавлению он должен быть 41 словом.
- 277 - Слова в скобках из л. п.
- 278 - В л. п. *mesum in gratiam restitutum* – восстановлен со Мной в благодать.
- 279 - Эти слова в скобах взяты из л. п.
- 280 - Этого придаточного предложения нет в л. п.
- 281 - Все эти слова в скобах взяты из л. п.
- 282 - Вместо τοῦ Θεοῦ в П. р. читается τοῦ πρωτοτύπου – Первообраза, с чем согласен и л. п.
- 283 - В л. п. 31 глава; в П. к. этот гимн известен только по заглавию, как 44 слово.
- 284 - г. т. душа, ум и слово.
- 285 - Слова эти взяты из л. п.,
- 286 - т. е. Бог и Дух.
- 287 - Слова эти в скобах» взяты из л. п.
- 288 - σωφροσύνης, т. е. целомудрием в собственном смысле, иначе сказать здравомыслием.
- 289 - Слова в скобах взяты из л. п.
- 290 - Заключенное в скобах взято из л. п. ; следующие же зза этим две-три фразы переданы в л. п. сокращенно.
- 291 - В л. п. *quae crebro rudius ac simplicius enumeravi* – то, что я часто исчислял в более безыскусственных и простых (выражениях).
- 292 - В л. п. 38 глава; в П. р. этот гимн не сохранился, в оглавлении же он указан, как 50 слово.
- 293 - В П. р. и в л. п. этот гимн помещен под номером 12-м.
- 294 - В л. п. далее следует большой пропуск за отсутствием в рукописи, которой пользовался переводчик, вырванного листа.
- 295 - Т. е. свет тройственный и единый.

²⁹⁶ - Вместо ἀποτελεῖται надо читать ἀπολεῖται, как читается это слово в П. р.

²⁹⁷ - Начиная отсюда, дальнейший текст имеется н в л. п., из которого изъяты следующие за этим слова, поставленные в скобках.

²⁹⁸ - Этих слов до следующей точки, т. е. конца периода, нет в л. п.

²⁹⁹ - В П. р. стоит не ἀνθρώπων, как в печатном тексте, а βροτῶν, в л. п. также mortalibus. Последнее слово действительно подходит здесь более.

³⁰⁰ - В П. р. это 18 слово; в л. же п. нет как этого, так и дальнейших шести гимнов, кончая 43-м.

³⁰¹ - В П. р. не μηδαμῶς, а μηδαμου – нигде.

³⁰² - Этого стиха нет в П. р.

³⁰³ - μετὰ κλαθμῶν, в П. р. με τὰ κλαθμοῦ, т. е. (искать) того, что относится к плачу, или просто плача.

³⁰⁴ - Здесь пр. Симеон говорит о своем духовном отце – Симеоне Студите или Благоговейном.

³⁰⁵ - т. е. духовный отец пр. Симеона, о котором выше шла речь.

³⁰⁶ - Этот стих взят из П. р.; в печатном тексте он опущен, вероятно по недосмотру.

³⁰⁷ - В П. р. здесь более правильное чтение: ἐνεργοῦσαι, а не ἐνεργῆσαι.

³⁰⁸ - В П. к. 19 слово.

³⁰⁹ - В П. р. здесь прибавлено μου, опущенное в печатном тексте.

³¹⁰ - В П. р. не διέρχεται, а διέρχομαι.

³¹¹ - В греческ. языке καρδία – сердце женск. рода, поэтому буквальный перевод этого места без сделанной вставки был бы неудачен. Дословно этот стих нужно бы передать так»: ...слышащим: радуйся, благодатное, т. е. сердце.

³¹² - В П. р. это 20 слово.

³¹³ - т. е. по душе и по телу, вне и внутри.

³¹⁴ - Здесь святой (Отец») сам» себя разоблачает, ибо те грехи, которые в других словах (гимнах) он приписывает себе, как будто совершенные им телесно, он понимает, очевидно, мысленно (в духовном смысле) по чрезвычайному смирению. Это примечание, переведенное с греческого, помещено как в П. р. так.» и в печатном» издании гимнов.

³¹⁵ - В П. р. 22 слово.

³¹⁶ - В изданном греческ. тексте следующие стихи читаются так, И хочешь познать то, что касается Меня, как никто другой не знал. О диво! о

произволение человеческое! Ибо хотя и порицал Я тебя, но Я напротив и хвалю тебя, Потому что и ты – Мое дело и творение. Как ты, образованный из земли, из глины и праха, На ней держимый и с нею живущий, Все вменяешь в ничто и даже считаешь как бы тенью? И минуя все, ищешь Меня одного, Желаете говорить обо Мне, рассказывать про Меня И смотреть на Меня, если возможно, в продолжение всей жизни, Не отведывая ни сна, ни пищи я питья, И не заботясь совершенно об одежде телесной? Но как бы деревьями и пнями, стоящими вдоль пути, Таковым считаешь все славное в мире, Опуская (его), как ничто, на пути жизни, И не обращаясь (вокруг) оком ума И не позволяя душевным очам взирать на (все) это, Но воображаешь Меня и обо Мне одном помнишь, И любишь Меня, как никто из находящихся с тобою? Ибо кто о имени Моем радуется сердцем И возбуждается тотчас к любви и желанию? Кто, услышав многократное упоминание обо Мне, Прослезился от души, имея в мыслях Меня одного? Кто со тщанием взыскал познания и соблюдения Удержись, смертный человек, ибо это не полезно тебе. Итак, веруй, что Я – свет и пр. Но в П. р. находим здесь большую вставку, занимающую около двух листов. В своем переводе мы помещаем и эту вставку. Таким образом дальнейшие стихи взяты из рукописи. Божественных слов или заповедей Моих? Кто счел Меня, как ты, Богом над всеми, И немедленно пожелал служить Мне одному, И ради того родителей и братьев и дом, Землю и вместе сродников, и соседей, и друзей Так презрел и так приступил ко Мне, Как бы никогда не видел никого из них И не знал на земле человека в сем мире, Но как бы пришел в некую чужую страну и город, Где все – варвары и говорят на ином языке? Так ты среди близких, знакомых и друзей, Своих и начальников и богатых мира Живешь и настроен, находясь среди них. Но это, считаемое бесчувственными пустым и маловажным, У Меня, взирающего на это, велико и высоко. Кто из великих земных властей и владык, Или из утверждающих на Мне (свое) начальствование и царствование, Или из изображающих лицо Моих Божественных Апостолов Либо помыслил, либо мог соблюсти то, Чтобы во время исполнения заповеди Моей и закона Как на одного взирать на всех: на сродников и чужих, Богатых вместе и бедных, славных и бесславных, На вельмож же вместе с нищими? Какой судья беспристрастно смотрит на грабеж среди них? Если бы Я нашел душу, соблюдающую это в мире, В особенности в настоящем поколении и (в настоящее) время, То Я прослаблю (такового) наравне с Апостолами Моими и пророками, И он воссядет со мною в пришествии Моем, Ибо будет судить праведно и тогда, как на земле, И получит славу Судии живых и мертвых. Благо – взыскать

этого и прочего с этим, И, сколько есть силы, соблюдать и точно хранить, Не исследуя естества Моего, сыне человеческий, Ни действий Духа Моего Святого, Как Он показывается солнцем и видится звездой, Появляясь где-то вдали и поднимаясь выше гор. Когда же Он скрывается от глаз твоих, То причиняет тебе неутешную скорбь и печаль; И в то время, как ты полагаешь, что Он еще не явился тебе, Он обретается где-то внутри твоего сердца, Неожиданно доставляя тебе и изумление и радость; И так как не показывается тебе (уже) пламенем и не видится сиянием и огнем, То ты удивляешься и исследуешь. – Ибо не полезно тебе это. Итак ¹

³¹⁷ - В П. р. вместо εἶς, как в печатном тексте, пишется οἷς.

³¹⁸ - Это последнее слово прибавлено в П. р.

³¹⁹ - В П. р. это 23 слово.

³²⁰ - Ясно, что, начиная отсюда, речь идет от лица Бога – Творца. В П. р. около этого стиха приписано в скобах: λύσις, т. е. решение, ответ на предыдущие вопросы.

³²¹ - Отсюда и до конца гимна Симеон снова, по-видимому, ведет речь от своего лица, обращаясь по временам с разъяснениями к слушателю или читателю и отвечая на предполагаемые его возражения и недоумения.

³²² - В П. р. здесь прибавлено: καὶ τοῖ συνημιέναις ἔχεις – в совокупности, правда, имеешь.

³²³ - Преп. Симеон понимает здесь, вероятно, следующие слова Григория Богослова: «где очищение, там озарение; озарение же есть исполнение желания для стремящихся к предметам высочайшим»... Oratio XXXIX in Sancta lumina MP. gr. t. XXXVI col. 344A; русск. перев. ч. III, стр. 213.

³²⁴ - В П. р. 31 слово.

³²⁵ - Вместо ἀνέκφραστα в П. р. читается ἀνέκφορα – непереносимо, сокровенно.

³²⁶ - ἡ ποῦ прибавлено в П. р.; и печатном же тексте этого нет.

³²⁷ - Быть может, св. Отец понимает здесь Мф. 7, 21; Лук. 12, 47; Мр. 16, 16 или скорее все те места св. Писания, в которых говорится об исполнении и неисполнении воли Божией и Божественных повелений.

³²⁸ - В П. р. 33 слово.

³²⁹ - В П. р. этот гимн не уцелел: в оглавлении же он числится 38 словом. В л. п. это 25 глава.

³³⁰ - В л. п. singulari quodam modo – «единственным» некоторым

образом.

³³¹ - Слова в скобах взяты из л. п.

³³² - В П. р. этот гимн стоит под тем же числом, что и в печатном издании, но он известен там только по заглавию; самый же текст гимна утрачен. В л. п. это 32 глава.

³³³ - Слова в скобках взяты из л. п.

³³⁴ - В л. п. этого гимна совершенно нет, а в П. р. он известен только в оглавлении, как 50 слово.

³³⁵ - Быть может, св. Отец понимает здесь Ефес. 2,1 – 5 или II Кор. 4, 4.

³³⁶ - В л. п. 37 глава: в П. р. по оглавлению это 52 слово, которое, конечно, утрачено.

³³⁷ - В л. п. – *quando mundum eub pedibus habui* – когда мир у меня был под ногами.

³³⁸ - Слова к скобкам взяты из л. п., где прибавлено; *et fidei confirmationem, et fidei tesseram...*

³³⁹ - *hoc est* – поясняет это слово латинский переводчик. – *vi seu facultate cognoscendi praediti.*

³⁴⁰ - Дальнейшие слова до конца гимна взяты из л. к. В греческ. же тексте творений пр. Симеона, изданном *ἐν Σύρω* 1886, за этими словами следует другая половина гимна совершенно иного содержания, чем первая, механически по какому-то недосмотру присоединенная сюда. Содержание этой второй половины ясно показывает, что это совершенно особый гимн, известный в П. р. как 54 слово, сохранившееся только в заглавии. Дабы оставить гимны до конца под тою же нумерацией, что и в вышеназванном греческ. издания, вторую половину 47 гимна мы помещаем в настоящем переводе непосредственно за последним 55 гимном этого издания, под номером 56-м.

³⁴¹ - В П. р. 3 слово; в л. п. 4 глава.

³⁴² - *καὶ προσοικεῖοῦμι εἰνος, ὡς ξένος πέλει.* Здесь, как и в предыдущем стихе, мысль св. Отца движется по контрасту. Латинск. же перевод представляется нам очень отдаленным: *et conciliata sibi multorum amicitia instar hospitis ac peregrini est* – и снискав себе расположение в дружбу многих и пр.

³⁴³ - В П. р. 7 слово; в л. п. этого гимна нет.

³⁴⁴ - Этого стиха нет в П. р.

³⁴⁵ - Этот стих и следующие за ним 4 стиха взяты из П. р.; в печатном тексте гимна их нет.

³⁴⁶ - В л. п. нет этого гимна, равно как и в П. р.; в последней он известен только по заглавию в оглавлении гимнов, как последнее 58 слово.

³⁴⁷ - ὡς ὄντες εἰς ὄνομα τῶν μαθητῶν μου – как носящие имя Моих учеников, т. е. апостольское звание.

³⁴⁸ - т. е. над верующими.

³⁴⁹ - т. е. седьмого тысячелетия от сотворения мира.

³⁵⁰ - Св. Отец понимает здесь, вероятно, Мф. 18, 10.

³⁵¹ - Ср. Мф. 23, 26.

³⁵² - В П. р. 32 слово; в л. п. нет этого гимна.

³⁵³ - В П. р. поставлено причастие настоящего времени – верующие.

³⁵⁴ - В л. п. 34 глава; в П. р. этот гимн не сохранился, так как в оглавлении он числится 47 словом.

³⁵⁵ - νοητὸν δ' ἐν αἰσθήσει: в л. п. in intellectualibus autem sensibilem – в мысленном же чувственным.

³⁵⁶ - Эти слова взяты из л. п.

³⁵⁷ - В л. п. нет следующих слов до: то как...

³⁵⁸ - Слова в скобках из л. п.

³⁵⁹ - В л. п. здесь несколько иначе: ut eo abdicatus, tantummodo etc. – чтобы я, отказавшись от него, оплакивал только и пр.

³⁶⁰ - В л. п. 24 глава; в П. р. и этот гимн не уцелел, так как в оглавлении он значится 37 словом.

³⁶¹ - Ее нет ни в л. п., ни в П. р. В славянском переводе с незначительными изменениями эта молитва имеется в следованной псалтири старой печати, после молитв во причащении; мы кашли ее еще в «Правиле ко св. причащению» Синодального издания М. 1890. стр. 170 обор – 174. В славянском переводе она надписана, как «молитва Симеона Метафраста». Однако в числе молитв, известных с именем Симеона Метафраста, этой молитвы мы не находим. См. МР. gr. t. 114 coll. 130 A. 220 – 225. Симеона Метафраста и Симеона НБ. ранние иногда смешивали, и даже в некоторых греческих рукописях творения Симеона НБ. ошибочно надписаны одновременно и именем Метафраста. См. *ibid.* col. 144 АВ. Таким путам и настоящая молитва могла быть приписана Симеону Метафрасту.

³⁶² - Этот стих, как и другие стихи в данной молитве, поставленные в скобках, взяты из славянск. перевода

³⁶³ - Этот и предыдущий стих в славянск. переводе молитвы читаются

так: «душу мою удержи от помышлений, ум же воцари над разуменми»...

³⁶⁴ - В славянск. перев. этот стих вместе с предыдущим читается иначе: «неправедных освящай, не непорочных просвещай»...

³⁶⁵ - Это прибавление к стиху также заимствовано из славянск, перев. молитвы.

³⁶⁶ - В славянск. переводе вместо – монашеский образ читается: образ второго покаяния.

³⁶⁷ - В славянск. перев. «горе возносящия поклонитися престолу огнеобразному и просветованному».

³⁶⁸ - Марк Афинянин, иначе Марк Фраческий, подобно Онуфрию Велик., подвизаясь в пустыне, вместо одежды имел власы свои и за необычайно суровые подвиги удостоился и необычайных дарований. Скончался он 130 лет около 400 г. Память Марка Афинянина 5 апреля.

³⁶⁹ - В славянск. перев. молитвы нет упоминания о Марке Афинянине и Ефреме Сирине. Все названные в молитве святые, жизнь которых относится к IV веку (за исключением Марии Египетской, жившей в V – VI веке), представляют собою величайших подвижников, главным образом делателей и учителей покаяния.

³⁷⁰ - Этой молитвы также нет ни в П. р., ни в л. п.; в греческ. же издании творений Симеона НБ. это последний 55 гимн, заканчивающий 2-ю часть и вместе всю книгу. В славянск. переводе эта другая молитва преп. Симеона доньше печатается во всех наших молитвословах, как 6 или 7 молитва ко причащению.

³⁷¹ - Предыдущий 55 гимн, как сказано уже было, является последним в греческом издании твор. преп. Симеона НБ. Подлинный текст на-

³⁷² - Этот гимн взят из П. р. где он помещен как 10 слово. Под тем же номером он известен и в л. п. В греческ. издании твор. преп. Симеона НБ. нет как этого, так и трех остальных гимнов; подлинный текст их доселе не издан. Настоящий гимн написан преп. Симеоном, очевидно, по поводу внезапной смерти одного из близких и дорогих ему лиц.

³⁷³ - ἐμπλήθηεις τῷ μολίβδῳ – здесь разумеется, очевидно, какой-то род смерти чрез свинец.

³⁷⁴ - Этот гимн взят также из П. р., где, как и в л. п., он помещен под номером 15-м.

³⁷⁵ - Слова в скобах взяты из л. п.

³⁷⁶ - В л. п. нет этого предложения.

³⁷⁷ - Так в л. п., но в рукописном греческ. тексте Патмосск. кодекса

здесь почему-то стоит: ἀκούω Παύλου.

³⁷⁸ - В греческ. тексте Ἀσίαν, но это, конечно, описка; надо читать οὐσίαν, так как в л. п. стоит essentiam.

³⁷⁹ - Дальнейших слов нет в л. п. до: так и нас...

³⁸⁰ - γινόμενα, в. л. п. futura.

³⁸¹ - Псал. 121, 5; ср. третий антифон» 1-го гласа.

³⁸² - В л. п. вставлено in spiritu.

³⁸³ - Тоже взято из л. п.

³⁸⁴ - В л. п. несколько иначе: «Я ли двигаю рукою? – и Христос также, ведь рука моя это Он», конечно»....

³⁸⁵ - В л. п.: «и каждый будем иметь всего Христа нашим членом. Ибо, один сделавшись многими (членами), Он остается нераздельно

³⁸⁶ - Об этом и Павел говорит: Возьмь ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи?» (I Кор. 6, 15). Ибо никто другим членом не соединяется с блудницею. И так как Христос был совершенным человеком, как и совершенным Богом, то, имея и эти члены, Он удостоил (их) нетления и обожения чрез самое соединение и общение. И те, которые от св. крещения облеклись во Христа и сохранили образ (Божий), или возвратили его чрез покаяние, имеют эти члены, детородный уд, говорю, и ятра, мертвыми для греха, чрез животворную мертвость, и самих удостоенными Божественного естества и названными членами Христовыми. Усмотрев эту славу в себе самом (см., например, XXVIII гимн, 123 – 124 стр. настоящ. перевода] и увидев всего себя всецело обоженным, святой (Отец) открывает неизреченное соединение Бога с верными людьми, бывающее по причине крайней любви Божией к ним, о котором, продолжая (речь), он говорит: «Итак, если ты облекся во всего Христа всею своею плотью, то ты без стыда будешь помышлять о всем том, о чем говорю я». И так как верные всею плотью облакаются во всего Христа, то святые не живут более во плоти, но в духе, «понеже Дух Божий [по словам ап. Павла] живет в вас... Аще же Христов в вас, плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради» (Рим. 8, 9 – 10). Поэтому «всяк, иже в Нем пребывает, не согрешает», как говорит возлюбленный (ученик) (1Иоан. 3, 6), и он не плоть есть, но один дух со Христом. Ибо подобно тому, как прилепляющийся жене есть одна плоть с нею, как говорит Павел, так и «прилепляйся Господеви един дух есть» с Ним (I Кор. 6, 16 – 17).

³⁸⁷ - Духовный отец преп. Симеона НБ.

388 - Это и далее до конца гимна имеется и в л. п.

389 - Очевидно, здесь речь идет о крестных страданиях Христа, во время которых солнце померкло.

390 - Этого гимна или послания, написанного стихами, нет ни в л. п., ни в греческ. печатном издании твор. Симеона НБ. В П. р. оно помещено под именем 21 слова, откуда оно и взято. Это то самое послание, которое Симеон написал патриаршему синкеллу Стефану, митрополиту Никомидийскому, предложившему однажды Симеону именно этот вопрос: «как ты отделяешь Сына от Отца?»... См. об этом в житии Симеона. В некоторых списках жития это послание помещено целиком; по крайней мере оно находится в рукописи Афонск. Пантелеимонова монастыря № 764 (см. каталог Ламброста т. II, стр. 428, № 6271), с которой сделана нами рукописная копия жития Симеона.

391 - Св. Отец понимает здесь, очевидно, Иоан. 14, 21. 23.

392 - Ср. I Кор. 9, 20 – 22.

393 - Ср. II Кор. 2, 15 – 16.

394 - По другой рукоп. (Афонской Пантелеимоновской № 764) –
Сыном.

395 - По другой рукоп. – Он не произошел и не будет происходить: Он Бог равный Отцу...

396 - По другой рукоп, – и одна другою или одно другим называемо
бывает.

397 - В другой рукоп. – как ты вводишь самое понятие?

398 - См. заглавие этого гимна.

399 - Это слово прибавлено в друг. рукоп.

400 - По другой рукоп. – И один я ведь знаю, что...

401 - Буквально: ни к чему полезному пускающегося в пустое
пространство.

402 - Слово это взято из друг. рукоп.

403 - Стихи настоящего гимна представляют не что иное, как эпиграмму к известному слову преп. Симеона НБ. «о трех образах внимания и молитвы», найденную нами в греческой рукописи 14 в., принадлежащей библиотеке одного из Афонских монастырей – Ксенофа, № 36, σελίς 560 (см. описание этой рукописи в каталоге Ламброста т. I, № 738, стр. 64 – 65). Над этой эпиграммой в рукописи помещено заглавие слова: τοῦ αὐτοῦ (т. е. Симеона НБ.) μέθοδος τῆς ἱερᾶς προσευχῆς καὶ ἱεροσοχῆς – путь священной молитвы и внимания. В переводе же

эпиграмма или этот последний гимн надписав по собственному нашему усмотрению. Эти же самые стихи с именем Симеона НБ. находятся в рукописи 15 в. монастыря Ивера № 713 (см. каталог Ламброса т. II, № 4833) и в рукоп. 16 в. № 423 Московск. Синод. библиот. (см. описание архим. Владимира); ср. также Ἱεροσολυμ. Βιβλιοθήκη Ποπαδοпуλο-Κεραμευσα т IV, стр. 245.

Содержание

Божественные гимны преподобный Симеон Новый Богослов	1
Гимн 1. О том, что божественный огонь Духа, коснувшись душ, очистившихся слезами и покаянием, охватывает их и еще более очищает; освещая же помраченные грехом части их и врачую раны, он приводит их к совершенному исцелению, так что они блистают 115 божественною красотой 116.	2
Гимн 2. О том, что страх рождает любовь, любовь же, Божественным и Святым Духом, искореняет из души страх и остается в ней одна 121.	9
Гимн 3. О том, что Дух Святой пребывает в тех, которые сохранили чистым святое крещение, от осквернивших же его Он отступает 135.	18
Гимн 4. Кому Бог является, и кто чрез делание заповедей приходит в доброе состояние 141.	23
Гимн 5. Четверостишия преп. Симеона, показывающие его любовь (ἔρωτα) к Богу 142.	25
Гимн 6. Увещание к покаянию, и каким образом воля плоти, сочетавшись с волею Духа, соделывает человека богоподобным 144.	26
Гимн 7. Согласно с природою одно только Божество должно быть предметом любви и вожделения; кто приобщился Его, тот сделался причастным всех благ 147.	28
Гимн 8. О смирении и совершенстве 148.	29
Гимн 9. Кто живет, не ведая еще Бога, тот есть мертвый среди живущих в познании Бога; и кто недостойно причащается (св.) Таин, для того неуловимо бывает божественное тело и кровь	39

Христова 157.	
Гимн 10. Исповедание, соединенное с молитвой, и о сочетании Духа Святого с бесстрашием 163.	42
Гимн 11. О том, что для всякого человека, досаждаемого и злостраждущего ради заповеди Божией, (само) это бесчестие за заповедь Божию является славою и честью; и диалог (разговор) ко своей душе, научающий неисчерпаемому богатству Духа 166.	44
Гимн 12. О том, что желание и любовь к Богу превосходят всякую любовь и всякое человеческое желание; ум же очищаюхся, погружаясь в свет Божий, весь обожается, и потому называется умом Божиим 172.	48
Гимн 13. Изъявление благодарности за дары Божии, и каким образом в Отце, пишущем это, действовал Дух Святой. Также наставление, изреченное от (лица) Божия о том, что должно делать, чтобы получить спасение спасающихся 175.	50
Гимн 14. Те, которые отсюда уже чрез причастие Духа Святого сочетались с Богом, и по преставлении из сей жизни, будут там сопребывать с Ним во веки. Если же нет, то противоположное будет с теми, которые являются иными 181.	52
Гимн 15. Благодарение за изгнание и скорби, которые претерпел (св. Отец) во время гонения на него. 186	57
Гимн 16. Все святые, будучи озаряемы, просвещаются и видят славу Божию, насколько возможно человеческой природе видеть Бога 191 192.	59
Гимн 17. Соединение Всесвятого Духа с очищенными душами происходит с ясным чувством, то есть сознанием; и в которых (душах) это бывает, те Он	61

соделывает подобными Себе, световидными и светом 197.	
Гимн 18. Алфавит в двустишиях 203, побуждающий и наставляющий недавно удалившегося от мира восходить к совершенству жизни 204.	65
Гимн 19. Наставление монахам, недавно отрехшимся мира и того, что в мире; и о том, какую должно иметь веру к отцу своему (духовному) 209.	67
Гимн 20. Каковым должно быть монаху, и какое его делание, или преспеяние и восхождение 215.	69
Гимн 21. Об умном откровении действий Божественного света и об умном и Божественном делании добродетельной жизни 222.	73
Гимн 22. Божественные вещи ясны (и открыты) одним только тем, с которыми чрез причастие Духа Святого весь со всеми соединился Бог 228.	78
Гимн 23. Озарением Духа Святого прогоняется в нас все страстное, как тьма от света; когда же Он сокращает лучи Свои, мы подвергаемся нападению страстей и злых помыслов 235.	82
Гимн 24. О том, что иногда учитель, заботясь об исправлении ближнего 236, увлекаем бывает в находящуюся в том слабость страсти 237.	85
Гимн 25. Кто от всей души возлюбил Бога, тот ненавидит мир 238.	88
Гимн 26. О том, что лучше быть хорошим пасомым, чем быть пастырем над не желающими; ибо не будет никакой пользы тому, кто, стараясь других спасти, сам себя погубит чрез предстояние над ними 239.	89
Гимн 27. О Божественном озарении и просвещении Духом Святым; и о том, что Бог есть единственное	

- место, в котором все святые по смерти имеют упокоение; отпавший же от Бога (нигде) в другом месте не будет иметь упокоения в будущей жизни 242. 92
- Гимн 28. Исполненные любви к Богу слова Отца показывают здесь, какое изменение произошло в нем, как он, вконец очистившись, соединился с Богом и из какого каким стал. К концу он, богословствуя, говорит (еще) и об ангелах 248. 97
- Гимн 29. Соделавшийся причастником Духа Святого, будучи восхищаем Его светом 253 или силою, возвышается над всеми страстями, не терпя вреда от приближения их 254. 100
- Гимн 30. Благодарение Богу за дары, которых (св. Отец) удостоился от Него. И 257 о том, что достоинство священства 258 и игуменства страшно даже 259 для Ангелов 260. 101
- Гимн 31. О бывшем св. Отцу видении Божественного света, и как Божественный свет не объемлется тьмой в тех, кто, изумляясь величию откровений, помнит и человеческую немощь 266 и осуждает себя самого 267. 104
- Гимн 32. Здесь Отец с изумлением рассказывает о том, как он видел Бога, подобно апостолам Стефану и Павлу 272. 109
- Гимн 33. Благодарение Богу за бывшие от Него благодеяния; и просьба научить, ради чего соделавшимся совершенными попускается (терпеть) искушения от бесов; и об отрекающихся от мира – наставление, изреченное от (лица) Божия 276. 111
- Гимн 34. Что значит выражение «по образу», и справедливо человек признается образом Божиим 282. И о том, что любящий врагов, как благодетель

202. И о том, что любящий врагов, как благодетели, является подражателем Бога, а потому, соделавшись причастником Духа Святого, он бывает Богом по усыновлению и по благодати, будучи познаваем одними теми, в которых действует (тот же) Дух Святой 283.	117
Гимн 35. Просительная и вместе благодарственная молитва (св. Отца) к Богу за излитые на него (благодаяния) 292.	122
Гимн 36. Богословие о единстве во всем триипостасного Божества; и как (св. Отец), смиряя себя, (этим исповеданием) посрамляет самомнение мнящих о себе, что они нечто 293.	123
Гимн 37. Учение с богословием о действиях святой любви, т. е. самого света Духа Святого 300.	126
Гимн 38. Учение с богословием, в котором (говорится) о священстве и вместе о бесстрастном созерцании 308.	132
Гимн 39. Благодарение и исповедание с богословием, и о даре и причастии Св. Духа 312.	137
Гимн 40. Благодарение с богословием, и о тех действиях, по которым наименована Божественная благодать Духа 315.	144
Гимн 41. Точное богословие о неуловимом и неопишемом 318 Божестве, и о том, что Божественное естество, будучи неопишимо (неограниченно), не находится ни внутри ни вне вселенной, но и внутри и вне есть, как причина всего, и что Божество только в уме уловимо для человека неуловимым образом, как лучи солнца для глаз 319.	148
Гимн 42. О богословии и о том, что Божественное естество неисследимо и совершенно непостижимо для людей 324	156

днѣи людскѣхъ стѣ.

- Гимн 43. О богословии и о том, что сохранившие образ (Божий) попирают злые силы князя тьмы; прочие же, у которых жизнь проходит в страстях, находятся в его власти и царстве 328. 161
- Гимн 44. О богословии и о том, что ум, очистившись от вещества, невещественно созерцает Невещественного и Невидимого 329. 166
- Гимн 45. О точнейшем богословии и о том, что не видящий света славы Божией хуже слепых 332. 169
- Гимн 46. О созерцании Бога или вещей Божественных, о необычайном действии Духа Святого и о свойствах (περὶ τῶν ἰδίῳν) Святой и единосущной Троицы. И о том, что не достигший вступления в царство небесное не получит никакой пользы, хотя бы он был и вне адских мук 334. 172
- Гимн 47. О богословии и о том, что не изменившемся чрез причастие Св. Духа и не сделавшемся с познанием Богом по усыновлению непозволительно учить людей (вещам) Божественным 336. 181
- Гимн 48. Кто есть монах и какое его делание. И на какую высоту созерцания взошел этот Божественный Отец 341. 185
- Гимн 49. Моление к Богу, и как этот Отец, соединяясь с Богом и видя славу Божию, в нем самом действующую, приходил в изумление 343. 186
- Гимн 50. Общее наставление с обличением ко всем: царям, архиереям, священникам, монахам и мирянам, изреченное и изрекаемое от уст Божиих 346. 188
- Гимн 51. О том, что славные земли и гордые богатством прельщаются тенью видимого: 188

презревшие же настоящее не обманчиво делаются причастниками Божественного Духа 352.	199
Гимн 52. Блестящее исследование о мысленном рае и о древе жизни в нем 354.	203
Гимн 53. Моление и молитва Преподобного к Богу о (даровании от) Него помощи 360.	205
Гимн 54. Молитва ко Святой Троице 361.	207
Гимн 55. Другая молитва ко Господу нашему Иисусу Христу о святом причащении 370.	212
Гимн 56. О том, что каждому из людей Бог дал прирожденное и полезное дарование чрез Духа Святого, чтобы действовать не так, как сам он желает, но как предопределено от Него, дабы не быть бесполезным среди (членов) Церкви Его 371.	214
Гимн 57. О том, что смерть касается и более крепких по природе 372.	218
Гимн 58. Как этот Божественный Отец, видя славу Божию, был действуем Св. Духом. И о том, что Божество находится внутри и вне всего (мира), но Оно и уловимо и неуловимо для достойных; и что мы – дом Давидов; и что Христос и Бог, соделывающийся многими нашими членами, есть один и тот же и пребывает нераздельным и неизменным 374.	219
Гимн 59. Послание к монаху, вопрошавшему (св. Отца): как ты отделяешь Сына от Отца, мыслью (ἐπινοία) или делом? В нем найдешь богатство богословия, опровергающего его (вопрошателя) хуление 390.	225
Гимн 60. Путь к созерцанию Божественного Света 403.	238
Примечания	239